

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

Навукова-тэарэтычны часопіс

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

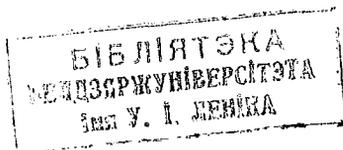
ЭКАНОМІКА

№ 1
САКАВІК

ПРАВА

Фундаментальная бібліятэка

БГУ

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (галоўны рэдактар),
П. М. БАРАНОЎСКИ (адказны сакратар), В. С. ГРЫ-
ГОР'ЕЎ, Г. П. ДАВІДЗЮК, У. Р. ІВАШЫН, В. Р. РУДЗЬ
(нам. галоўнага рэдактара), А. М. САРЖЭЎСКИ,
А. Я. СУПРУН, І. Р. ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

Г. П. ДАВІДЗЮК (адказны рэдактар),
М. І. БАЗЫЛЕЎ (адказны сакратар), П. П. ДРОНЬ,
Э. М. ЗАГАРУЛЬСКИ (нам. адказнага рэдактара),
Л. Ф. ЯЎМЕНАЎ, М. І. ЖУКАЎ, А. С. КЛЯЧЭНЯ,
Г. М. ЛІЎШЫЦ, Ф. І. МЕЛЬНИК, І. Д. ПРАХАРЭНКА,
Т. І. ПРЫТЫЦКАЯ, В. Ф. ЧЫПІР, М. Р. ЮРКЕВІЧ

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА
Серия III, № 1, 1980

Издательство Белорусского государственного университета
имени В. И. Ленина

Минск, Парковая магистраль, 11. Дом книги.

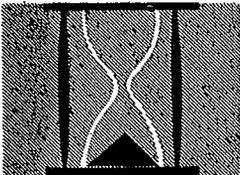
Адрес редакции: 220080, Минск, 80, Университетский городок,
корпус юридического факультета, к. 62, тел. 22-87-54.

На русском и белорусском языках

Рэдактар А. А. Сычоў
Малодшы рэдактар Г. М. Добыш
Мастацкі рэдактар Л. Г. Мядзведзева
Тэхнічны рэдактар і карэктар Г. І. Хмарун

Здадзена ў набор 27.12.79. Падпісана да друку 10.03.80. АТ 13544.
Фармат 70×108¹/₁₆. Друк высокі. Ум.-друк. арк. 7,0. Ул.-выд.
арк. 7,83. Тыраж 1190 экз. Заказ 748.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск. Універсітэцкі гарадок, кор-
пус юрыдычнага факультэта, п. 62, тэл. 22-87-54. Выдавецтва
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Мінск,
Паркавая магистраль, 11. Дом кнігі. Ордэна Працоўнага Чыр-
вонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП Беларусі. 220041,
Мінск, Ленінскі пр., 79.

В. С. КЛИМОВИЧ, И. Ф. РОМАНОВСКИЙ

ПРОГРАММА РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

**(К 60-летию выхода в свет книги В. И. Ленина
«Детская болезнь «левизны» в коммунизме»)**

Книга В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» вышла в свет в июне 1920 года. Это произведение было и остается мощным оружием в борьбе коммунистов за чистоту марксизма-ленинизма, за единство мирового коммунистического и рабочего движения, служит благородным целям человечества в строительстве нового общества. В постановлении ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина» подчеркивается, что «выработанные Лениным идейно-теоретические, политические и организационные принципы и сегодня лежат в основе деятельности революционных партий рабочего класса, помогают бороться и побеждать»¹.

Обобщив опыт мирового коммунистического и рабочего движения, В. И. Ленин всесторонне разработал основные вопросы стратегии и тактики его после победы Октябрьской революции в России. На ряде примеров Владимир Ильич показывает, что стратегия коммунистов — это большая и сложная наука, которая исходит из анализа общих закономерностей развития революции.

Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что братские партии должны в своей практической деятельности добиваться правильного применения основных принципов марксизма, опыта международного коммунистического движения с учетом конкретно-исторических и национальных особенностей своей страны, «уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому своеобразию отношений между классами и партиями, к тому своеобразию в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране...»²

Владимир Ильич постоянно напоминал о необходимости творчески развивать и обогащать различные стороны марксистской теории. Эти указания В. И. Ленина имеют огромное значение и в современных условиях. Опыт строительства социализма и коммунизма, революционного движения в капиталистических странах, национально-освободительной борьбы, общедемократического движения, накопленный в последние десятилетия, наглядно показывает, что марксистско-ленинская теория формируется и развивается в результате практической деятельности, опыта коммунистических и рабочих партий. Обобщение практического опыта и дальнейшее развитие теории является обязанностью каждой партии. В этом авангардную роль играет наиболее опытный боевой отряд международного рабочего движения — Коммунистическая партия Советского Союза.

Всемирно-исторический опыт КПСС по претворению в жизнь принципов ленинизма, по руководству революционной борьбой, строительством социализма и коммунизма стал достоянием всего мирового революционного движения. В свою очередь наша партия в борьбе за коммунизм учитывает итоги теоретической деятельности и практический опыт братских коммунистических и рабочих партий.

Братские партии работают в различных условиях и решают различ-

ные задачи, сообразуя свою тактику и стратегию с конкретной обстановкой в своей стране. Но все они — участники единой борьбы, все они движутся в одном направлении и всех их объединяет общая благородная конечная цель: социализм и коммунизм. Отрицание же взаимосвязи всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой революции и строительства социализма в каждой стране «новых моделей социализма» (концепции «плюралистического марксизма», «национального марксизма», «национального коммунизма») по существу ведут к отрицанию социализма как такового. Чехословацкие события убедительно показали опасность правого ревизионизма, который под видом «гуманного социализма» стремился выхолостить революционную суть марксизма-ленинизма и расчищал путь для проникновения буржуазной идеологии.

Конечно, каждая марксистско-ленинская партия учитывает специфические особенности революционного движения в своей стране, но она обязана принимать в расчет и то, что главным в марксизме-ленинизме являются общие законы социалистической революции: «Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается, по Ленину, многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу»³.

Все большее понимание массами несоциалистических стран коренной противоположности путей, по которым идут две мировые социально-экономические системы, стало важным фактором современной политической и идеологической борьбы. Достижения общества развитого социализма во все большей степени рассматриваются как мерило социального прогресса или его отсутствия. Именно сдвигом в сознании масс объясняется новый взрыв истерии, новая волна низкопробной клеветы на социализм, распространяемый буржуазной пропагандой и оппортунистами всех мастей.

Показывая историческое значение «русского опыта», В. И. Ленин в то же время решительно возражал против шаблонного перенесения всех сторон опыта одной страны в другие страны, против примитивного, догматического подхода к революционной стратегии. Носителями такой опасности являются китайские руководители. В основных стратегических и тактических установках коммунистических партий они усматривают «несоответствие» высказываниям Маркса, Энгельса и Ленина, относящимся к совершенно иным историческим условиям. Догматизм лидеров Пекина в теории привел на практике к предательству интересов революции.

Важнейшая задача каждой коммунистической партии состоит в том, писал В. И. Ленин, чтобы «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи...»⁴.

Развитие В. И. Лениным положения о соотношении общего и особенного, интернационального и национального явилось новым словом в марксизме. Документы международных совещаний представителей коммунистических и рабочих партий содержат творческое развитие ленинских идей. «Глубокое понимание этих общих закономерностей, — подчеркивал Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — опора на них в сочетании с творческим подходом и учетом конкретных условий в каждой данной стране, были и остаются неотъемлемой особенностью марксистов-ленинцев»⁵.

Особое значение В. И. Ленин придавал подготовке масс к решающей борьбе с классовым врагом, обосновывал методы ее осуществления. Он подчеркивал, что завоевать массы, подвести их к победоносной революции можно, только изжив «левое» доктринерство, преодолев его ошибки. Коммунисты должны работать с массами, они «обязаны трезво следить за действительным состоянием сознательности и подготовленности именно всего класса (а не только его коммунистического авангарда), именно всей трудящейся массы (а не только передовых людей)»⁶.

В. И. Ленин призывал коммунистические партии умело использовать тактику соглашений, компромиссов с разными группами пролетариев и мелкой буржуазии, с различными мелкобуржуазными, а иногда даже и буржуазными партиями «в целях повышения, а не понижения общего уровня пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и к победе»⁷. Такая гибкая тактика помогает лишить противника широкой социальной опоры, сплотить вокруг пролетарского авангарда

трудоуые массы и обеспечить эффективность и революционную целеустремленность коммунистической стратегии.

Ленин раскрывает в книге содержание революционной работы коммунистов в массах. Он призывал их учиться преодолевать любые препятствия, чтобы упорно, систематически, настойчиво пропагандировать и агитировать именно в тех учреждениях, обществах, союзах, пусть даже самых реакционных, где есть пролетарская или полупролетарская масса.

Вместе с тем, исходя из опыта большевистской партии, Ленин подчеркивал, что одной пропаганды и одной агитации в массах мало: «...без перемены взглядов большинства рабочего класса революция невозможна, а эта перемена создается политическим опытом масс, никогда не одной только пропагандой»⁸. Поэтому одна из важнейших задач коммунистических партий и заключается в том, чтобы ускорить приобретение этого опыта широкими массами пролетариата. В этом, подчеркивал Ленин, основной закон всех великих революций.

Ленин показал, что для осуществления этой задачи компартиям надо «уметь найти, нащупать, верно определить конкретный путь или особый поворот событий, подводящий массы к настоящей, решительной последней, великой революционной борьбе»⁹. Добиться этого — значит выдвинуть такую программу действия, которая отражала бы насущные проблемы, волнующие трудящихся, а участие в реализации этой программы содействовало бы повышению их политической активности, подводило к пониманию задач социалистической революции.

Коммунисты развитых капиталистических стран последовательно борются за осуществление программы антимонополистических преобразований, которая предусматривает ликвидацию власти монополий, разрушение всей системы капиталистических отношений и революционный переход к социализму. Общественно-политическое развитие государств Латинской Америки свидетельствует о возникновении на этом континенте обстановки, в которой расширяются возможности создания демократических правительств, противостоящих империализму и осуществляющих передовую политику в социальной области. Несмотря на то, что фашизм все еще зверствует в Чили, диктаторские режимы держатся в целом ряде стран, преобладающей тенденцией здесь вновь становится нарастание освободительного антиимпериалистического движения. И марксисты-ленинцы этого региона последовательно и настойчиво борются за сплочение вокруг знамени свободы всех патриотических, демократических сил.

Формы борьбы и организации, применяемые коммунистическими партиями капиталистических стран, многообразны. Но все они способствуют росту революционного сознания масс, расширению и углублению освободительного движения. Гибкая и целенаправленная тактика, опирающаяся на учение марксизма-ленинизма, создает условия для привлечения новых союзников рабочего класса, трудящихся масс, для воспитания людей в духе непримиримости к капитализму, в духе борьбы за социализм и коммунизм.

Обобщая богатейший опыт РКП(б), В. И. Ленин показывает, что на протяжении всей истории в рабочем движении партии большевиков приходилось бороться с двумя врагами. Большевизм вырос, окреп и закалился, отмечал Ленин, во-первых, в борьбе с правым оппортунизмом: «Это был, естественно, главный враг большевизма внутри рабочего движения. Этот враг и остается главным в международном масштабе»¹⁰. Другой враг большевизма — «левый» уклон, левосектантский анархизм, который «нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополнили друг друга»¹¹.

В. И. Ленин призывал к беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей и непримиримости к его малейшим проявлениям. Без этой борьбы партия не может быть подлинно революционной, пролетарской, боевой политической организацией.

Оба эти течения носят реакционный характер. Они дезорганизуют рабочее движение, пытаются свернуть его с правильного пути. Ленин показывает, что как правому, так и «левому» оппортунизму свойственна неспособность разобратся в новой ситуации, неумение определить тактику революционной борьбы и провести ее в жизнь.

Правый оппортунизм опасен тем, что сдерживает развитие партии, пытается превратить ее из боевой классовой партии в организацию, не-

способную к революционным действиям. «Левому» оппортунизму присущ субъективизм, игнорирование реальных условий классовой борьбы и недооценка роли экономического развития в общественном прогрессе. Ленин, предостерегая братские партии об опасных последствиях мелкобуржуазной революционности, указывал, что она «неминуемо всякое пролетарское революционное движение погубит, если дать ей потачку»¹².

Руководствуясь ленинскими принципами борьбы с правыми и «левыми» уклонами, изложенными в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», марксистские партии отмечают как правый оппортунизм, который в конечном счете приводит к измене рабочему классу, так и псевдореволюционный «левацкий» авантюризм. Они также отвергают субъективизм и догматизм, косное шаблонное мышление, убивающее живую душу марксизма.

Своей гениальной работой В. И. Ленин помог зарубежным компартиям преодолеть болезнь «левизны», предотвратить опасность отрыва от масс и вооружиться гигантским опытом борьбы за массы, накопленным Компартией Советского Союза. Коммунисты проводят гибкую политику с точным учетом обстановки в каждой капиталистической стране, давая массам четкий ответ на вопрос о способах подготовки и осуществления социалистической революции.

Историческое значение этого ленинского труда в том, что изучение его дает ключ к пониманию самых сложных явлений международной политики, важнейших вопросов мирового рабочего и коммунистического движения. Сегодня, как и 60 лет назад, идеи ленинской книги вдохновляют коммунистов всех стран на борьбу за мир, демократию и социализм. «Жизнь возьмет свое. Пусть буржуазия мечется,— писал В. И. Ленин в 1920 году,— злобствует до умопомрачения... Коммунисты должны знать, что будущее во всяком случае принадлежит им, и поэтому мы можем (и должны) соединить величайшую страстность в великой революционной борьбе с наиболее хладнокровным и трезвым учетом бешеных метаний буржуазии»¹³.

Осуществление ленинских принципов стратегии и тактики в международном коммунистическом движении находит свое практическое выражение в растущем влиянии компартий, их неразрывных связей с народными массами. Доказательство этому — выдающиеся достижения в борьбе за социальный прогресс Французской и Итальянской коммунистических партий, без участия которых в этих странах практически не решается ни один вопрос как внутренней, так и внешней политики. Все больше политический вес приобретают в своих странах и на международной арене коммунистические партии Португалии, Испании, Японии, Индии, Финляндии, Дании, ряда стран Латинской Америки, Африки, Азии.

Революционный процесс развивается неудержимо. В капиталистических и развивающихся странах накапливается все больше реальных предпосылок для социалистических революций. А это значит, что роль стратегического и тактического руководства в освободительной борьбе увеличивается в связи с включением в нее гигантских масс революционно настроенных людей. Этому учит ленинская книга. Ленинская теория, ленинская методология остаются сегодня незыблемой основой для выработки коммунистическими и рабочими партиями стратегии и тактики и ее проведения в жизнь. Как отмечал Леонид Ильич Брежнев, классический труд В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и сегодня остается «подлинной энциклопедией стратегии и тактики мирового коммунистического движения»¹⁴.

¹ Правда, 1979, 16 декабря.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 74.

³ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС.—М., 1970, с. 49.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77.

⁵ Материалы XXV съезда КПСС.—М., 1976, с. 31.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 42.

⁷ Там же, с. 59.

⁸ Там же, с. 69.

⁹ Там же, с. 82.

¹⁰ Там же, с. 14.

¹¹ Там же, с. 15.

¹² Там же, с. 26.

¹³ Там же, с. 87.

¹⁴ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи.—М., 1970, т. 2, с. 560.

В. М. СИКОРСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ НАУКАХ *

Непрерывное возрастание роли общественных наук в социалистическом и коммунистическом строительстве, необходимость их дальнейшего развития требуют постоянного совершенствования марксистско-ленинской методологии, принципов классово-партийного, конкретно-исторического подхода к анализу общественных явлений, повышения теоретико-методологической вооруженности обществоведов. Эти задачи четко сформулированы в постановлении ЦК КПСС от 14 августа 1967 года «О дальнейшем развитии общественных наук и повышении их роли в коммунистическом строительстве»¹, других документах ЦК КПСС, а также в редакционной статье «Правды» — «Высокий долг советских философов»².

Руководствуясь указаниями партии, научную разработку актуальных методологических проблем вместе с философами и представителями других общественных наук, активно ведут и советские историки. В последнее десятилетие они создали ряд фундаментальных трудов по отечественной и всемирной истории³. Близятся к завершению многотомные «История КПСС» и «История СССР»; вышли обобщающие исследования об Октябрьской революции, по истории внешней политики Советского государства; успешно осуществляется создание многотомной «Истории второй мировой войны 1939—1945 годов», многотомной истории международного рабочего движения; завершен выпуск Советской исторической энциклопедии; опубликованы содержательные монографии по отдельным проблемам отечественной и всемирной истории, изданы истории союзных и автономных республик, в том числе 5-томная история Белорусской ССР. Во многих исторических исследованиях участвуют историки социалистических стран, в том числе историки ГДР.

В оценках этих работ, содержащихся в партийных документах, а также на страницах печати, подчеркивается повышение идейно-теоретического, научного уровня исторических исследований, обогащение историко-научной базы, усиление внимания к разработке вопросов методологии. О возросшем уровне теоретико-методологической вооруженности советских историков свидетельствуют планомерная, глубокая и аргументированная критика современной буржуазной историографии, активная борьба с фальсификаторами истории, антисоветизмом, ревизионистскими концепциями правого и «левого» толка, а также успешное преодоление теоретических ошибок, допущенных отдельными авторами в 50—60-е годы.

Подготовка и создание названных выше фундаментальных исследований потребовала от советских историков решения сложных теоретических и методологических проблем, углубленного изучения идейного наследия В. И. Ленина, дальнейшей разработки ленинской концепции отечественной и всемирной истории, раскрытия ленинской лаборатории исторического исследования⁴. Усиление внимания к развитию историографических исследований выразилось и в выходе в свет первых томов коллективного труда «Очерки истории исторической науки в СССР».

Определенные достижения советской исторической науки не избавили ее автоматически от недостатков. Отдельные авторы поверхностно освещают исторические явления, допускают упрощенное изложение фактов и событий прошлого, компиляторство, не поднимаются до глубоких и оригинальных обобщений.

Все это вместе взятое: выход советской исторической науки на новые рубежи, серьезность и масштабность стоящих перед ней задач, с одной стороны, и необходимость преодоления все еще имеющих место негативных явлений, повышения научного уровня исторических исследований,

* В основу публикации положено сообщение автора на IX сессии двухсторонней Комиссии философов СССР и ГДР (сентябрь 1979 года) «Философско-методологические проблемы общественных наук и перспективы их разработки».

с другой, и обусловило более пристальное внимание историков к **непосредственной разработке методологических проблем своей науки**. Я подчеркиваю это обстоятельство в связи с тем, что еще 10—15 лет назад среди наших историков господствовало мнение (а кое-где бытует и сейчас), будто научная разработка философско-методологических проблем общественных наук, в том числе и истории, является монопольной задачей и обязанностью лишь философов.

Сегодня же мы вправе говорить не только о значительном повышении интереса и внимания историков к философским, теоретико-методологическим проблемам своей науки, но и об улучшении изучения и освещения вопросов методологии истории. Эти проблемы стали предметом обсуждения на научных конференциях, симпозиумах, совещаниях; состоялось обсуждение указанных проблем на страницах исторических журналов. Только в дискуссии, проведенной недавно журналом «Вопросы истории КПСС» по некоторым вопросам методологии истории партии, выступило более 30 историков и философов⁵. Вопросы методологии исторической науки освещаются в ряде монографических исследований, специальных сборников, научных статей. Важное значение для развития таких исследований имели выступления по проблемам теории и методологии исторической науки академиков П. Н. Федосеева, П. Н. Поспелова, Е. М. Жукова, А. Л. Нарочницкого⁶. Необходимо особо отметить большую работу наших украинских коллег, опубликовавших ряд интересных работ по проблемам методологии исторической науки.

Отмечая активное включение историков, наряду с философами, в разработку актуальных методологических проблем исторической науки, накопление ими определенного исследовательского опыта, не следует преувеличивать достигнутое. На современном этапе дискуссии и обсуждения ведутся, как правило, по самым общим вопросам — о границах, содержании и структуре предмета методологии исторической науки, о связях методологии истории с ее собственным содержанием, об основных методологических принципах исторического исследования.

Поскольку вопросы эти имеют первостепенное значение для общественного сознания в целом, они находятся в центре внимания не только историков, но и философов, экономистов, правоведов, социологов, представителей всех общественных наук. Как показывает дискуссия, развернувшаяся на настоящей сессии, пока философы и представители других общественных наук и у нас, и в ГДР не пришли к единому мнению о том, каково соотношение диалектического и исторического материализма как **общей методологии** всех общественных наук и методологии **каждой конкретной общественной науки**: истории, политэкономии, научного коммунизма и т. д., в чем здесь единство и в чем различие. Без решения этого вопроса трудно двигаться дальше, разрабатывать конкретные методологические проблемы общественных наук.

Разделяя мнение тех советских обществоведов, которые признают правомерным выделение методологических проблем каждой конкретной общественной науки в относительно самостоятельную отрасль знаний данной науки, полагаю, что аргументировать эту правомерность (и решить проблему в целом) легче, если мы попытаемся определить содержание, специфику методологических вопросов каждой из общественных наук. Именно такой подход к решению данного вопроса выявился в ходе дискуссии, проведенной на страницах журнала «Вопросы истории КПСС».

Для историка-марксиста бесспорным является положение о том, что марксистско-ленинская философия и конкретно-исторический материализм как ее составная часть являются методологической основой познания общественно-исторического процесса во всей его сложности и многосторонности. Именно исторический материализм как теория и метод, взятые во взаимосвязи и единстве, составляют общую методологическую основу всех общественных наук, в том числе и истории. Весь опыт развития исторической науки убедительно подтверждает, что лишь последовательное и творческое применение марксистского диалектического метода и материалистического понимания истории и вытекающих из них принципов и методов исторического познания обеспечивает получение истинных знаний о пути, пройденном человечеством.

Вместе с тем, как справедливо отмечается в исторической литературе, было бы неправильно отождествлять исторический материализм и методологические проблемы истории, ставить между ними знак равенства, отрицать существование методологии истории как определенной

области исторической науки, имеющей свой круг методологических проблем, свои особенности в разработке методологических вопросов, обусловленные спецификой предмета, задач и функций исторического знания. Подводя итоги одной из дискуссий по проблемам методологии истории, академик П. Н. Федосеев отметил: «Исторический материализм есть общая методология для всех общественных наук, в том числе и для советской исторической науки. Но это не значит, что в самой исторической науке нет методологии, методологических вопросов. Если бы этого не было, тогда бы наша историческая наука не была марксистской»⁷.

Такая постановка проблемы требует ответа по крайней мере на два важных вопроса. Первый — о соотношении исторического материализма (как общей методологии общественных наук) и метода исторической науки. Второй — о соотношении теоретического содержания, теоретических положений самой исторической науки с ее методологией.

Ответ на первый вопрос кажется достаточно ясным и простым, когда мы рассматриваем его в общем плане: бесспорно, что методология исторической науки есть конкретизация всеобщего метода исторического материализма, что ее (методологию исторической науки) правомерно рассматривать как конкретную форму всеобщего метода исторического материализма. Но гораздо сложнее представить, правильно раскрыть «механизм» конкретизации. В последние годы этот вопрос получил определенное освещение в исторической литературе.

Речь идет не о том, чтобы проиллюстрировать конкретным историческим материалом бесспорную применимость законов и категорий исторического материализма к историческому исследованию (как это нередко делается), не о простой, так сказать, экстраполяции этих законов и категорий на историческую науку, и даже не о прямом дедуцировании специфических методов исторического исследования из общих философско-логических методов. Такое упрощенное понимание «конкретизации» выводило бы методологию за пределы самой исторической науки, превращало бы ее в нечто «прилагаемое» к истории извне, давало бы пищу нашим идейным противникам, которые без устали твердят о якобы имеющем место подчинении советской исторической науки навязываемым ей схемам.

Правильный ответ на вопрос о соотношении метода исторического материализма и метода исторической науки, их единства и различия, мы должны искать в плане диалектического единства общего, особенного и единичного, в плане содержательного обогащения абстрактного в процессе его восхождения к конкретному⁸. Иными словами в отдельных общественных науках методология выступает не в теоретико-абстрагированной форме общего, а в конкретной форме особенного, как единства общего и единичного. При этом единичным являются принципы и методы познания явлений и процессов, которые изучаются данной наукой, в нашем конкретном случае — исторической наукой.

Методология исторической науки, следовательно, включает, наряду с общими принципами исторического материализма, важные положения и выводы, отражающие закономерности научного познания своего предмета — истории развития общества. Поэтому методологию исторической науки правомерно рассматривать в качестве органической части самой науки, которая входит в ее систему как специальная отрасль научных знаний. Против такого понимания некоторые философы выдвигают возражение: дескать, в таком случае мы объявляем методологию нефилософской дисциплиной. Думается, что это возражение необосновано. Речь идет как раз о философско-методологических вопросах исторической науки, о том, как конкретно реализуются всеобщие теоретико-познавательные принципы диалектического и исторического материализма в процессе исторического исследования. Речь идет, фактически, не о двух различных, а о единой методологии, но рассматриваемой на различных уровнях: общеполитическом (диалектический и исторический материализм) и специально научном (методология истории).

Не имея возможности сколько-нибудь подробно остановиться на конкретных примерах, подтверждающих наличие специфических для исторической науки методологических проблем, назову лишь некоторые из них. Это проблемы соотношения прошлого и настоящего, общественно-экономической формации и конкретной исторической эпохи, без чего невозможно решение важнейшего вопроса исторической науки — научной периодизации развития общества, которая сама является существенной методологической проблемой. Или такие специфические исторические методы

исследования как сравнительно-исторический, ретроспективный, синхронистический, системно-структурного анализа и т. д. Думается, что мы быстрее и успешнее решим эти вопросы, если объединим усилия и филологов, и историков.

Обсуждая проблему границ, содержания предмета методологии исторической науки, историки нередко ставят вопрос о правомерности выделения самостоятельных разделов методологии отдельных отраслей исторического знания. В частности, в центре внимания дискуссии, проведенной журналом «Вопросы истории КПСС», оказался вопрос: существует ли самостоятельная «конкретная» методология историко-партийной науки? В принципе, очевидно, правомерно различать и разрабатывать теоретические, методологические и методические вопросы историко-партийной науки, других отраслей исторического знания. Однако нам представляется, что на данном этапе разработки методологических проблем истории целесообразнее сосредоточить усилия не столько на выяснении этой специфики, сколько на общем, что определяет содержание, структуру, важнейшие принципы методологии как органической составной части исторической науки, как специальной отрасли научных исторических знаний.

Второй вопрос, это вопрос о соотношении теоретических положений и выводов самой этой науки с ее методологией. В литературе обозначились различные подходы к его решению. Соотношение теоретических выводов исторической науки и ее методологии рассматривается либо в плане альтернативы, либо тождества. Обе эти точки зрения подвергаются справедливой критике⁹. Теоретические выводы исторической науки нельзя, конечно, отмежевывать от общесоциологической теории, отрывать их от методологии. Но неправомерно и отождествлять теорию и методологию истории, не видеть между ними различий, относить все сложные вопросы исторической науки к ее методологии. Суть в том, что историческая теория базируется на знании объективных закономерностей развития общества; методология истории — это знание закономерностей процесса исторического познания.

Не отрицая в принципе возможности превращения теоретических положений и выводов исторической науки в регулятивные, познавательные принципы, следует сказать, что сам механизм этого превращения чрезвычайно сложен и недостаточно изучен. Некоторые авторы, на наш взгляд, справедливо подчеркивают, что теоретический вывод исторической науки должен быть настолько осмыслен и логически освоен, чтобы обнаружилась его эвристическая конструктивность. Только при этом условии исследователь может превратить данное теоретическое положение в познавательное правило и сознательно использовать в исследовании данной проблемы. Вторым условием возможности выведения познавательных принципов из теоретических выводов и обобщений самой исторической науки является освобождение этих выводов от конкретно-исторического содержания, с тем, чтобы исключить возможность сведения теоретических выводов и обобщений исторической науки в ранг аксиом, превращения их в догматические постулаты.

Вопрос об органической связи и взаимопроникаемости теории и методологии исторической науки имеет важное значение не только для понимания источников формирования методологии исторической науки, но и для определения ее содержания, границ, структуры. Поэтому он заслуживает, на наш взгляд, дальнейшей всесторонней разработки. При этом должно учитываться то обстоятельство, что постоянное взаимодействие теории и методологии, единство теории и метода являются важнейшей чертой марксизма-ленинизма, характеризуют процесс научного познания. Совершенно очевидно, что чем более развита теория исторической науки, чем глубже познаны ею объективные закономерности, тем больше познавательных возможностей дает методология.

Кроме вопросов о содержании, источниках формирования методологии исторической науки, широко обсуждается в литературе и вопрос о методологическом значении принципов исторического познания, отражающих основные законы материалистической диалектики и преломляющих их в соответствии со спецификой природы исторического знания как части научного знания вообще. Речь идет о принципах партийности, историзма, объективности, всесторонности исторического исследования. Следует сказать, что дискуссии иногда уходят в сторону от главного вопроса: спорят о том, сколько таких принципов следует выделить, каково соотношение между ними, не «поглощается» ли и не «перекрывается» ли один прин-

дип другим и т. д., в то время как главное состоит в выявлении и уяснении содержания этих принципов применительно к процессу исторического познания. Правы те исследователи, которые подчеркивают, что надо не канонизировать перечисленные принципы научного исследования, а так раскрывать их существо, чтобы в совокупности они отражали основные требования материалистической диалектики к процессу познания закономерностей исторического процесса. При этом, по нашему мнению, для уяснения общих принципов исторического познания особенно важно продолжить изучение принципа коммунистической партийности и принципа историзма, соблюдение и строгое проведение которых в исторических исследованиях играет особую роль.

¹ См.: Об идеологической работе КПСС. Сборник документов.—М., 1977, с. 465.

² См.: Правда, 1975, 19 сентября.

³ См.: Нарочницкий А. Изучение отечественной истории: результаты и проблемы.—Коммунист, 1978, № 16.

⁴ См.: В. И. Ленин и историческая наука.—М., 1969; Маслов Н. Н. В. И. Ленин как историк партии.—Л., 1969; Городецкий Е. Н. Ленин—основоположник советской исторической науки.—М., 1970; Марксистско-ленинская методология военной истории.—М., 1973; Махов А. С. Ленинская методология социального познания.—М., 1974.

⁵ См.: Вопросы истории КПСС, 1976, № 4, 6—12; 1977, № 1—7.

⁶ См.: Федосеев П. Н. Актуальные проблемы общественных наук.—Коммунист, 1975, № 5; Поспелов П. Н. В. И. Ленин и историко-партийная наука.—В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968; Нарочницкий А. Л. О теории и методологии истории международных отношений.—Вопросы истории, 1976, № 2; Жуков Е. М. Критерии периодизации истории.—Общественные науки, 1979, № 4.

⁷ История и социология.—М., 1964, с. 327.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 727.

⁹ См.: Вопросы истории КПСС, 1978, № 12, с. 97.

Н. М. ЖИЛИНСКИЙ

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО ДВИЖЕНИЕМ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ БЕЛОРУССИИ (1966—1970)

Первые ростки нового отношения к труду, новые взаимоотношения между людьми В. И. Ленин увидел в коммунистических субботниках. В работе «Великий почин» он писал: «Коммунистические субботники» именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни»¹.

Бескорыстный трудовой подвиг рабочих Московско-Казанской железной дороги, вышедших на первый коммунистический субботник, стал той искрой, из которой разгорелось негасимое пламя социалистического соревнования, а в наши дни — движение за коммунистическое отношение к труду. Родилось это движение в дни подготовки к XXI съезду КПСС по инициативе молодых рабочих депо Москва-Сортировочная, давших в ноябре 1958 года в Кремле клятву учиться работать и жить по-коммунистически.

В сельском хозяйстве Белоруссии одними из первых соревноваться за право называться коллективами коммунистического труда начали работники молочно-товарных ферм совхозов «Свислочь» Гродненской области, «Заречье» Смолевичского района Минской области, колхозов «Победа» Лепельского района Витебской области, имени Калинина Хойникского района Гомельской области, имени Ленина Славгородского района Могилевской области².

Важную роль в развитии социалистического соревнования и движения за коммунистическое отношение к труду сыграли решения мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС и XXIII съезда партии. Съезд призвал всех коммунистов, рабочих, колхозников, интеллигенцию ознаменовать 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летие со

дня рождения Владимира Ильича Ленина широким развертыванием социалистического соревнования, движения за коммунистический труд, новыми достижениями в коммунистическом строительстве.

В докладе XXVI съезду Компартии Белоруссии первый секретарь ЦК КПБ П. М. Машеров подчеркнул: «Особую заботу парторганизации должны проявлять о воспитании у каждого человека коммунистического отношения к труду и общественному хозяйству»³.

Партийные, профсоюзные и комсомольские организации колхозов и совхозов республики разработали конкретные мероприятия по улучшению руководства социалистическим соревнованием и движением за коммунистическое отношение к труду. Последовательное осуществление выработанных мер способствовало значительному количественному росту участников патриотического движения. К концу 1966 года в сельском хозяйстве республики в нем участвовало 4615 коллективов и 89218 человек. Почетное звание коллективов коммунистического труда завоевали 1125 бригад, ферм, отделений, а ударников — 24493 труженика села⁴.

ЦК КПБ, обкомы и райкомы партии внимательно изучали работу партийных организаций по развертыванию соревнования за коммунистическое отношение к труду, систематически рассматривали эти вопросы на заседаниях бюро, партийных активах, собраниях первичных парторганизаций, оказывали активную поддержку широкому распространению нового патриотического движения. Например, Лидский райком КПБ в мае 1967 года изучил практику руководства партийной и профсоюзной организаций совхоза «Тарново» движением за коммунистическое отношение к труду. Райком рекомендовал парторганизации совхоза усилить внимание к этому движению путем проведения должной разъяснительной и организаторской работы, устранить поспешность в присвоении почетных званий⁵. Решение райкома КПБ помогло партийной и общественным организациям совхоза лучше организовать движение за коммунистическое отношение к труду, наладить его гласность. Победителей стали поощрять премиями, заносить их фамилии в Книгу ударников коммунистического труда, на Доску почета. При присвоении званий коллективов и ударников коммунистического труда учитывались как производственные показатели, так и повышение общеобразовательного уровня и профессиональной подготовки, соблюдение дисциплины труда, поведение людей⁶.

Поучителен опыт работы Минского райкома КПБ по развертыванию движения за коммунистическое отношение к труду. Райком партии ежегодно проводил слеты участников этого движения, изучал их заботы и нужды, обобщал и распространял опыт лучших. На бюро райкома систематически заслушивались отчеты первичных парторганизаций по руководству соревнованием, ежеквартально подводились его итоги. Все это способствовало значительному развитию движения за коммунистическое отношение к труду. В 1967 году в этом движении в районе участвовало 7 колхозов и совхозов, 108 бригад и ферм, более 3 тыс. тружеников, а 29 коллективов и 1485 колхозников и рабочих совхозов были удостоены высокого звания⁷. В феврале 1968 года райком КПБ одобрил и поддержал инициативу передовых колхозов имени Гастелло, «Новый быт», птицефабрики имени Крупской и опытного хозяйства «Русиновичи», вызвавшихся помочь отстававшим колхозам имени Ленина, имени Дзержинского и совхозу «Новый» в практическом внедрении передового опыта⁸. Партийные организации и специалисты этих хозяйств с помощью широкого актива составили конкретные планы шефской помощи на четвертый год пятилетки. Райком КПБ ежеквартально подводил итоги этой работы⁹.

Первичные партийные организации республики настойчиво добивались обеспечения авангардной роли коммунистов в соревновании за коммунистическое отношение к труду. Например, в колхозе имени XXI съезда КПСС Хойникского района из 343 колхозников, боровшихся за звание ударников коммунистического труда, в конце 1967 года были удостоены его 62, в том числе 20 коммунистов и 28 комсомольцев. Пример в труде и общественной жизни показывали доярки, члены партии, Бельская Е. С., Кузьменко Н. Ф., Курень М. М. и другие¹⁰. В совхозе «Василевичи» Речицкого района в движении за коммунистическое отношение к труду участвовал 81 рабочий, среди которых было 62 коммуниста. 47 лучших тружеников совхоза были удостоены звания ударника коммунистического труда, среди них 23 коммуниста. Животноводческая ферма производственного участка «Роголики» подтверждала высокое звание коллектива

коммунистического труда три года подряд¹¹. Все работники бригад и ферм участвовали в соревнованиях за это почетное звание в колхозах имени Дзержинского, «50-летие Октября», «Светлый путь», совхозах «Яхимовщина», имени Янки Купалы и ряде других хозяйств Молодечненского района¹². В Гродненской области за звание коллективов коммунистического труда в 1966 году боролись 8 совхозов, 417 отделений, бригад и ферм¹³.

Всемерно развивая патриотическое движение, партийные организации республики руководствовались указанием В. И. Ленина о том, что «каждый коммунист, всякий, кто хочет быть верен принципам коммунизма, должен все свои усилия, все свое внимание направить на то, чтобы помочь уяснению этого явления и его практическому применению»¹⁴.

В 1966—1970 годах Компартия Белоруссии усилила руководство профсоюзами и комсомолом, провела большую работу по укреплению и воспитанию кадров, повышению уровня их организаторской и идейно-политической деятельности. Партийные, профсоюзные и комсомольские организации республики стали активно поддерживать творческую инициативу передовиков и новаторов производства. Так, бюро Брестского обкома КПБ в 1966 году одобрило начин передовой доярки колхоза имени Жданова Брестского района Героя Социалистического Труда, коммуниста Л. И. Осюк, выступившей инициатором соревнования доярок области за получение рекордных надоев молока¹⁵. Поддерживая ее начинание, партийные организации области и республики организовали заключенные договоры на соревнование, изучение передового опыта. Л. И. Осюк часто выезжала в хозяйства Брестского, Кобринского, Лунинецкого и других районов для обучения молодых животноводов передовым методам труда. Она вырастила и передала подругам по работе более 30 высокопродуктивных коров. Под влиянием почина брестской доярки в Гродненской области, по инициативе коллектива коммунистического труда фермы «Людвиково» из совхоза «Кореличи», развернулось движение доярок-пятитысячниц. Благодаря широкому размаху соревнования в 1966 году, доярки Л. И. Осюк из колхоза имени Жданова, Т. В. Шпаковская и Е. П. Лесничая из колхоза «Оснежицкий» Брестской области надоили по 7 тысяч, а свыше 100 доярок республики — по 4—5 и более тысяч килограммов молока от коровы¹⁶.

В 1966—1970 годах движение за коммунистическое отношение к труду охватило все отрасли сельскохозяйственного производства. Количество коллективов, борющихся за звание коммунистических, с 1 января 1967 по 1 января 1971 года увеличилось на 320, а число соревнующихся за звание ударников коммунистического труда — на 51845 человек. Количество коллективов, завоевавших почетное звание, выросло за это время с 1125 до 1291, а ударников — с 24493 до 42930 человек¹⁷.

По инициативе партийных комитетов в областях и районах республики ежегодно проводились слеты участников патриотического движения. Так, в соответствии с постановлением бюро Гродненского обкома партии от 3 января 1968 года, такие слеты состоялись во всех 17 районах области¹⁸. Партийные комитеты и организации умело использовали эту форму работы для пропаганды достижений, опыта коллективов и ударников патриотического движения, для воспитания у всех тружеников горячего стремления трудиться по-коммунистически. В совхозе «Свислочь» Гродненского района, включившемся в борьбу за звание коллектива коммунистического труда, вопросы о присвоении и подтверждении высокого звания рассматривались на собраниях коллективов бригад и ферм с последующим утверждением решений на заседании рабочего комитета. Здесь в 1966 году из 653 человек, работавших в хозяйстве, 315 было присвоено звание ударников коммунистического труда¹⁹.

В колхозах и совхозах республики завоевали популярность рапорты ударников и коллективов коммунистического труда, эстафеты трудовых дел в честь славных юбилеев Родины, движения за открытие личных личных счетов, за создание рационализаторских фондов пятилетки. Проводился смотр по внедрению НОТ и смотр-конкурс на лучшее рационализаторское предложение, эстафета за высокую культуру производства и улучшение условий труда. Имена ударников, передовиков и новаторов производства заносились на Доску почета, им вручались переходящие красные знамена и вымпелы, в их честь поднимались флаги, создавались галереи трудовой славы, присваивались звания заслуженного или по-

четного колхозника. Эти и другие формы воспитания обеспечивали поддержку и распространение патриотических починов, новых отношений между людьми.

В соревновании за коммунистическое отношение к труду наиболее ярко раскрывался творческий рост сельских труженников, их организаторские способности, высокая идейность и профессиональное мастерство. Вот что писал об этом тракторист ордена Трудового Красного Знамени колхоза «Победа» Барановичского района Э. Собко: «Мы — коллективисты и не только потому, что всех нас объединяет одно коллективное хозяйство, работа на одинаково принадлежащей нам всем земле. Наше братское сотрудничество основано не только на общности труда и собственности, но и на общности интересов, мировоззрения, целей. Наш коллективизм — социалистический. И он дает нам силу в любом деле, объединяет нас...»²⁰

Компартия Белоруссии умело направляет деятельность партийных комитетов и организаций на развитие движения за коммунистическое отношение к труду в сельском хозяйстве. В 1966—1970 годах это патриотическое движение получило дальнейшее развитие и являлось одной из форм проявления трудового патриотического энтузиазма белорусского крестьянства, могучим средством развития творческой инициативы масс и мобилизации сельских труженников на подъем производительности труда, оно способствовало развитию коммунистических начал в экономической и общественной жизни, воспитанию нового советского человека.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 18.

² См.: Белязов Е. П. Последователи великого почина в сельском хозяйстве Белоруссии. — Минск, 1969, с. 33.

³ Машеров П. М. Отчет Центрального Комитета Компартии Белоруссии XXVI съезду. — Минск, 1966, с. 44.

⁴ ЦГАОР БССР, ф. 913, оп. 1, ед. хр. 148, л. 9.

⁵ ПА Гродненского ок КПБ, ф. 9, оп. 22, д. 6, л. 268.

⁶ Там же, ф. 9, оп. 28, д. 5, л. 154.

⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 81, д. 2095, л. 14.

⁸ ПА Минского ок КПБ, ф. 476, оп. 27, д. 405, л. 73.

⁹ См.: Сельская газета, 1968, 15 декабря.

¹⁰ ПА Гомельского ок КПБ, ф. 4039, оп. 33, д. 6, л. 31.

¹¹ Там же, ф. 144, оп. 129, д. 9, л. 47.

¹² См.: Молодечненский каравай. — Минск, 1970, с. 16.

¹³ ЦГАОР БССР, ф. 913, оп. 1, ед. хр. 141, л. 4.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 37.

¹⁵ ПА Брестского ок КПБ, ф. 1, оп. 21, д. 21, л. 89.

¹⁶ ЦГАОР БССР, ф. 913, оп. 1, ед. хр. 149, л. 34.

¹⁷ Текущий архив БРК профсоюза работников сельского хозяйства и заготовок. Сводные статистические отчеты за 1966—1970 годы.

¹⁸ ПА Гродненского ок КПБ, ф. 1, оп. 58, д. 53, л. 2.

¹⁹ ЦГАОР БССР, ф. 913, оп. 1, ед. хр. 136, л. 75.

²⁰ См.: Сельская газета, 1970, 31 декабря.

М. Н. МУРАШКО

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КПБ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ (1966—1970)

Забота о благе народа есть высшая цель практической деятельности Коммунистической партии.

Определяя свою экономическую политику, КПСС исходит из того, что целью социализма является «все более полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей народа путем непрерывного развития и совершенствования общественного производства»¹. В своей деятельности партия руководствуется выводом классиков марксизма-ленинизма о том, что в социалистическом обществе производство непосредственно служит интересам самих производителей материальных и духовных благ.

В. И. Ленин еще при разработке проекта первой Программы партии, определяя цель социалистического производства, указывал, что пролетарская революция заменяет частную собственность общественной и создает планомерную организацию общественного производства «для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех

членов общества»². Развитые Владимиром Ильичем положения о цели производства были заложены во всех трех программах нашей партии, конституционно закреплены в Основном Законе развитого социализма.

Сохраняя опережающие темпы роста тяжелой промышленности, КПСС стремилась одновременно обеспечить и развитие отраслей, производящих товары народного потребления. Однако не всегда представлялись все возможности для производства и, соответственно, удовлетворения спроса населения на отдельные товары. Это объяснялось некоторыми трудностями, с которыми столкнулась наша страна в ходе построения социализма. Создание тяжелой индустрии и укрепление обороноспособности, преобразование сельского хозяйства и осуществление культурной революции требовали значительных средств. Огромные финансовые и материальные средства потребовались для разгрома немецко-фашистских захватчиков и восстановления экономики в послевоенные годы. Определенное влияние на рост производства предметов потребления оказывало и некоторое оставание сельского хозяйства.

Возросший экономический потенциал страны на этапе развитого социализма позволил направить на развитие отраслей, производящих товары для народа, значительные ресурсы, сделал возможным сближение темпов роста производства средств производства и предметов потребления. Это важная особенность восьмой пятилетки.

Директивами XXIII съезда КПСС предусматривалось сохранение высоких темпов развития тяжелой индустрии и одновременно значительное ускорение производства предметов потребления. При этом особое внимание уделялось увеличению выпуска машин и механизмов для отраслей, которые непосредственно удовлетворяли потребности трудящихся в необходимых товарах. Съезд поставил задачу обеспечить более полное удовлетворение растущего спроса населения на товары широкого потребления, используя для этого возможности предприятий всех отраслей промышленности.

Важные задачи предстояло решить в эти годы и промышленности Белорусской ССР. Производство тканей, например, намечалось увеличить за 1966—1970 годы в 2,4 раза, трикотажа — в 2—2,1 раза, химических волокон — в 3,2—3,7 раза. Выполняя решения XXIII съезда КПСС и XXVI съезда КПБ, партийные и советские органы проделали большую работу по расширению производства товаров народного потребления и улучшения их качества. ЦК Компартии Белоруссии изучил и одобрил опыт партийных организаций Барановичского хлопчатобумажного комбината, Лидского лакокрасочного завода и других предприятий, коллективы которых выступили с инициативой досрочно освоить и перекрыть проектные мощности³.

В годы восьмой пятилетки значительные средства были направлены на строительство, реконструкцию и расширение промышленных предприятий по производству товаров широкого потребления. В эти годы строились десятки новых предприятий. В строй действующих вошли Пинский комбинат верхнего трикотажа, Гродненская хлопкопрядильная фабрика, Брестский ковровый комбинат, фабрика бельевого трикотажа в Солигорске и др. К концу пятилетки легкая промышленность республики располагала 112 крупными предприятиями, на которых выпускалось в год 36 млн. пар обуви, более 200 млн. метров тканей, более 20 млн. штук швейных изделий⁴. В местную промышленность БССР за 1966—1969 годы было вложено свыше 100 млн. руб., реконструировано более 40 предприятий.

В целях дальнейшего развития производства товаров и лучшего удовлетворения спроса населения на них, в соответствии с решениями XXIII съезда партии, Центральный комитет КПСС и Совет Министров СССР 30 декабря 1966 года приняли постановление «О максимальном использовании имеющихся резервов и местных возможностей для увеличения производства товаров народного потребления»⁵. В постановлении указывалось, что изыскание на каждом предприятии дополнительных возможностей для увеличения производства товаров, улучшения их качества является одной из важнейших задач каждого партийного, советского и хозяйственного органа. Вместе с тем резервы увеличения производства товаров для народа использовались далеко не полностью. Медленно шло освоение проектных мощностей на новых предприятиях, в том числе Бобруйском кожевенном заводе. Слабо использовались возможности для организации и увеличения выпуска продукции в цехах шир-

потреба предприятий тяжелой индустрии и на предприятиях местной промышленности. Указанные в постановлении недостатки в полной мере относились и к БССР.

Выполняя это постановление, ЦК КПБ и Совет Министров БССР наметили конкретные меры по дальнейшему развитию производства товаров народного потребления. Было установлено задание по дополнительному производству в 1967 году только на предприятиях министерств легкой и местной промышленности, лесного хозяйства товаров для населения на сумму более 5,5 млн. руб.⁶

Мероприятия по дальнейшему увеличению производства, расширению ассортимента и улучшению качества товаров всесторонне обсуждались в партийных организациях республики. Мероприятиями, например, Минского обкома КПБ и облисполкома предусматривалось за счет более рационального использования производственных мощностей, оборудования и рабочего времени, повышения производительности труда выпустить сверх плана в 1967 году товаров народного потребления на сумму свыше 14 млн. руб.; а в 1968 году на 25 млн. руб.⁷

Изучив материалы, представленные горкомаами и райкомаами КПБ, коллективами предприятий местной и деревообрабатывающей промышленности, машиностроения и металлообработки по увеличению выпуска товаров для населения, бюро Гомельского обкома партии одобрило дополнительные задания на 1967 год в сумме 2875 тыс. руб.⁸

Много внимания производству товаров народного потребления уделяли Фрунзенский и Ленинский райкомы КПБ Минска. В честь 50-летия Октября коллективы предприятий Фрунзенского района из экономленного сырья и материалов выпустили обуви, тканей, холодильников, мебели и других товаров более чем на 1,5 млн. руб. Значительно увеличилось производство товаров для народа на предприятиях Ленинского района. Объем производства за 1966—1969 годы возрос на 44%, в том числе: мотоциклов и велосипедов на 18, шерстяных тканей—26,3, одежды—на 67%. Было реализовано сверх плана продукции на 9 млн. руб. Работа Ленинского райкома КПБ по мобилизации коллективов предприятий на увеличение производства, улучшение качества и ассортимента товаров народного потребления была обсуждена в апреле 1970 года на бюро Минского обкома партии⁹.

Заметно улучшилось в годы пятилетки использование местных сырьевых ресурсов на предприятиях республики. Принимались меры по ликвидации случаев необоснованного сокращения или снятия с производства недорогих, добротных товаров, пользовавшихся спросом у покупателей. Этот вопрос был обсужден в мае 1970 года бюро ЦК КПБ¹⁰. Состоявшаяся в июле 1970 года сессия Минского городского совета депутатов трудящихся обязала промышленные предприятия возобновить выпуск 85 изделий культурно-бытового и хозяйственного назначения¹¹.

В годы восьмой пятилетки значительно возрос выпуск товаров народного потребления. Производство телевизоров в 1970 году, например, увеличилось по сравнению с 1965 годом на 219%, часов наручных—на 188, фотоаппаратов—на 643, холодильников—на 360, мебели—на 152%. Предприятия легкой промышленности выпустили товаров широкого потребления на 9,2 млрд. руб., т. е. почти столько, сколько было произведено за два предыдущих пятилетия¹².

XXV съезд партии, последующие Пленумы ЦК КПСС указали на необходимость дальнейшего развития производства промышленных товаров для народа. «Вопрос этот крайне важный, поистине программный,—и в социальном, и в экономическом отношении,—говорил на октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК Л. И. Брежнев.—В текущей пятилетке он приобретает особую актуальность»¹³.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1972, с. 15.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 232.

³ Машеров П. М. Отчет ЦК Компартии Белоруссии XXVI съезду. — Минск, 1966, с. 9.

⁴ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 115, д. 8, л. 32; Промышленность Белоруссии, 1971, № 3, с. 39.

⁵ См.: Забота партии и правительства о благе народа. Сборник документов. — М., 1974, с. 199—204.

⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 81, д. 2080, л. 121—122.

⁷ ПА Минского ок КПБ, ф. 1, оп. 55, д. 617, л. 149; д. 695, л. 33.

⁸ ПА Гомельского ок КПБ, ф. 144, оп. 127, д. 5, л. 65.

⁹ ПА Минского ок КПБ, ф. 1, оп. 65, д. 22, л. 133.

¹⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 81, д. 2276, л. 8—9.

¹¹ См.: Промышленность Белоруссии, 1971, № 3, с. 15.

¹² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 257, л. 116; Промышленность Белорусской ССР. Статистический сборник.—Минск, 1976, с. 387.

¹³ Правда, 1976, 26 октября.

Д. С. КЛИМОВСКИЙ

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА О МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЯХ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Научная марксистско-ленинская методология позволяет избежать опасности модернизации исторических событий прошлого. Основопологающим здесь стало условие: «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Нашествие полчищ Батыя на Европу некоторыми историками домарксистского периода определялось лишь «как катастрофа, как вторжение потусторонних сил, как нечто невиданное и непонятное»². Другие, например, арабский историк Ибн аль-Асир, говорили о монгольских завоеваниях, что «не было от сотворения мира катастрофы более ужасной для человечества и не будет ничего подобного до скончания веков и до страшного суда»³. Классики марксизма-ленинизма впервые дали подлинно научное определение монгольским завоеваниям в средневековой Европе. Принимая в качестве объективного критерия для сравнения различных исторических эпох и отдельных крупных событий уровень развития производительных сил, они четко очертили взаимосвязи раннего и зрелого феодализма, показали прямую зависимость от этого военных организаций, степень политических междоусобиц как первого, так и второго видов феодального развития. Карл Маркс отмечал, что «монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием»⁴.

Весьма интересны сведения, содержащиеся в трудах Маркса и Энгельса, о путях движения монгольских войск, о превращении ими в развалины городов и сел, об использовании папством монгольского вторжения в Европу в качестве попытки укрепления влияния римско-католической церкви на Востоке, о линии Запад-Восток, прочерченной крестовыми походами, но в определенной мере уступившей свое военное значение татаро-монгольской захватнической линии Восток-Запад. «Вслед за крестовыми походами, — отмечал Ф. Энгельс, — последовало новое нашествие восточных наездников на Европу, а именно, нашествие монголов. Наводнив Россию и польские области, они в 1241 году встретились при Вальштадте в Силезии с соединенной польско-германской армией»⁵.

В статьях «Армия», «Кавалерия», «Бомба», «Бомбардирование», «Бомбардир» и других Энгельс провел достаточно глубокое исследование причин поражения венгерских, чешских, польских и немецких князей в битвах в Центральной Европе. Отмечая, что «...единственный прогресс, которым мы обязаны средним векам, состоит в создании кавалерии, от которой по прямой линии происходят наши конные войска», Энгельс осуждает рыцарей за «неповоротливость» кавалерии, за то, что их «метод ведения боя был возвратом к гомеровским временам», а успеху сражений мешали доспехи лошадей и всадников, отрицательно влиявшие на движение и быстрое преодоление расстояний. В войнах Средневековья и конкретно «...в войнах с монголами в Польше и Силезии эта малоподвижная кавалерия постоянно находилась в состоянии крайнего утомления и в конце концов ее побеждала подвижная легкая конница Востока»⁶.

Одержав ряд внушительных побед над европейским рыцарством, встретив более организованное сопротивление лишь под Оломоуцем, вместе с тем дойдя почти до Венеции, монгольские полчища, как известно, возвратились в причерноморье и на берега Волги, а власть Батыя и последующих ханов Золотой Орды (после похода в Центральную Европу

в 1241—1242 годах) с 1243 года распространилась на огромные пространства Восточной Европы и Азии.

Рассуждая о причинах возвращения татаро-монгольского войска из Центральной Европы, авторы некоторых современных авторитетных учебников для студентов⁷ несколько прямолинейно утверждают о «неожиданности» поворота Батыя в степи. У Маркса и Энгельса мы находим конкретные свидетельства о причинах такой «неожиданности» ухода татар, утраты ими власти над Польшей, Венгрией, Далмацией, остановки дальнейшего продвижения в Западную Европу.

На наш взгляд, в высказываниях основоположников марксизма о монгольских завоевательных походах можно выделить три главных взаимосвязанных момента. Во-первых, за становым хребтом нашествия Батыя на Центральную Европу оказались русские княжества, в которых, несмотря на чудовищное опустошение территории и истребление массы людей, с каждым месяцем и годом все больше разгоралось пламя восстаний и широкой партизанской борьбы. Монголы не могли оставить у себя за спиной кипящий борьбой тыл, им надо было попытаться его умиротворить. Однако эта задача оказалась для них исторически невыполнимой, наиболее ярким свидетельством чему впоследствии стала Куликовская битва и другие события многовекового российско-татарского противоборства. «Лишь после долголетней борьбы великие князья московские сбросили, наконец, монгольское иго и приступили к объединению многочисленных княжеств великороссии в единое государство»⁸. Во-вторых, на территории Польши и Венгрии, которые стали главными жертвами батыевского нашествия в 1241—1242 годах, несмотря на проигрыш центральноевропейцами большинства сражений, все-таки было оказано весьма упорное сопротивление. «После долгой борьбы, — указывал Энгельс, — азиаты разбили изнуренных рыцарей, закованных в стальную броню, но победа была куплена столь дорогой ценой, что она надорвала силы завоевателей»⁹. В-третьих, не имевшее до того исторических аналогий ограбление народов, стоявших на пути татаро-монгольских завоевателей, обогатило крупных военачальников-феодалов и заложило почву для последующей ханской междоусобной борьбы. Поэтому, казалось, успешно восходившая Золотая Орда вскоре стала непрочным государственным образованием. Говоря о пребывании захватчиков-монголов в Центральной Европе, Энгельс отметил: «Монголы дальше уже не продвигались, а вскоре вследствие **раздоров в их собственной среде** (выделено мною — Д. К.), перестали быть опасными и были отброшены назад»¹⁰.

Основоположники марксистской исторической науки, выступившие и в качестве историков монгольских завоеваний в средневековой Европе, неоднократно для сравнения обращались к событиям XIII, XIV и XV веков при рассмотрении экономических, политических и культурных особенностей XIX века.

Занимаясь ирландским вопросом, наблюдая за процедурой обсуждения биллей о лендлордах и арендаторах, Маркс обращает особое внимание на деструктивный характер английского господства в Ирландии. Так, например, в речи 16 декабря 1867 года, в Лондонском коммунистическом просветительном обществе, он говорил: «С истощением почвы ухудшилось и физическое состояние населения. Число хромых, слепых, глухонемых и душевнобольных увеличилось абсолютно при сократившемся населении. Свыше 1100000 человек были вытеснены 9600000 овец. В Европе это нечто неслыханное! Русские замещали переселенных поляков русскими, а не овцами. Только при монголах в Китае когда-то обсуждался вопрос об уничтожении городов, чтобы очистить место для овец. Ирландский вопрос является поэтому не просто национальным вопросом, а вопросом о земле, вопросом о существовании»¹¹.

Маркс осуждает и традиционное лицемерие представителей английских правящих классов, саркастически бичует так называемый британско-аристократический гуманизм парламентариев, отстаивавших интересы богатых. Выступая в защиту бедных, Маркс писал: «Вопли ирландских женщин, — которых все усиливающийся процесс концентрации мелких арендных участков на Зеленом Эрин¹² полуголыми выбрасывает на улицу, сгоняет с насиженных мест, словно на их родину обрушилось татарское нашествие, — вызвали до сих пор только один-единственный отклик со стороны палаты лордов, палаты общин и правительства ее величества — проповеди об абсолютном праве земельной собственности»¹³.

Маркс и Энгельс приводили немало ярких исторических параллелей

из периода татаро-монгольских завоеваний, рассуждая о скованности чужеземными захватами социального и внешнеполитического развития любого народа, населявшего Европу как в феодальную эпоху, так и при переходе к капитализму. «Пока жизнеспособный народ скован чужеземным захватчиком, — замечает Энгельс, — он по необходимости направляет все свои силы, все свои стремления, всю свою энергию против внешнего врага; и пока его внутренняя жизнь остается таким образом парализованной, он не в состоянии бороться за социальное освобождение. Ирландия, Россия под монгольским игом и т. д. дают этому положению яркое доказательство»¹⁴.

Что же касается экономических и политических деталей внутренней жизни той или другой страны, то Маркс, например, ссылаясь на своеобразие российской земледельческой общины, на ее изолированность и «локализованный микрокосм», и подчеркивая наличие централизованного деспотизма над самими общинами, — объяснял это явление «политическими судьбами, пережитыми Россией со времен монгольского нашествия»¹⁵.

Большое внимание монгольским завоеваниям в средневековой Европе уделял и В. И. Ленин. Он, призывавший еще на заре XX века никогда не оборачиваться «спиной к истории», а о современности не говорить «тоном пророка»¹⁶, в условиях военной империалистической схватки великих держав и особых трудностей рабочего движения в годы первой мировой войны резко выступил против субъективизма при отборе исторических фактов. В незавершенной статье «Статистика и социология» В. И. Ленин указывает на недопустимость выхватывания «отдельных фактиков» при рассмотрении вопроса о значении и роли национальных движений, о соотношении национального и интернационального. Критикуя тех, кто берет «фактики» без должной связи и «вне целого», Ленин спрашивает: «Например, когда писатель, бывший в прежние времена серьезным и желающий, чтобы его считали таковым, берет факт монгольского ига и выставляет его как пример в пояснение некоторых событий в Европе XX века, можно ли это считать только игрой, или правильное огнестрельное это к политическому шарлатанству»¹⁷. И сам же отвечает: «Монгольское иго есть исторический факт, несомненно связанный с национальным вопросом, как и в Европе XX века наблюдается ряд фактов, столь же несомненно связанных с этим вопросом. Однако немного найдется людей — типа тех, кого французы зовут «национальными клоунами», — способных претендовать на серьезность и оперировать для иллюстрации происходящего в Европе в XX веке с «фактом» монгольского ига»¹⁸.

Из этого наблюдения Ленин сделал вывод о необходимости для ученого подходить к явлениям прошлого с позиции диалектико-материалистического понимания истории.

Таковы краткие сведения о внимании Маркса, Энгельса, Ленина к истории монгольских завоеваний в средневековой Европе. Их глубокие обобщения по этому вопросу лишней раз напоминают о необходимости всестороннего исследования действительного соотношения прошлого и настоящего в истории общества.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

² См.: Краткая история СССР, ч. 1. — Л., 1972, с. 77.

³ Там же, с. 60.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 724.

⁵ Там же, т. 14, с. 304.

⁶ Там же, с. 27.

⁷ См.: История средних веков. — М., 1977, т. 1, с. 397.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 163—164.

⁹ Там же, т. 14, с. 304.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, т. 16, с. 581.

¹² Древнее название Ирландии.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 523.

¹⁴ Там же, т. 18, с. 555.

¹⁵ Там же, т. 19, с. 406.

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 631—632.

¹⁷ Там же, т. 30, с. 350.

¹⁸ Там же.

Е. М. БАВОСОВ, А. Н. ЕЛСУКОВ

ЛЕНИНИЗМ — ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

В этом году советский народ и все прогрессивное человечество отмечают 110 лет со дня рождения Владимира Ильича Ленина — великого мыслителя, вождя мирового революционного движения, организатора коммунистической партии и первого в мире государства рабочих и крестьян. В Постановлении ЦК КПСС, посвященном этой знаменательной дате, говорится: «Титан научной мысли и подлинно народный вождь, пламенный революционер, создатель Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства, Ленин посвятил всю свою яркую, героическую жизнь великому и благородному делу — борьбе за социальное освобождение пролетариата и всех угнетенных масс, за счастье людей труда.

Выйдя на мировую арену классовой борьбы как верный и стойкий последователь Маркса и Энгельса, Ленин всесторонне развил их революционное учение. Обладая непревзойденным даром научного предвидения, глубочайшего проникновения в самую суть происходящих событий и явлений, творчески применяя диалектико-материалистический метод к анализу новых исторических условий, он обогатил принципиально важными положениями все составные части марксизма, открыл новый этап в его развитии»¹.

Двадцатый век стал веком пролетарских революций, возникновения и развития мировой социалистической системы, развертывания национально-освободительной борьбы и крушения колониальной системы, веком перехода от капитализма к социализму и коммунизму. Все эти события происходят под знаменем ленинских идей, ленинизм превратился в основное философско-политическое учение современной эпохи. К нему с надеждой обращают свои взоры народы, борющиеся за независимость и освобождение от пут империалистического ига.

Практическая нацеленность учения В. И. Ленина помогла ему соединить воедино общефилософские вопросы с проблемами человека и человеческого бытия, с проблемами исторического развития и революционного преобразования мира на социалистических началах. Это учение представляет собой органическое сочетание проблем социологии, диалектики и теории познания в их единстве и взаимосвязи. Вот почему В. И. Ленин в работах, посвященных анализу текущих моментов социально-политического и экономического развития, рассматривает и сугубо философские проблемы, а с другой стороны, анализируя философские проблемы, он никогда не упускает из виду социологический аспект, т. е. практическую деятельность человека, революционного класса, которая накладывает свой отпечаток на процесс познания и преобразования мира.

Практическими же потребностями обусловлена остро идеологическая направленность ленинских работ, их четко выраженная классовая позиция и полемическая направленность против всех противников марксизма. В этом отношении ленинское теоретическое наследие представляет собой образец критического отношения к ревизионистским, оппортунистическим и идеалистическим концепциям, последовательной борьбы за чи-

стоту марксистского учения, его творческое развитие в новых исторических условиях.

В. И. Ленин видел в диалектике наиболее передовой метод научного анализа объективной действительности, который позволяет понять и объяснить все явления общественной жизни в процессе их становления и развития. Опираясь на диалектику как метод исследования, В. И. Ленин создал такую научную систему, в которой практическая и теоретическая деятельность, материальное и идеальное, объективное и субъективное, стихийное и сознательное рассматриваются не в их метафизическом противопоставлении, а в тесном единстве и взаимообусловленности. Это позволило углубить и развить основные принципы марксистской философии — принципы диалектики, логики и теории познания. Ленинская интерпретация этих принципов оказала решающее воздействие на развитие научных знаний, на формирование самого стиля мышления эпохи революционных преобразований в общественных отношениях, науке и технике. На основе диалектического метода выработана научно обоснованная теория революционного изменения общества, которая, в полном смысле слова, стала философией наших дней, заменив абстрактно-теоретические построения прежней философии истории.

Уже в первых своих работах, критикуя политические и экономические взгляды народников, В. И. Ленин не только анализирует факты конкретной действительности, но и раскрывает всю несостоятельность философских основ народничества. Он убедительно доказывает, что научное познание социальных явлений невозможно вне рамок диалектического метода, вне материалистического понимания истории. По этому поводу он пишет: «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм., для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»².

Материалистическое понимание истории, таким образом, пронизано диалектикой, которая благодаря этому сама приобретает чисто материалистическую сущность.

Разоблачая «субъективный метод в социологии» Михайловского, который софистическими приемами стремился опровергнуть основные принципы марксистской философии и социологии, В. И. Ленин показывает всю несостоятельность и идеалистическую пошлость его аргументов, логическую беспомощность в анализе сложных явлений социальной действительности. Он отмечает, что народники не сумели понять главное в марксизме — диалектики общественного развития, тех объективных законов, которые определяют смену общественно-экономических формаций.

Непонимание диалектики общественного развития заводило народников в тупики метафизических схем, не позволяло правильно разобраться в процессах экономического и политического развития России, в вопросах соотношения исторической необходимости и свободы воли, роли народных масс и личности в истории, сознательной и стихийной деятельности.

Таким образом, уже в первых своих работах В. И. Ленин показывает пример творческого использования и развития принципов материалистической диалектики. В последующем он неоднократно обращался к этим принципам как наиболее надежному средству теоретического анализа реальных ситуаций и политических программ. Диалектический метод буквально пронизывает все ленинские работы.

Вопросы диалектики нашли свое наиболее полное и всестороннее освещение в работах «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради». Особая ценность этих работ состоит в том, что они написаны в тот период, когда в России после поражения революции 1905 года наметился период разброда и идеологических шатаний, когда обозначился интерес к мистике, идеализму и богоскательству. Вопросы теории познания приобрели особо важное значение. Гносеология была выбрана в качестве своеобразного тарана, с помощью которого скрытые и открытые противники марксизма стремились опровергнуть это учение. Необходимо было дать бой тем «теоретикам», которые видели в марксизме лишь экономическое учение или теорию социального развития и не замечали животворных идей материалистической диалектики, заключавшей в себе как

принципы развития объективного мира, так и принципы его познания; необходимо было показать богатство тех логических и гносеологических идей, которые содержались в учении К. Маркса и Ф. Энгельса. Вот почему в период между двумя революциями В. И. Ленин все свое внимание сосредоточил на вопросах философии и, прежде всего, на вопросах теории познания, казавшихся весьма абстрактными и оторванными от нужд практики, от насущных потребностей социального развития. Однако Ленин считал, что даже самые абстрактные философские вопросы имеют свое практическое значение, что от их правильного понимания во многом зависит верность оценки текущих событий, исторических явлений, актуальность политической линии или политических программ. Поэтому он активно включился в борьбу с противниками марксизма, с теми, кто не мог или не хотел понять сути марксистского революционного метода.

Руководящим принципом ленинского анализа проблем гносеологии явилось положение о единстве диалектики, логики и теории познания. Необходимость выбора данного принципа диктовалась самими условиями идеологической борьбы того времени. Как в свое время Михайловский не заметил у К. Маркса его материалистического объяснения истории, точно также и русские социал-демократы, приверженцы модной философии эмпириокритицизма, не заметили в марксизме его гносеологической части и поэтому стремились «дополнить» философию марксизма принципами махистской теории познания. В этих условиях возникла необходимость доказать, что марксизм представляет собой не узко социологическую теорию, а целостную теоретическую систему, в которой органически сочетаются вопросы философии, политической экономии и научного коммунизма. В свою очередь философия марксизма представляет собой единство диалектики, логики и теории познания, т. е. необходимо было доказать ту простую мысль, что марксистская философия не исключает, а предполагает вопросы теоретико-познавательного плана, более того, она является принципиально новым решением гносеологических проблем, что диалектика не только учение о развитии объективного мира, но и учение о познаваемости этого развития³. Как писал по этому поводу В. И. Ленин, «диалектика и есть теория познания... марксизма: вот на какую «сторону» дела... не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»⁴. Именно для того, чтобы подчеркнуть эту «сторону дела», Ленин сформулировал свой знаменитый тезис о единстве диалектики, логики и теории познания, ставший важным принципом марксистской философии.

Разоблачая идеалистическую сущность махизма, В. И. Ленин внес существенный вклад в развитие марксистской гносеологии, которая развивается им в полном соответствии с принципами диалектики. Идеи Ленина об отражении как всеобщем свойстве материи, об объекте и субъекте познавательной деятельности, о роли практики в процессе познания, о категориях как ступенях познания — дальнейшее развитие марксистской диалектики как общей методологии и теории познания.

В своих работах В. И. Ленин постоянно подчеркивает, что центральным положением диалектики является учение о противоречиях. «Раздвоение единого, — пишет он, — и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики»⁵. Противоречия являются источником развития, основной причиной самодвижения, всех тех изменений, которые происходят в природе, обществе и познании. Мир не стоит на месте, он находится в постоянном процессе становления, изменения и развития, «бесконечного восхождения от низшего к высшему». Но если мир есть постоянно изменяющаяся система, в которой непрерывно происходят процессы возникновения и уничтожения, то, естественно, возникает вопрос, как же человеческая мысль в понятии может отразить этот непрекращающийся поток изменений, на каких принципах должна строиться теория познания, чтобы избежать крайностей догматизма и релятивизма. Ответы на эти вопросы и содержатся в диалектике, которая, по мысли Ленина, представляет собой «учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи»⁶.

Раскрывая диалектику процесса познания, В. И. Ленин показал тесную взаимосвязь практической и теоретической деятельности, чувственного и абстрактного познания, абсолютного и относительного знания,

истины и заблуждения. Богатый опыт практического использования принципов диалектики для решения ряда важных задач социального развития, обобщение достижений философской и научной мысли позволили Ленину сформулировать основные принципы диалектической логики, ставшей основой марксистско-ленинской теории познания.

Разрабатывая принципы диалектической логики, В. И. Ленин особое внимание уделял вопросу о гибкости понятий. Он постоянно подчеркивает ту мысль, что гибкость понятий есть необходимое требование истинного познания изменяющейся действительности. Многообразие объективных связей и отношений, процессы изменения и развития фиксируются в понятиях, которые, составляя истинную картину действительности, «должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир»⁷. Поэтому диалектика в ряде мест определяется Лениным как гибкость понятий, доходящая до тождества противоположностей, гибкость, применяемая объективно.

С гибкостью понятий связывается у Ленина умение правильно оценивать сложившуюся ситуацию, гибкость политических программ, лозунгов и установок в периоды революционной борьбы и ломки старого строя. Непонимание этого положения зачастую приводило к догматизации теоретических положений марксизма. Такая догматизация, например, была свойственна лидерам II Интернационала. Эту же мысль В. И. Ленин проводит вновь в одной из своих последних работ «О нашей революции», в которой критикуется каппитулянтская позиция мелкобуржуазных демократов. «Они все называют себя марксистами,— пишет он,— но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики. Даже прямые указания Маркса на то, что в моменты революции требуется максимальная гибкость, ими абсолютно не поняты...»⁸ Таким образом, через идею о гибкости понятий реализуется ленинское учение о конкретности истины, как основном требовании диалектической логики, с помощью которого можно было избежать крайностей догматизма и релятивизма, а также использовать в борьбе против софистики и эклектики ревизионистов.

В «Философских тетрадах» В. И. Ленин высказал мысль о том, что «продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»⁹. Ленинское учение представляет собой яркий пример такой диалектической обработки явлений социальной действительности, природы познавательной деятельности и истории философской мысли, пример творческого развития фундаментальных положений марксистской философии. Творческое использование принципов диалектики нашло свое яркое воплощение в учении о социалистической революции и построении социалистического общества. Это учение все больше и больше притягивает к себе внимание людей, оно дает ответы на самые злободневные вопросы современности, показывает пути и формы революционного преобразования мира, принципы построения нового общества. Укрепление мировой социалистической системы, дальнейшее развитие революционного движения в мире есть практическое воплощение ленинских идей, доказательство их правильности и неопровержимости.

¹ Правда, 1979, 16 декабря.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 165.

³ Мысль В. И. Ленина о единстве диалектики, логики и теории познания невозможно правильно понять вне исторического контекста. Отступление от него неминуемо ведет к схоластическим спорам о том, что Ленин имел в виду: «единство» или «тождество»?

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 321.

⁵ Там же, с. 316.

⁶ Там же, т. 23, с. 43—44.

⁷ Там же, т. 29, с. 131.

⁸ Там же, т. 45, с. 378.

⁹ Там же, т. 29, с. 131.

В. И. ЛЕНИН О СОЦИАЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ТРУДЯЩИХСЯ

В философской и социологической литературе до настоящего времени уделяется недостаточно внимания проблемам социального творчества трудящихся в историческом развитии, в строительстве нового общества. В то же время в произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина содержится богатейший материал по различным аспектам социального творчества, который нуждается во всестороннем анализе. Это тем более необходимо, так как проблемы социального творчества приобретают особую важность и актуальность в современную эпоху, в эпоху невиданных по своим масштабам и глубине, необратимых социальных сдвигов.

Одним из существенных моментов ленинского анализа проблем социального творчества, его масштабности и глубины является конкретно-исторический подход. В. И. Ленин, рассматривая роль народных масс в общественном развитии, отмечал, что на авансцене прошлых исторических эпох выступали преимущественно эксплуататорские классы и их представители. Угнетенным классам отводилась второстепенная роль, их участие в историческом творчестве ограничивалось. Вот почему В. И. Ленин имел все основания отметить: «...сто с лишним лет тому назад, историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов при сонных и спящих массах рабочих и крестьян. Тогда история могла ползти в силу этого только с ужасающей медленностью»¹.

Это не означает, что В. И. Ленин преуменьшал роль народных масс в прошлом. Движущей силой истории, с тех пор как общество раскололось на классы, была и продолжает оставаться классовая борьба, которая является прежде всего борьбой угнетенных, эксплуатируемых против господствующих классов. В. И. Ленин обращает внимание лишь на то важное обстоятельство, что творческий потенциал народных масс оставался неиспользованным, поскольку они были отстранены господствующими классами от решающего участия в историческом процессе. По мере развития общества народные массы все решительнее заявляют о себе, все полнее раскрывают свою историческую миссию, особенно в периоды революционных потрясений. «Революции,— по образному определению В. И. Ленина,— праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никагда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса...»²

Необычайно широким размахом и особой глубиной отличается социальное творчество трудящихся в период свершения социалистической революции. В. И. Ленин показал, что социалистическая революция от всех прошлых революций отличается прежде всего тем, что она вовлекает самые широкие слои населения в процесс созидания новой жизни. Социалистическая революция «...ломает все старые препоны, рвет обветшавшие пути, выводит трудящихся на дорогу самостоятельного творчества новой жизни»³.

В. И. Ленин рассматривает социалистическую революцию как очистительный вихрь, сметающий на своем пути все, что противостоит интересам трудящихся, освобождению их от гнета капитала. В ходе социалистической революции применяются особые методы исторического творчества, коренным образом отличающиеся от методов других периодов общественного развития. Среди них В. И. Ленин выделяет наиболее существенные: 1) «захват» народом политической свободы и ее осуществление на практике; 2) создание новых органов революционной власти. Новые органы революционной власти—Советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и т. д. создавались исключительно революционными слоями населения. А потому они представляют собой «...продукт самобытного народного творчества, как проявление самодетельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут»⁴.

Для В. И. Ленина социалистическая революция и творчество— неразделимые понятия. Как не может быть революция без творчества, вне творчества, помимо творчества, так и подлинного творчества—вне революционных преобразований. Социалистическая революция является высшей формой проявления исторического творчества самых широких народных масс. Еще накануне социалистической революции в России

В. И. Ленин формулирует основную задачу, которая стоит перед ней: «Поднять наинизшие низы к историческому творчеству...»⁵

В социалистической революции творчеству трудящихся принадлежит определяющая роль. В статье «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной накануне Октябрьского вооруженного восстания, В. И. Ленин особо отмечал: «Если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власть не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя»⁶. Советы представляют собой плод творческих усилий широких трудящихся масс, которые направлялись партией с учетом особенностей российской действительности.

Для В. И. Ленина характерен диалектический подход к решению проблем социального творчества. Он рассматривает его как сложный, трудный, противоречивый процесс. Ссылаясь на положение К. Маркса о том, что творить мировую историю было бы очень удобно, если бы борьба предпринималась только при условии непогрешимо благоприятных шансов, В. И. Ленин делает очень важный вывод: «Он (К. Маркс — Ю. Г.) понимает, что попытка учесть наперед шансы с **полной точностью** была бы шарлатанством или безнадежным педантством. Он **выше всего** ставит то, что рабочий класс героически самоотверженно, инициативно **творит** мировую историю...»

Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное дело **необходима** во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к **следующей борьбе**»⁷.

В. И. Ленин вел решительную борьбу против тех, кто видел в диктатуре пролетариата лишь разрушительное начало, отрицая ее творческий, созидательный характер. В социалистической революции угнетенные массы во главе с пролетариатом и его партией выполняют не только и не столько разрушительную, сколько созидательную, творческую задачу — создание базиса социалистического общества и его надстройки, новых, высших форм человеческого общежития. Сознательное историческое творчество народных масс с особой силой разворачивается в условиях диктатуры пролетариата. Именно социалистическая революция, диктатура пролетариата поднимают к историческому творчеству миллионы и миллионы ранее угнетенных масс.

Великая Октябрьская социалистическая революция, как никакая другая революция в прошлом, пробудила к историческому творчеству гигантские силы народа, создала возможность для расцвета бесчисленных талантов во всех областях. Социализм, по мнению В. И. Ленина, впервые создает возможность втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами.

Для В. И. Ленина была характерна глубокая вера в творческие способности масс, народа, трудящихся, вера в то, что в условиях социалистического строя эти возможности развернутся, проявятся с огромной силой. Враги нового строя, отмечал он, возлагали свои надежды на то, что «...простой народ», «простые» рабочие и беднейшие крестьяне не сладят с великой, поистине героической во всемирно-историческом смысле слова, задачей организационного характера, которую возложила на плечи трудящихся социалистическая революция»⁸. Однако этим надеждам ни в малейшей степени не суждено было осуществиться.

Народные массы, освободившись от экономического, политического и духовного порабощения, проявили невиданную во всей прошлой истории творческую энергию, инициативу, героизм, дающие возможность новому общественному строю преодолевать трудности и возникающие противоречия. В. И. Ленин, раскрывая перед современниками перспективы будущего, подчеркивал, что главное — это «положительная или созидательная работа», что рядом с задачей преодоления сопротивления буржуазии «столь же неизбежно выдвигается — и чем дальше, тем больше — более существенная задача положительного коммунистического строительства, творчества новых экономических отношений, нового общества»⁹.

В. И. Ленин рассматривал творчество широких народных масс не как внешнее дополнение к некоей механически действующей в обществе закономерности. Напротив, подлинное творчество, настоящая социальная

активность, отмечал он, возможны только на основе познания объективных закономерностей общественного развития и их сознательного практического использования: «Воля человека, его практика, сама препятствует достижению своей цели... тем, что отделяет себя от познания и не признает внешней действительности за истинно-сущее (за объективную истину). Необходимо соединение познания и практики»¹⁰.

Познание исторической необходимости созидания нового общества и использование его результатов трудящимися массами в своих социальных действиях умножает их живую творческую энергию, придает ей целенаправленный характер, повышает политическую сознательность.

Исторической заслугой В. И. Ленина является раскрытие того непреложного факта, что социализм является результатом гигантской творческой активности самих народных масс во всех сферах общественной жизни. «...Загляните в самые недра трудового народа, в толщу масс, — призывал В. И. Ленин на Третьем Всероссийском съезде Советов, — там кипит организационная, творческая работа, там бьет ключом обновляющаяся, освященная революцией жизнь»¹¹.

Творческая активность трудящихся не остается неизменной, равной самой себе величиной на всех этапах революционного преобразования общества. Масштабность творчества, его глубина и социальная значимость, его влияние на ход мировой истории постоянно возрастают, как и возрастает численность участвующих в нем слоев населения. В творческий процесс созидания новой жизни включаются новые социальные слои и новые поколения, обогащая этот процесс, внося в него многообразие и новые импульсы. Именно эту фундаментальную закономерность отметил В. И. Ленин: «По мере расширения и углубления исторического творчества людей, — отмечал он, — должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем»¹².

Саму деятельность трудящихся масс марксизм рассматривает как исторически необходимую и важнейшую основу поступательного развития общества. На различных этапах строительства социалистического общества все полнее раскрывался неиссякаемый творческий потенциал народа, возникали новые формы и методы социального творчества, соответствующие историческим задачам. Одной из таких знаменательных форм проявления творческой энергии трудящихся стали коммунистические субботники. Они явились выражением небывалого трудового энтузиазма, великим творческим почином масс, освобожденных от оков капитализма Великой Октябрьской социалистической революцией.

В. И. Ленин раскрыл диалектику социального творчества и его субъекта, носителя. Диалектика эта заключается в том, что в самом процессе созидания новых общественных отношений изменяются и люди, приобретающие качественно новые черты. В процессе социального творчества формируется социалистический тип личности, новое соотношение общественных и личных интересов, новый духовный мир.

В статье «Великий почин» В. И. Ленин рассматривал субботники как начало, зародыш нового, сознательного коммунистического отношения рабочих к труду, как росток коммунизма, начало великого переворота в сознании людей, их духовном мире.

Характеризуя субботники как одну из важнейших форм проявления социального творчества трудящихся в новых исторических условиях, В. И. Ленин раскрыл их огромную воспитательную роль: «Мы сдвинули с места глыбу неслышанной тяжести, глыбу косности, невежества, упорства в отстаивании привычек «свободной торговли» и «свободной» купли-продажи человеческой рабочей силы, как любого другого товара. Мы начали колебать и разрушать самые закоренелые предрассудки, самые твердые, вековые, заскорузлые привычки»¹³.

В. И. Ленин, отмечая непреходящее историческое значение коммунистических субботников, писал: «...они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни»¹⁴.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции перед народом и партией встали невиданной сложности и трудности задачи, которые предстояло решить в короткий исторический срок. И решить успешно их без использования творческих сил народа было бы невозможно. Именно поэтому В. И. Ленин обращал особое внимание на проблемы социального творчества в своих работах послеоктябрьского периода.

В специальной статье «От разрушения векового уклада к творчеству нового», написанной в 1919 году, он рассматривает совокупность проблем социального творчества, раскрывает объемность его содержания, диалектику и логику. Особенно важно отметить, что В. И. Ленин ввел объективный критерий, который позволяет дифференцировать различные социальные действия, отделить подлинно творческие от шаблонных, стереотипных, уже имевших место в прошлом. Таким объективным критерием у В. И. Ленина является созидание нового: «Строить **новую** дисциплину труда, строить **новые** формы общественной связи между людьми, строить **новые** формы и приемы привлечения людей к труду, это — работа многих лет и десятилетий»¹⁵ (выделено мною — Ю. Г.).

В. И. Ленин, рассматривая различные аспекты социального творчества, вскрыл его объективную связь со свободой трудящихся, которая им необходима для проявления своей энергии, инициативы, активности. Подлинная свобода и социальное творчество представляют собой органическое единство, которое берет свое начало в борьбе против частной собственности, эксплуатации человека человеком, материального и духовного гнета личности.

В. И. Ленин отмечал, что ликвидация частной собственности является самой первой и важной предпосылкой свободы трудящихся, проявления их неиссякаемой творческой энергии.

Творчество широких народных масс в строительстве социалистического общества раскрывает важнейшее положение марксистско-ленинской теории о том, что его источники, побудительные мотивы и стимулы определяются природой социального строя, действительным положением трудящихся как хозяев средств производства.

Социальное творчество трудящихся носит закономерный характер, как и развитие социальных условий, в рамках которых оно функционирует. Одной из важнейших закономерностей развития социалистического общества является постоянный рост творческой активности народных масс во всех сферах общественной жизни. В условиях зрелого социалистического общества сознательное историческое творчество трудящихся поднимается на качественно новую ступень. Развиваются и разнообразятся его виды и формы, возрастает социально-политическая активность советских людей.

Социальное творчество в полном смысле этого слова возможно только на основе марксистско-ленинского учения. Оно указывает людям верный путь научного познания общества как единого, целостного, закономерного исторического процесса во всей его сложности, разносторонности и противоречивости. Овладевая объективными законами общественного развития, трудящиеся получают реальную возможность осознать тенденции этого развития и творчески действовать в соответствии с их проявлением.

Общество развитого социализма предоставляет своим членам широчайшие возможности для творчества во всех видах деятельности, подлинные права и свободы. «...Возросла активность советских людей в труде, — отмечал товарищ Л. И. Брежнев, — управлении производством, в решении общественных и государственных дел, а что может быть радостнее, чем видеть, как раскрывается энергия народа, как растут его творческие силы»¹⁶.

Только в условиях социализма трудящиеся массы становятся свободным и сознательным творцом подлинной истории, оказывающим все возрастающее влияние на ход мировых событий.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 81.

² Там же, т. 11, с. 103.

³ Там же, т. 35, с. 199.

⁴ Там же, т. 41, с. 379.

⁵ Там же, т. 35, с. 189.

⁶ Там же, т. 34, с. 305.

⁷ Там же, т. 14, с. 378—379.

⁸ Там же, т. 35, с. 198.

⁹ Там же, т. 39, с. 13.

¹⁰ Там же, т. 29, с. 197—198.

¹¹ Там же, т. 35, с. 283.

¹² Там же, т. 2, с. 539—540.

¹³ Там же, т. 41, с. 109.

¹⁴ Там же, т. 39, с. 18.

¹⁵ Там же, т. 40, с. 316.

¹⁶ Материалы XXV съезда КПСС. — М., 1976, с. 4.

РОЛЬ АБСТРАКЦИИ В ПРОЦЕССАХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Одной из характерных тенденций развития современной науки является дифференциация знания и в то же время стремление к внутренней интеграции как результату взаимодействия различных областей знания. Дифференциация и интеграция знания, по выражению Овчинникова Н., «образуют основание внутреннего развития знания»¹.

Столь характерные для современной науки в целом процессы дифференциации и интеграции первоначально наиболее очевидным образом проявились локально, в отдельных областях знания, и, в частности, в математике. Попытаемся определить внутриволевские закономерности интеграции и дифференциации путем исследования понятийного аппарата в математике и выяснить роль абстракции в реализации процессов дифференциации и интеграции.

Под абстракцией обычно понимают сам мыслительный процесс и его результат. Для отличия абстракции-результата от абстракции-процесса последний нередко называют абстрагированием. В структуре процесса абстрагирования, представляющего собой мысленное выделение отдельных сторон, свойств, признаков предмета, явления или события при одновременном отвлечении от других сторон, свойств или признаков, выделяют такие ступени, как акт обнаружения объективных отношений независимости (или несущественной зависимости, которой можно пренебречь) явлений или их сторон от определенных факторов и акт замещения «объект-модель»².

Роль абстракции в научном познании проявляется в том, что на ее основе происходит конституирование объекта научного исследования. Рассматривая научное знание как отражение закономерностей объективного мира, следует учитывать, что научные высказывания и утверждения непосредственно относятся к объектам, не тождественным объектам материального мира. Активность человеческого мышления проявляется в том, что область материальной действительности, вовлеченная в человеческую практику, преобразуется ею и подвергается в сознании человека логической реконструкции. В теоретическом исследовании, как отмечает В. А. Смирнов, термин «объект» мы употребляем в особом смысле, понимая под объектом «внутритеоретический объект» и отличая объект науки от вещей и процессов реального мира, моделями которых и являются объекты науки³. Внутритеоретические объекты науки фиксируются и функционируют в знаковой форме. Как указывает В. С. Степин, «идеальные объекты существуют в науке как смыслы терминов ее языка, а их связи и отношения образуют непосредственное содержание научных высказываний»⁴.

В конструировании абстрактных объектов математики (например, «точка», «прямая» в евклидовой геометрии) большую роль играет процесс идеализации, на основе которого абстрактный объект наделяется свойствами, вообще отсутствующими у реальных объектов.

Одна из закономерностей развития математического знания — переход от одних уровней абстракции к другим, более высоким. В этом случае, по словам Н. А. Шанина, образование понятий идет путем многоступенчатого наложения различных актов абстрагирования и идеализации⁵. К абстрактным объектам, являющимся результатом определенных процессов абстрагирования, можно повторно и многократно применять те или иные виды абстракции и получать новые абстрактные объекты более высокой ступени общности и отвлеченности.

Восхождение к более высоким уровням абстракции в познании выражает один из моментов сложного и противоречивого процесса отражения закономерностей развивающегося материального мира в голове человека, ибо, как писал В. И. Ленин, «движение познания к объекту всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть...»⁶

В развитии математического знания тенденция к обретению более обобщенного и более абстрактного знания переплеталась с тенденцией дифференциации знания и выявления единства теорий на различных уровнях (как в математике в целом, так и в различных ее областях).

Геометрия — одна из областей знания, способы систематизации, обобщения и представления знания которой стали в XX веке типичными для

других областей математики и естествознания. Одна из специфических черт развития геометрии XIX века — расщепление ее на отдельные ветви, представляющие собой замкнутые системы понятий (неевклидова, конформная, аффинная, проективная геометрии и др.).

Идеализированные объекты евклидовой геометрии послужили базой для конструирования таких теорий как конформная и аффинная геометрии. В новых системах отношений геометрические объекты утрачивают некоторые свойства. В аффинной геометрии, изучающей свойства геометрических фигур, сохраняющихся при параллельном проектировании, такое свойство как различие геометрических фигур по форме не рассматривается, так как при параллельном проектировании фигуры не сохраняются.

Конструирование аффинной геометрии составляет один из промежуточных этапов движения познания к абстрагированию от метрических свойств пространства. По словам Х. С. М. Кокстера, «аффинная геометрия оставляет нас на полпути с концепцией расстояния»⁷, ибо, как он далее разъясняет, мы уже не имеем возможности сравнивать отрезки, лежащие на прямых, имеющих различные направления, но в то же время можем измерять длины отрезков, расположенных на одной или двух параллельных прямых, и даже измерять площадь.

Существенный шаг в направлении дальнейшего абстрагирования от метрических свойств пространства был сделан в проективной геометрии. Идея центрального проектирования послужила тем систематизирующим фактором, благодаря которому из евклидовой геометрии выделилась целостная совокупность понятий, фиксирующих свойства геометрических объектов, которые сохраняются при центральном проектировании.

В отличие от евклидовой геометрии в проективной геометрии всякие две прямые пересекаются. Это обобщение, расширяющее взгляд на взаимное пересечение геометрических элементов, достигается путем введения нового геометрического образа — проективной прямой, проективной плоскости. Образование нового геометрического образа («проективной прямой») достигается присоединением к множеству точек обычной прямой нового элемента, называемого «несобственной», «бесконечно удаленной» или «идеальной» точкой⁸.

В математике нередко употребляется термин «идеальный» элемент в противоположность обычным, собственным элементам. С точки зрения философской терминологии и собственные, и не собственные элементы идеальны по своей природе как конструкции человеческого ума. На наш взгляд, введение в математическую терминологию «идеального» элемента, в противоположность обычному, выражает отличия в способе образования, истолкования этих конструкций и их функционирования в теоретической системе. Обычные или собственные абстрактные объекты (точка, прямая в евклидовой геометрии) образованы путем абстрагирования от некоторых свойств реальных объектов, они имеют прообразы, модели. В отношении конструкций, называемых «идеальными» элементами, можно отметить, что они вводятся иным путем в целях обобщения теории, в формальных целях. «Идеальный» элемент может вообще не иметь прообраза, содержательной интерпретации, но с его помощью выделяется сетка отношений, которая имеет содержательную интерпретацию.

Углубление процесса дифференциации с необходимостью ставило проблему поиска внутреннего единства различных областей знания, выявления общности структуры, способов образования, субординации теорий. Тенденция к интеграции и синтезу ярко проявилась в развитии математики второй половины XIX века. В процессе формирования концепций синтезирующего характера исходным пунктом выступают не только конкретно-научные представления о «своей» и «соседних» областях, но и общеметодологические идеи, которые способствуют осознанию необходимости выявления единства знания и направляют мышление на поиск фундаментальных принципов преобразования рассматриваемых теорий с целью отыскания исходной аналогии между предметами различных научных дисциплин и создания базы для переброски «мостиков» от одной теории к другой.

Несомненна заслуга Ф. Клейна в выработке единого взгляда на геометрические теории, чему способствовало создание теории инвариантов («Эрлангенская программа»). Ф. Клейн указывал, что в результате научных исследований у него постепенно сложилось убеждение в существовании единства между внешне различными и специфическими геометриями,

и он пришел к мысли о необходимости искать теоретическую форму этого единства. Ф. Клейн высоко оценил математические идеи исследования Кэли, который опирался на идеи теории инвариантов, дал проективное определение евклидовой метрики⁹.

Он отмечал в то же время, что Кэли недооценил сделанное им открытие, не осмыслил полученные математические результаты во всей их общности и широте. Ф. Клейн с иных позиций оценивал концепцию Кэли о проективном мероопределении, анализируя его результаты с точки зрения выявления связи между геометрическими теориями. В поисках единых исходных принципов построения основ геометрии Ф. Клейн дополняет построения Кэли, подчеркивая, что «не меняется имманентное значение системы Кэли, но вырастает ее значение в деле обоснования геометрии (выделено нами — Е. Д.)»¹⁰. В работе «О так называемой неевклидовой геометрии» Ф. Клейн выявил связь проективной метрики с неевклидовой геометрией.

В своих исследованиях Ф. Клейн обосновывал мысль о самостоятельном характере проективной геометрии и развил в то же время идею о том, что проективная геометрия «содержит в себе как частные случаи, поддающиеся отчетливой классификации, все известные геометрические системы»¹¹. Идеи Ф. Клейна о возможности классификации и синтеза геометрических систем выходили за рамки сложившегося стереотипа математического мышления. Насколько трудным ранее было восприятие факта существования равноправных и независимых геометрических систем, настолько мучительным был позже и поворот к осмыслению единства между самостоятельными геометриями.

Задача выявления единства геометрических теорий и общих закономерностей их образования разрешилась путем выхода за пределы совокупностей абстрактных образов, специфичных для той или иной геометрической системы, и выработки более общих понятий. В «Эрлангенской программе» в качестве синтезирующего понятия выделяется «группа геометрических преобразований». Ф. Клейн писал о том, что поставил перед собой объемную задачу: «Дано многообразие и в нем группа преобразований; нужно исследовать те свойства образов, принадлежащих многообразию, которые не изменяются от преобразования группы»¹². Теория Ф. Клейна указывает на своеобразие абстракции как логического приема построения целого ряда геометрических систем. Акт обнаружения несущестственности или независимости, характерный для процесса абстрагирования, в данном случае связан с понятием инварианта. Выделяются как инвариантные такие свойства объектов и связанные с объектами величины, которые не зависят от данной группы геометрических преобразований.

Логические приемы образования геометрических теорий имеют свое объективное основание, отражают закономерности развивающегося материального мира. В природе мы наблюдаем и открываем сохранение и изменение различного рода объектов, их свойств, состояний. Единство сохранения и изменения выражается в принципе инвариантности, как сохранение любого рода объектов (вещей, свойств, отношений), соответствующих любому типу изменений¹³. В математике общий принцип сохранения и изменения находит свое абстрактное выражение в понятии преобразования, представляющим не что иное как своеобразное движение абстрактных объектов, при котором сохраняется совокупность заданных свойств. Данная ступень обобщения в геометрии была детерминирована соответствующим уровнем развития математического и естественнонаучного знания. К. Маркс, подчеркивая исторически обусловленный характер научных абстракций, отмечал, что «даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они именно благодаря своей абстрактности имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой... продукт исторических условий...»¹⁴

Не только в геометрии, но и в математике в целом, а также в естественнонаучных областях знания постепенно складывался теоретико-групповой стиль мышления. Объектом исследования в естествознании выступает движение твердых тел в пространстве. Как отмечает В. П. Визгин, в кинематике и статике твердого тела было слабо развито учение о группе движений евклидова и отчасти неевклидова пространства¹⁵. Задачи минералогии и кристаллографии привели французского математика К. Жордана к необходимости исследовать всевозможные движения твердого тела, составленные из вращений и трансляций¹⁶.

Гельмгольц в 1868 году в работе «О фактах, лежащих в основании

геометрии» показал, что существует тесная связь между механикой Ньютона и геометрией Евклида. Интенсивное изучение специфики движения твердых тел стимулировало мышление геометров в направлении выделения в качестве объекта исследования совокупности геометрических движений.

В теории решения алгебраических уравнений утвердился термин «группа» в своем первоначальном конкретном значении как группа подстановок. Постепенно групповые операции выделяются в качестве внутри-теоретического объекта исследования. В трудах Кэли под группой понимается уже не группа подстановок, а совокупность элементов, в которой подчеркивается роль соотношений между ними, а не природа самих элементов¹⁷. Транслирование идей теории групп и теории инвариантов на объекты геометрической природы привело к рассмотрению в качестве элементов группы геометрических движений. Совокупность геометрических движений, допустимых в данной области, стала рассматриваться как группа геометрических преобразований.

Теория инвариантов выступает как фундаментальный принцип субординации геометрических теорий, отражает общую сущность, общие законы функционирования отдельных геометрических систем, интегрируя автономные доселе теории в одну целостную науку.

Введение особого типа абстракции, когда рассматриваются не абстрактные объекты теории как таковые, а их инварианты относительно некоторой группы преобразований, означает формирование нового типа знания — операционного. На этой ступени обобщения объект вводится через задание инвариантов. Выйдя за пределы математики, идеи теории инвариантов прочно вошли в другие области как фундаментальные принципы организации естественнонаучных теорий, выступая орудием познания устойчивого, закономерного в явлениях материального мира.

Таким образом, логика развития самих абстракций, основных понятий теорий приводит к разветвлению областей знания и установлению связи между ними. Интегративные процессы, выражающиеся в координации и субординации, синтезе в единое целое ранее автономных, разрозненных, несистематизированных знаний, выражаются в формировании новых абстракций, поднимающих знание на новую ступень обобщения.

¹ Овчинников Н. Особенности развития и тенденции к единству научного знания. — В кн.: Проблемы истории и методологии научного познания. — М., 1974, с. 103.

² См.: Розов М. А. Научная абстракция и ее виды. — Новосибирск, 1965, с. 17.

³ См.: Смирнов В. А. Уровни знания и этапы познания. — В кн.: Проблемы логики научного познания. — М., 1964, с. 26.

⁴ Степин В. С. Становление научной теории. — Минск, 1976, с. 13.

⁵ См.: Шанин Н. А. Конструктивные вещественные числа и конструктивные функциональные пространства. Труды Математического института им. В. А. Стеклова, т. 67, — М.—Л., 1962, с. 284.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 252.

⁷ Кокстер Х. С. М. Действительная проективная плоскость. — М., 1959, с. 16.

⁸ См.: Моденов П. С., Пархоменко А. С. Геометрические преобразования. — М., 1961, с. 132.

⁹ См.: Клейн Ф. Лекции о развитии математики в XIX столетии, ч. 1. — ОНТИ, 1937, с. 187.

¹⁰ Там же, с. 189.

¹¹ Там же.

¹² Клейн Ф. Сравнительное обозрение новейших геометрических исследований («Эрлангенская программа»). — В сб.: Об основаниях геометрии. — М., 1956, с. 402.

¹³ См.: Овчинников Н. Ф. Принципы сохранения. — М., 1966, с. 268.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 731.

¹⁵ См.: Визгин В. П. К истории «Эрлангенской программы» Ф. Клейна. Историко-математические исследования, вып. XVII. — М., 1973, с. 29—30.

¹⁶ Там же, с. 31.

¹⁷ См.: Розенфельд Б. А. История неевклидовой геометрии. — М., 1976, с. 298.

ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ В СТРУКТУРЕ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В первом тезисе К. Маркса о Фейербахе указывается на главный недостаток всего предшествующего материализма, заключающийся в том, что «предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»¹.

Очевидно, что эти слова справедливы и по отношению к методу старой (и не только старой) формальной логики, которая «брала» свой предмет лишь «в форме объекта». Знание «в форме объекта» является производным, вторичным, выводным по отношению к знанию о предмете как «сгустке человеческого труда», к знанию «в форме деятельности». Подобно тому как объективные характеристики всякой человеческой деятельности опредмечиваются и «угасают» в свойствах продуктов, знание «в форме деятельности» опредмечивается и кристаллизуется в знании «в форме объекта». Представляя собой результат познания, знание «в форме объекта» трактуется метафизическим материализмом как внутренне присущее предмету без какого бы то ни было отношения к порождающей его деятельности.

Установка метафизического материализма на «субстанциализацию» отдельных вещей является объективной лишь по видимости. Согласно К. Марксу, объективность отображения требует включения в содержание всякого понятия деятельностных характеристик субъекта.

Так как формально-логический подход не принимает в расчет обусловленности знания «в форме объекта» знанием «в форме деятельности», то он оказывается весьма односторонним уже в определении своей проблематики, нацеленной главным образом на способы фиксации и преобразования готового знания. Формы же мышления, специфические для процесса получения нового знания (вопросы, проблемы, задачи, предписания, предположения и т. д.), как и способы постановки познавательных целей, трансформация и смена идей и теорий, при метафизической ориентации считаются чуждыми логике и остаются в стороне от пути ее магистрального развития. В лучшем случае дело ограничивается тем, что названные формы объявляются достойными логического рассмотрения постольку, поскольку ими фиксируются результаты познания. Отсюда становятся объяснимыми стремления представить вопросы и проблемы в виде особого рода суждений и понятны заявления, подобные тому, которое сделал И. Хинтикка: «Все, что имеется в логике вопросов, есть комбинация логики знания с логикой требований (императивов)... Эпистемический аспект вопросов является наиболее интересным и проблематичным из двух составляющих в логике вопросов... Логические свойства вопроса определяются, главным образом, его дезидератумом (т. е. знанием об искомом результате — В. Б.)... Значение императивного элемента в сложных проблемах логики вопросов невелико»².

Все же реальная практика научных исследований вынуждает методологов самых различных направлений, в том числе воспитанных на метафизических традициях, рассматривать науку (и логику) как процесс. Ярким примером этому могут служить работы Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, М. Вартофского и других представителей так называемой Бостонской школы логики и методологии науки. Проникновение идеи историзма в логику проявилось, в частности, в том, что в западной методологии науки были выдвинуты идеи радикального преобразования принятой логической теории и построения последней на основании принципов развития. В этом отношении примечателен проект Р. Коллингвуда, рассматривающего научное мышление как «вопрошающую активность» и предложившего в связи с этим заменить господствующую пропозициональную логику логикой вопросов и ответов, в которой основной единицей мысли выступало бы не суждение само по себе, а более сложный комплекс вопроса и ответа. По его мнению, значение любого предложения раскрывается при сопоставлении его с вопросом, ответом на который оно является»³.

Однако выводы, к которым приходят западные методологи, не являются новыми для марксизма. Принцип историзма есть необходимый элемент его методологии, причем, в отличие от разнообразных видов идеа-

лизм и метафизики, человеческую историю и, следовательно, историю человеческой мысли и ее форм марксизм рассматривает как «деятельность преследующего свои цели человека»⁴. Поэтому В. И. Ленин высоко оценил идею Гегеля о необходимости связывать логику с деятельностью человека, его жизнью. «Мысль включить **ж и з н ь** в логику, — заметил он, — понятна — и гениальна — с точки зрения **процесса** отражения в сознании (сначала индивидуального) человека объективного мира и проверки этого сознания (отражения) практикой»⁵. Стало быть, анализируя формы развития науки, в частности, задачи и проблемы, целесообразно рассматривать их в контексте категорий человеческой деятельности.

Структура конкретного акта деятельности определяется соотношением цели, средств и результата реализации поставленной цели. Как связь причины и действия характеризует стихийные процессы природы, так связь средств с целью и результатом характеризует сознательную деятельность человека: в роли непосредственных причин в ней выступают средства реализации, более или менее соответствующие поставленной цели, а действия приобретают форму идеально положенного в виде цели результата⁶.

Средства, «более или менее соответствующие поставленной цели», очевидно, могут быть подразделены на два класса: на совместимые с целью (и, следовательно, совместимые между собой) и не совместимые с нею. Совместимость будет характеризоваться достаточностью или необходимостью средств для достижения цели. При этом под достаточными средствами мы понимаем средства, непременно ведущие к достижению поставленной цели, а под необходимыми — средства, которые применяются всякий раз, когда достигается данная цель. Возможно, что совместимые средства являются: а) достаточными и необходимыми; б) достаточными, но необходимыми; в) недостаточными, но необходимыми; г) ни достаточными, ни необходимыми для достижения цели. Мы ограничимся пониманием средств в самом широком плане, включающем в себя как совокупность схем, рецептов, методов деятельности, так и условий, исходных данных и т. д., хотя для более тонкого и обстоятельного анализа можно было бы различать, например, условия и средства⁷ или объект, средства, процедуры (операции)⁸ и т. д.

На наш взгляд, при анализе форм развивающегося знания выделение этих разновидностей средств является весьма важным, так как оно дает возможность более четко определить и разграничить задачи и проблемы, что в современной логико-методологической литературе проводится не всегда последовательно.

Задачу мы охарактеризуем как форму развития науки, при которой наличные средства являются достаточными для достижения цели, тогда как проблема — это форма, при которой наличных средств в науке недостаточно. Отсюда следует, что задача характеризуется случаями а) и б), а проблема — случаями в) и г). Эти случаи дают возможность уяснить, что решение задачи достигается аналитическими способами, а решение проблемы — синтетическими.

Достаточность и необходимость средств означает, что они обладают свойствами непротиворечивости, полноты и независимости. Получение результата не представляет особого труда: он оптимально детерминирован наличными средствами, выводится с их помощью дедуктивным путем. В определенном смысле он не обладает новизной и познавательной ценностью, а исследовательский процесс не носит поискового, творческого характера и легко переложим на машину. Не случайно, отмечает Дж. Бернал, великие ученые прошлого отказывались заниматься проблемами, где успех был несомненен, и выбирали задачи с меньшими видами на успех, но с большими фундаментальными последствиями⁹. (Заметим, что термины «проблема» и «задача» у Дж. Бернала не соответствуют нашим понятиям.)

Если средства достаточны, но не все из них необходимы для достижения поставленной цели, то формулировка задачи оказывается отягощенной привнесенными, второстепенными обстоятельствами. Иными словами, она страдает избыточностью и требуется «бритья Оккама» для удаления посторонних примесей. Подобно маскировочной сети избыточные средства затрудняют вычленение данных, необходимых для нахождения верного ответа, хотя последний заключен в самой формулировке задачи и выводится из нее по определенным правилам преобразований. Приме-

ром задачи такого рода может служить задача о возможности построения квадрата, равновеликого данному кругу, с помощью циркуля и линейки на том этапе развития математики, когда были открыты трансцендентные числа и начала разрабатываться их теория. Тем самым появились средства для решения этой задачи. Но их следовало отыскать и выделить в накопленном багаже математических знаний, чего и добился Ф. Линдеман в 1882 году.

В качестве избыточных средств могут выступать тавтологии, эквивалентные выражения, следствия из данных задачи и т. д. Правила современной логики в ряде случаев позволяют устранить избыточность и приводить формулировки задач к более простому виду. В логике высказываний, в частности, такими правилами являются правила идемпотентности, исключения, поглощения и др.

Теперь рассмотрим случаи сочетания средств, характерные для проблемы. Если средства необходимы, но недостаточны, то они одновременно непротиворечивы, независимы и неполны. Проблема в данном случае не имеет однозначного решения, и ответ на нее имеет несколько возможных решений. Ее полнота и, следовательно, разрешимость может быть достигнута лишь в процессе синтетической поисковой деятельности в условиях неопределенности, путем введения различного рода ограничений или уточнений.

Чем меньше средств для отыскания исчерпывающего ответа, тем шире пространство возможностей решения проблемы. Иными словами, возникает опасность слишком широкой ее постановки. В такой постановке, например, обсуждалась проблема распределения продуктов в будущем обществе на страницах «*Berliner Volks-Tribüne*» — немецкой социал-демократической газеты, близкой к полуанархической группе «молодых». В связи с этим К. Маркс подверг эту газету резкой критике. Он писал: «Вот также в «*Volks-Tribüne*» происходила дискуссия о распределении продуктов в будущем обществе — будет оно происходить соответственно количеству труда или иначе. К вопросу подошли тоже сугубо «материалистически» в противоположность известным идеалистическим фразам о справедливости. Но, как ни странно, никому не пришло в голову, что ведь способ распределения существенным образом зависит от того, какое количество продуктов подлежит распределению, и что это количество, конечно, меняется в зависимости от прогресса производства и организации общества, а следовательно, должен меняться и способ распределения»¹⁰.

Характерно, что недостающие средства не находятся в области абсолютно неизвестного. Они предстают в проблеме в некотором обобщенном виде и наделены весьма общими (родовыми) характеристиками. В ряде случаев для выражения обобщенности привлекаются философские категории, являющиеся средством интерпретации явлений мира в человеческом познании, которые содержат в себе логические основания для открытия и усвоения новых закономерностей и указывают, в каких областях и как следует искать существенные связи и отношения объективной действительности. Так что постановка проблемы всегда связана с использованием средств, отличающихся различными уровнями обобщенности.

Рассматривая, наконец, случай, когда средства не являются ни достаточными, ни необходимыми для решения проблемы, можно утверждать, что это наиболее сложный случай плохо сформулированных проблем. С одной стороны, в такой проблеме заключена избыточная информация, не обязательно используемая при получении ответа, а с другой, требуется проводить дополнительные ограничения и уточнения ее условий. Поэтому возникает необходимость как в устранении «лишнего» в проблеме, так и в нахождении элементов, которые сужали бы ее до пределов, позволяющих применить аналитические способы решения.

Сужение проблемы может оказаться чрезмерным, если к полной и непротиворечивой системе средств мы будем добавлять новые ограничивающие элементы. В таком случае возникает слишком узкая проблема, решение которой становится невозможным из-за противоречия, возникающего между имеющимися средствами и чрезмерно ее сужающими ограничениями. В качестве иллюстрации можно взять историю разработки теории движения с помощью ракет. Известно, что реактивный принцип перемещения в космическом пространстве был открыт К. Е. Циолковским в 1883 году, однако прошло более десяти лет упорного труда, прежде чем в качестве средства передвижения в космосе была предложена ракета, о которой люди знали уже в древности. Дело в том, что вопрос

о транспортировке космических кораблей долгое время связывался с предубеждением, что ракета является средством передвижения лишь в воздушном пространстве, т. е. вопрос формировался слишком узко, что мешало нахождению правильного пути его решения. Успех провинциального учителя был обусловлен тем, что он увидел в ракете средство передвижения вообще.

Таким образом, средства, предлагающиеся для решения слишком узких проблем, несовместимы с необходимыми и достаточными средствами. Это означает, что формулировка проблемы противоречива, а сама проблема является псевдопроблемой. Согласно известному закону логики, при ее решении можно получить «все что угодно», например, как утверждение, так и отрицание некоторого положения. Однако такой результат не представляет познавательной ценности. Говоря словами К. Маркса, «цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель»¹¹.

При присоединении к противоречивой системе новых средств противоречивость системы сохраняется. Отбрасывание от нее некоторых элементов может привести к непротиворечивой системе.

Задача исследователя заключается в том, чтобы, устраняя избыточные и противоречивые данные в условиях проблемы, по необходимости расширяя или суживая ее, добиться такой ситуации, когда средства становятся необходимыми и достаточными для достижения цели. Тем самым проблема превращается в задачу с четкой, ясной и однозначной постановкой (или хотя бы приблизительно эквивалентной ей). Очевидно, не все здесь зависит от исследователя. Существуют объективные обстоятельства, в силу которых многие проблемы остаются длительное время не только нерешенными, но даже непоставленными. Таким образом, уже на уровне наиболее общих характеристик научной деятельности обнаруживаются возможности уточнения понятий задачи и проблемы, классификации проблемных ситуаций, открываются перспективы изучения их генезиса.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1.

² Хинтиikka И. Вопрос о вопросах.—В сб.: Философия в современном мире. Философия и логика.—М., 1974, с. 304.

³ Collingwood R. An Autobiography. Oxford, 1944, p. 30.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 184.

⁶ См.: Трубников Н. Н. Цель.—Философская энциклопедия, т. 5.—М., 1970, с. 461.

⁷ См.: Амбарцумян В. А., Казютинский В. В. Научные революции и прогресс в исследовании Вселенной.—Вопросы философии, 1978, № 3, с. 64.

⁸ См.: Алексеев И. С. О принципах и средствах методологического подхода к анализу измерений.—В кн.: Проблемы методологии научного познания.—Новосибирск, 1968.

⁹ Наука о науке.—М., 1966, с. 393.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 370.

¹¹ Там же, т. 1, с. 65.

Г. В. ДРАГОВЕЦ, В. О. ПИГУЛЕВСКИЙ

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КИНО

Понятие «интерпретация» все чаще используется в области эстетики и искусствознания. В научном знании интерпретация выступает как истолкование наблюдений, экспериментальных данных, т. е. как метод поиска возможностей установления истины.

Интерпретация в искусстве (в предельно широком значении) рассматривается как толкование произведения в процессе его восприятия, установление поэтического смысла.

Не претендуя на полноту охвата сложной проблемы интерпретации в искусстве, попытаемся лишь эскизно выделить ее некоторые существенные, на наш взгляд, стороны. Наиболее интересными для анализа в соответствии с нашей задачей представляются взаимоотношения литературы и кино. Однако прежде необходимо выявить объективные основания, являющиеся базой для данного типа взаимодействия искусств.

При рассмотрении процессов перенесения литературного произведения на экран мы исходим из следующих определений этих видов искусства.

Литература — самостоятельный вид искусства, использующий в качестве главного изобразительно-выразительного средства слово, несущее обобщенный понятийный смысл¹. Кинематограф представляет собой сложный, синтетический вид искусства, обладающий специфическим материалом и особыми средствами, среди которых доминирующим является изображение². Но и слово, и изображение являются лишь материалом для создания художественного образа. Наиболее важным оказывается способ соединения слов в литературе и монтаж кадров в кино. И хотя в слове содержится обобщенный понятийный смысл, а изображение (мизанкадр) запечатлевает единичное явление, факт действительности, в результате их соединения рождается конкретный художественный образ, несущий в себе обобщение явлений действительности и выражающий это обобщение в виде некоей новой реальности, т. е. через единичное. Сходство функционирования, казалось бы, далеких коммуникативных единиц, каковыми являются слово и изображение, проявляется в сходстве результатов — создании художественного образа.

Особенностью художественного образа является организованная в целостность информация различных уровней. Одним из таких уровней выступает объект изображения, характеризующий единичное в художественном образе, произведении. Объект изображения как факт действительности может быть воспроизведен тем или другим видом искусства, специфическими изобразительно-выразительными средствами. Это является, на наш взгляд, другим основанием для взаимодействия литературы и кинематографа в рассматриваемом аспекте.

Социально-культурные нормы выступают значениями, характеризующими общепринятые представления о прекрасном, безобразном, трагическом и пр.³ Данные нормы, отражаясь в конкретном произведении, могут выступать еще одним основанием для взаимодействия искусств.

В качестве следующего основания можно выделить мировоззренческие идеи, как предельно широкое понимание взаимоотношений мира и человека, как обобщение исторической практики, а потому являющиеся универсалиями. Речь идет о воплощении в искусстве «вечных» тем (любви, добра и зла, поиска истины и т. д.), образов, олицетворяющих эти проблемы (например, Гамлет, Фауст, Дон-Жуан), сюжетов, подвергавшихся многочисленным содержательным конкретизациям в разные эпохи различными искусствами.

Разумеется, выделенные нами основания для взаимодействия искусств являются наиболее общими и не исчерпывают всех его возможностей. Но поскольку художественный образ обладает специфическими признаками, обусловленными материалом искусства, он вбирает в себя ряд характерных особенностей того или иного вида искусства. Имея различные психофизиологические основания (например, визуальное восприятие, звук в кино, понятийное мышление в литературе), эти особенности являются обязательными компонентами всякого художественного образа, воплощенного в «материале» данных видов искусства. Конкретные особенности художественного образа определяются различными видами художественной условности — метафорической условностью в литературе и пластической деформацией в кино. Являясь необходимым компонентом конструирования смысла художественного образа, данные особенности выступают главным препятствием при перенесении последнего из одной системы изобразительно-выразительных средств в другую. Поскольку изменение особенностей, связанных с материалом, языком вида искусства предполагает изменение смысла и структуры художественного образа, это изменение и является интерпретацией в ином виде искусства. Интерпретация, рассматриваемая как художественное творчество, предполагает создание нового художественного образа в ином виде искусства.

Помимо этого следует учитывать индивидуальные особенности восприятия художественного образа кино и литературы. При восприятии оптического изображения в кино и при чтении художественного текста складывается некое чувственное представление. Его индивидуальный характер опосредованно обусловлен социально-культурными нормами общества, особенностями культурно-эстетического уровня развития личности. Изображение в кино предельно конкретно, этим прямо определяется характер чувственного представления, складывающегося у зрителя. Чувственное представление, связанное со словом, не детерминируется «наглядностью», «зримостью» последнего, как это имеет место в кино.

Обобщение складывающихся при чтении литературного произведения

чувственных и смысловых представлений, возникающих у режиссера, как и у любого читателя, на уровне восприятия литературного произведения, происходит в процессе съемки и монтажа фильма. На основании положения об индивидуальном характере возникающих при чтении чувственных представлений и индивидуальности его конкретизации в кинематографе, можно сделать вывод о невозможности нахождения однозначного соответствия между словом и экранным изображением, а следовательно, о множественности решений при перенесении литературного произведения в систему звукозрительных образов кинематографа.

При перенесении литературного образа на экран необходимо найти пути преобразования его в процессе перехода от одной художественной системы к другой. Одним из вариантов может быть экранное изображение объекта (фактов действительности), описанного в литературном произведении. В этом случае предпосылками воссоздания объекта являются, наряду с собственно текстом произведения, и различные внехудожественные факты и явления (исторические документы, мемуарная литература и т. д.). Произведение выступает как один из источников, определяющих общую структуру кинофильма. Иной подход заключается в воссоздании литературного произведения как факта искусства. Данный вариант представляется более сложным, поскольку задачей является нахождение киноэквивалента произведению литературы, т. е. выражение средствами киноязыка не только содержания, но и общей его структуры.

Принципом, определяющим особенности интерпретации, является идейно-художественная концепция режиссера, формирующаяся на основе ряда объективных и субъективных факторов. К объективным мы отнесем социальные условия, в которых создается произведение, социально-эстетические потребности эпохи, осмысливаемые художником, художественно-эстетические традиции, которым он следует. Субъективными факторами выступают мировоззренческие, эстетические ориентации режиссера, особенности творческого метода, мастерства.

Очевидно, что влияние социальных детерминант осуществляется опосредованно, через субъективно-личностное отношение художника к миру, выражающееся в его концепции интерпретации. Константным при интерпретации литературного произведения средствами кинематографа, на наш взгляд, является сюжетно-тематический комплекс произведения, уникальным — сама образная структура фильма как факта искусства, обусловленная художественной концепцией интерпретации и особенностями киноязыка.

Одним из теоретических оснований, подтверждающих положение о множественности экранных воплощений литературного произведения (при сохранении его идейно-тематического «ядра») является такое эстетическое свойство художественного образа, как многозначность, богатство заключенного в нем смысла. Художественный образ не только отражает объект действительности, но и заключает в себе некое обобщение.

Ассоциативность, присущая художественному образу, выводит изображаемый предмет за пределы его единичного значения, соотносит его с аналогичными предметами и явлениями, образуя один из путей художественного обобщения. Ассоциативный характер последнего создает возможность многозначного толкования художественного образа, множественности его интерпретации в ином виде искусства. Однако здесь мы сталкиваемся с другой проблемой — определением границ толкования. Этот вопрос важен как с теоретической точки зрения, в связи с утверждением буржуазных эстетиков о безграничной множественности художественного образа и многозначности художественного содержания, так и с точки зрения практики искусства, предлагающей различные интерпретации произведений в различных видах искусства. Особую важность проблема истолкования приобретает в связи с обращением к произведениям классики.

Произведение искусства, по прохождении определенного исторического отрезка времени, становится художественной ценностью, в которой «кодируется» эпоха его создания, и каждое последующее поколение вкладывает в него дополнительный, созвучный своему времени смысл. Возможность различных толкований заключена, как указывалось выше, в многозначности восприятия и толкования художественного содержания и художественного образа. Создавая произведение, художник, очевидно, имеет своим адресатом вполне определенного читателя, зрителя, слушателя — представителей того общества, в котором он живет и творит. В этом заключается актуальность его произведения для современников. Вместе с

тем, запечатлевая типические черты конкретных явлений действительности, характеров, художественный образ заключает в себе возможность соотнесения с различными сторонами жизни, далекими от тех, которые послужили непосредственным источником возникновения произведения. Гамлет, Дон-Кихот — воплощение характеров, несущих печать конкретных исторических условий. Но эти же свойства в обновленном виде проявляются и на других этапах развития человеческого общества. Подлинно художественное произведение неисчерпаемо в том плане, что творческие его интерпретации не ограничены определенным временем.

В результате интерпретации возникает связь: произведение — кинофильм — аудитория, т. е. интерпретация средствами кинематографа является «звеном включения» классического произведения в духовную жизнь современного общества, в контекст современной культуры. На наш взгляд, сама постановка вопроса о качестве или возможности той или иной интерпретации правомерна при их множестве, при сравнительном анализе последних. Общественное представление о классическом произведении развивается теми представлениями, которые дают новые его интерпретации.

Произведение, обогащаясь новыми трактовками, формирует представление о себе самом, несет в себе неисчерпаемый общественный потенциал. Разумеется, этому служат лишь интерпретации, открывающие новое, общеинтересное.

¹ См.: Марксистско-ленинская эстетика. — М., 1973, с. 302.

² См.: Ждан В. Н. Введение в эстетику фильма. — М., 1972, с. 43.

³ См.: Волкова Е. В. Произведение искусства — предмет эстетического анализа. — М., 1976, с. 170.

Е. Н. ГУРКО

О ПОДХОДАХ К АНАЛИЗУ СООТНОШЕНИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО УРОВНЕЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Проблема соотношения эмпирического и теоретического, их структуры, критериев выделения и обоснования является весьма актуальной в современной философской литературе. Однако в исследовании этой проблемы имеется еще много нерешенных и дискуссионных моментов. Это объясняется прежде всего необычайной сложностью вопросов, связанных с эмпирией и теорией в науке. Определенную роль играет и то, что сама проблема ставится и решается обычно в плане поисков какого-то однозначного ее решения — выделения единственного критерия дифференциации знаний на эмпирические и теоретические, выяснение какого-то определенного механизма их взаимоотношений и т. д. Отсутствие сколько-нибудь значительных результатов при этом традиционном подходе вынуждает искать новые пути рассмотрения, ориентированные на комплексное исследование проблемы.

Прежде всего встает вопрос об экспликации проблемы соотношения применительно к готовому знанию и к процессу становления этого знания — процессу познания. Терминологически это находит свое выражение в различении эмпирического и теоретического как уровней знания и как видов познавательной деятельности. В реальном научном исследовании эти два аспекта представляются неразрывно связанными сторонами единого процесса. Тем не менее необходимо четко различать эти два подхода.

В социологии зачастую наблюдается их неправомерное отождествление, проявившееся, в частности, в дискуссии о структуре марксистской социологии. Многими авторами предлагалась следующая схема социологического знания: исторический материализм как общесоциологическая теория — теория среднего уровня — эмпирические социологические исследования. Однако здесь накладываются друг на друга два подхода, в результате чего эмпирическая разновидность социологического исследования включается в структуру социологического знания. Эта концепция вызывает справедливую критику за то, что эмпирические социологические исследования отрываются от теории и существуют сами по себе, тогда как из практики известно, что без применения социологической теории нельзя провести ни одного сколько-нибудь репрезентативного исследования.

Изучение эмпирического и теоретического как уровней познавательного процесса вскрывает сложную систему диалектических отношений между ними. Так, теоретическое является не только результатом «рациональной» обработки данных, получаемых в ходе эмпирического познания, но и предшествует ему, определяя выбор изучаемой проблемы, общий подход к ее исследованию, присутствует непосредственно в эмпирическом изучении в виде различного рода теоретических операций.

Как отмечает В. С. Швырев, распространенные в нашей литературе формулировки о теоретическом, как результате логической обработки эмпирического знания, представления о жестких схемах научного исследования, как последовательном ряде этапов перехода от эмпирического к теоретическому, односторонни, поскольку акцентируют внимание только на моменте первичности эмпирического знания и не учитывают в полной мере сложной и многосторонней диалектики взаимоотношения уровней познания¹.

Подобные формулировки в определенной мере отражают соотношение между теорией и эмпирией как видами уже сформировавшегося знания, где действительно можно выделить эмпирический базис и возвышающуюся над ним теоретическую систему. Причем эта система может даже считаться относительно независимой от эмпирии, доказательством чего служит существование конкурирующих теорий для объяснения одного и того же фактического материала. Однако при анализе познавательной деятельности настолько затруднительно выделить эти рядоположенные уровни, что принято говорить лишь о генетической, исходной первичности эмпирического.

Диалектика соотношения эмпирического и теоретического моментов познания обуславливается прежде всего структурой отражаемого в них объективного мира. Подход к исследованию данной проблемы в плане анализа, выражаемого категориями содержания мира, получил в литературе название гносеологического (или категориально-содержательного).

Основным критерием разделения на теоретическое и эмпирическое становится при этом отражение в познании «явления» и «сущности», внешних свойств, отношений и зависимостей, внутренних и необходимых связей. Гносеологический подход является основополагающим при исследовании проблемы эмпирического и теоретического в познании, поскольку он подводит под эти уровни объективную основу, представляя их как отражение реальных характеристик окружающего мира.

Именно с последовательным применением принципа отражения в области познания общественных явлений В. И. Ленин связывал создание подлинно теоретического уровня в учении об обществе, возникновение научной социологии. Теория, согласно В. И. Ленину, должна пониматься не как произвольная умозрительная конструкция, понятийная схема, а как отражение определенных существенных характеристик объективного мира². Этими существенными характеристиками социального мира являются общественные отношения, выделение которых дало возможность создать подлинно теоретический уровень в социологии и тем самым превратить ее из утопии в науку. Исследование сложной структуры общественных отношений позволяет также обосновать специфический теоретический уровень прикладной социологии, задачей которого является изучение общественных отношений на уровне непосредственной социальной среды.

Если на уровне философского анализа общества выделение материальных и идеологических общественных отношений как первичных и производных имеет абсолютное значение, то за его пределами оно весьма относительно. Так, по отношению к той или иной социальной группе, тем более к отдельному индивиду, эти отношения выступают как объективная социальная среда, которая существует независимо от его сознания. «Общественные отношения, — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, — в которые вступали индивиды какого-нибудь класса и которые обуславливались их общими интересами против какого-нибудь другого класса, составляли всегда такую коллективность, к которой индивиды принадлежали лишь как средние индивиды, лишь постольку, поскольку они жили в условиях существования своего класса; они находились в этих отношениях не как индивиды, а как члены класса»³.

Общественные отношения, в которые вступают индивиды в ходе непосредственной жизнедеятельности, К. Маркс и Ф. Энгельс определяли как личные, отмечая при этом, что «именно личное, индивидуальное от-

ношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения»⁴. Между личными и общественными, т. е. по существу между общественными отношениями на различных уровнях социального анализа, существует, таким образом, теснейшая взаимосвязь и взаимообусловленность. Они находятяся в диалектическом единстве: общественные связи определяют индивидуальные отношения и, в свою очередь, складываются из них, личные отношения формируются под влиянием общесоциальных факторов. Именно эта объективная диалектика находит свое отражение в диалектическом соотношении эмпирического и теоретического видов социологического познания.

Однако анализ проблемы соотношения эмпирического и теоретического с точки зрения отражаемого ими содержания позволяет наметить лишь самый общий подход к его решению. Выявление конкретных механизмов диалектики уровней в ходе социологического познания предполагает изучение процесса научного исследования, анализ деятельности, предпринимаемой в ходе социологической концептуализации. Подход к исследованию научного познания как к человеческой деятельности особого рода получил название методологического.

В связи со спецификой прикладной социологии как относительно молодой науки диалектика взаимоотношений эмпирического и теоретического моментов познания более или менее полно изучена лишь применительно к деятельности на стадии эмпирического исследования. В работах Г. М. Андреевой, А. Г. Здравомыслова, В. А. Ядова, Стояна Михайлова и других достаточно четко прослеживается роль в эмпирическом социологическом исследовании таких теоретических структур, как программа, анализ полученных результатов, выработка конкретных мероприятий и т. д. Диалектика взаимоотношений эмпирического и теоретического представляется здесь настолько очевидной, что возникает сомнение относительно применения самого термина «эмпирический» как определения социологического исследования данного типа. Ряд авторов именуует их «конкретными», «прикладными» и т. д. Однако в этих случаях по существу смещается угол зрения, и проблема дифференциации типов исследований на эмпирические и теоретические подменяется другими срезами: «прикладные — фундаментальные» исследования, «конкретные — абстрактные» (в плане конкретности объекта исследования).

В связи с этим возникает вопрос, тождественны ли эмпирическое и теоретическое как уровни познания и как виды исследования. В самом деле, в процессе исследования эмпирическое и теоретическое теснейшим образом переплетаются и взаимодействуют. С другой стороны, в науке всегда существовало представление, скорее даже интуитивное, об эмпирических и теоретических исследованиях. На основании чего выделялись эти виды исследования? Очевидно, неявно предполагаемым здесь являлся тот критерий, который был выдвинут В. С. Швыревым: о теоретическом и эмпирическом как различных видах деятельности с концептуальными средствами. Эмпирическое исследование в целом предполагает деятельность по применению уже выработанных наукой концептуальных средств для получения новых фактов, теоретическое же направлено на совершенствование, разработку концептуальных средств.

Однако этот критерий малоэффективен при попытке применить его к различению эмпирического и теоретического как уровней, моментов в реальном процессе познания. Это признает сам автор, отмечая, что представления о деятельности различного рода являются средствами «для анализа оснований проблемы теоретического и эмпирического, а не прямо конкретных феноменов структуры научного знания или исследования»⁵.

В самом деле, каким образом можно на основании этого критерия доказать, что разработка программы социологического исследования, или обоснование изучаемой проблемы являются по существу теоретическими процедурами в рамках эмпирического исследования? Ведь деятельность, предпринимаемая исследователем в процессе разработки программы, будет по преимуществу деятельностью применения существующих концептуальных средств, хотя и в новых условиях, для решения определенных практических задач. Тем не менее вполне очевидно, что данная деятельность является теоретической.

Уточнение данного критерия представляется возможным на пути конкретного изучения различных видов концептуальной деятельности. Дан-

ный анализ по необходимости приобретает логический характер, поскольку здесь исследуются проблемы языка науки.

Попытки логического анализа соотношения эмпирического и теоретического концентрируются в основном в рамках готового знания и касаются проблем взаимоотношений между эмпирическим и теоретическим языком науки. Однако на основании анализа структуры высказывания как элемента готового знания, без обращения к процессу его получения вообще невозможно определить, относится ли данное высказывание к эмпирическому или теоретическому языку. С точки зрения логического подхода, поэтому, как отмечает А. И. Ракитов, одно и то же утверждение может быть и эмпирическим и теоретическим (например, «Земля круглая»), в зависимости от способа, которым оно было получено. И ничего парадоксального, с точки зрения Стояна Михайлова, в этом утверждении нет. Здесь просто очерчиваются границы логического анализа проблемы.

Что же касается логического анализа соотношения эмпирического и теоретического как уровней познания, то тем более очевидно, что охватить данную проблему рамками только логики невозможно. В этом отношении характерно, что чисто логических критериев, претендующих на удовлетворительную экспликацию эмпирического и теоретического, не существует. Разделение научного языка на теоретический и эмпирический включает в себя и указание на то, как данные термины или высказывания относятся к отражаемой реальности (даны в опыте или нет), каким путем они получены и т. д.⁶

В социологическом познании логический подход к проблеме уровней реализуется, например, в процессе эмпирической интерпретации понятий. С помощью данной процедуры в ходе исследования теоретическому понятию придается операциональный статус путем указания правил фиксации соответствующих данному понятию эмпирических признаков. Однако, вообще говоря, данная процедура не является строгой в том плане, что здесь устанавливается соотношение между теоретическим и эмпирическим уровнями языка науки, как об этом пишет В. А. Ядов⁷. Ведь эмпирической интерпретации подвергаются обычно не специфические понятия прикладной социологической теории, а термины исторического материализма и других общественных наук. Применение данной процедуры зачастую просто свидетельствует об отсутствии в прикладной социологии собственного достаточно разработанного теоретического языка. Кроме того, процессы интерпретации еще не получили четкой логической разработки. Это ведет к тому, что «используемые процедуры и решения, принимаемые в ходе операционализации и выбора эмпирических индикаторов, рассматриваются как обыденные решения, и социологи считают излишним обращаться при этом к анализу горизонтов значений, принимаемых на веру при операционализации того или иного понятия»⁸. Тем не менее даже при условии достаточной разработанности аппарата интерпретации, проблема соотношения, связи теоретического понятия с явлением в социальном мире, для исследования которого оно применяется, не может быть решена чисто логическим путем.

Анализ соотношения эмпирического и теоретического уровней познания не может ограничиться рамками одного из указанных подходов, поскольку каждый из них позволяет объяснить какой-то момент, аспект проблемы, которая может быть удовлетворительно освещена только при комплексном к ней подходе, сочетающем в себе все эти типы анализа.

¹ См.: Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании.—М., 1978. с. 245—246.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 60—61, 281, 304.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 75—76.

⁴ Там же, с. 440.

⁵ Швырев В. С. Указ. работа, с. 255.

⁶ См.: Диалектика научного познания.—М., 1978, с. 419—420.

⁷ См.: Ядов В. А. Методология и процедуры социологического исследования.—Тарту, 1968, с. 73.

⁸ Новые направления в социологической теории.—М., 1978, с. 193.

Навуковы камунізм

К. Н. КУНЦЕВИЧ

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ЛЕНИНА МАРКСУ — ОДНО ИЗ ГЛАВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЛЕНИНИЗМА

Атаки реакции на марксизм-ленинизм сегодня имеют свою специфику. Они развертываются в период неодолимых успехов социализма и растущего влияния марксистско-ленинских идей. Ныне невозможно ни замолчать эти идеи, ни объявить их несостоятельными. Фальсификаторов всех мастей объединяет общий, но далеко не новый лозунг «от Маркса неверно понятого, к Марксу верно понимаемому».

Свой главный удар антикоммунисты направляют против ленинизма как марксизма нашей эпохи. Направлений фальсификации множество. Главное из них специализируется на выискивании мнимых противоречий между ленинизмом и марксизмом. Именно поэтому «вопрос о единстве марксистско-ленинской теории, — подчеркнул секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, — имеет весьма актуальное значение. Он стал одним из главных идейных узлов глобального противоборства сил империализма и реакции, с одной стороны, и сил социализма, демократии и прогресса, — с другой. Он вновь значится и в повестке дня дискуссий, проходящих в коммунистической среде»¹. Подготовка к празднованию 110-летия со дня рождения В. И. Ленина послужила поводом для еще большей активизации нападок буржуазных идеологов на ленинизм.

Для подрыва единства марксизма-ленинизма буржуазные идеологи даже сконструировали специальную науку — «советологию», структура которой уже в основе своей предполагает отделение ленинского учения от учения Маркса. В широком смысле слова «советология» определяется буржуазными идеологами как «наука о коммунизме». Основателем ее считается неомарксист Бохенский, который выделяет три этапа в формировании марксизма-ленинизма, как разновидности марксизма. Первый этап — с 1843 до 1900 года — так называемый марксистский; второй — с 1900 до 1924 года — ленинский; третий — с 1924 года и по настоящее время — советский². Такое выделение этапов ориентировано на решение одновременно нескольких задач.

Во-первых, установление родословной «зрелого» марксизма с 1843 года позволяет, например, отнести работу К. Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года» в разряд «зрелых» и тем самым подтвердить правомерность существования так называемого «неомарксизма».

Во-вторых, позволяет отделить марксистскую теорию от ленинской. Так, Бохенский пишет: «Марксистский период является только предьсторией ленинского учения, поскольку марксизм-ленинизм начинается с Ленина»³.

В-третьих, дает возможность исторического оправдания ревизионизма. Это осуществляется с помощью создания своеобразного «временного вакуума», который якобы образуется в период между годами смерти Маркса (1883) и Энгельса (1895) и началом теоретической деятельности Ленина (1900 год). Но в таком случае ленинское исследование капитализма в России, критика им народничества и ряд других проблем остаются за пределами марксистских исследований и тем самым допускается пятилетний период для формирования идей «истинных марксистов» — ревизионистов. Не случайно поэтому Бохенский выделяет три варианта

марксизма: «марксизм-ленинизм», «неомарксизм», «ревизионизм» и фиксирует окончание марксистского этапа 1900 годом.

В-четвертых, позволяет обосновать концепцию «неоленинизма», т. е. оправдать противопоставление ленинизма реальному социализму в СССР.

Соответственно **трем этапам** формирования марксизма-ленинизма Бохенский выделяет и **три рода** специалистов по его изучению: марксологов, ленинологов и советологов. И как только основатель «науки о коммунизме» заявляет, что советологу не обязательно знать учение Маркса и Ленина, и, наоборот, выдающийся знаток ленинизма или марксизма еще не советолог, «деленинизация марксизма» приобретает законченную форму.

Таким образом, с «объективности», которой часто козыряют буржуазные идеологи при оценке своих исследований, сбрасывается маскировка. Все это еще раз подтверждает актуальность ленинского положения о том, что не может быть беспристрастной науки в обществе, построенном на классовой борьбе.

В специальной марксистской литературе уже предпринимались попытки выделения основных направлений новой «науки о коммунизме». В частности, некоторые авторы рассматривают, например, «марксологию» как буржуазное, социал-демократическое, ревизионистское, мелкобуржуазное и леворадикальное извращение марксизма⁴. Такая классификация правильно подчеркивает единую антикоммунистическую сущность всех выделенных направлений «марксологии».

Однако выделение в марксологии направления «современный ревизионизм» может привести к произвольному достраиванию этой лженауки. Понятие «советология», «марксология» и «ленинология» введены в обращение буржуазными идеологами. У Бохенского они также не переносятся на область исследования ревизионистов, что соответствует его тезису «разработки чистой науки о коммунизме». Буржуазные идеологи обычно делают вид, что они стоят на позициях «беспристрастного исследователя», который якобы объективно сопоставляет различные «варианты» марксизма. В отличие от них, правые ревизионисты защищают плюрализм марксизма с позиций одного из его вариантов: «гуманного марксизма», «аутентичного», «демократического» и т. д.

Нам представляется наиболее верной точка зрения Белкиной Г. Л., которая определяет «марксологию» «как отражение философии Маркса в буржуазной философской литературе»⁵. Такое определение «марксологии» соответствует и ленинской методологии при характеристике буржуазных «вариантов марксизма». В. И. Ленин определил, например, легальный марксизм как отражение учения Маркса в буржуазной литературе⁶. Вместе с тем определение Белкиной не охватывает всей специфики современной критики марксизма-ленинизма и потому само нуждается в уточнении. **Во-первых**, марксологами, и, соответственно, советологами и ленинологами считают себя не только философы, но и историки, социологи, психологи, экономисты, юристы и т. д. **Во-вторых**, поскольку буржуазная критика марксизма-ленинизма не представляет собой целостного явления, то определение «марксологии» как фальсификации учения Маркса во всей буржуазной литературе, затрудняет выделение определенных различий во взглядах буржуазных противников марксизма. Например, отчасти стирается разница между псевдомарксизмом и «марксологией». Буржуазные псевдомарксисты, неомарксисты («марксизаторы», как их называет венгерский марксист А. Геде) находятся вне рабочего движения, претендуя при этом на роль «новооткрывателей» Маркса. «Марксологи» также выступают вне рабочего движения, однако всячески подчеркивают свою независимость от учения классиков марксизма-ленинизма. «Марксология не марксизм, — пишет австрийский марксист Вильгельм Байер, — и не хочет им быть. Полосами в марксологии являются «Маркс» и на другой стороне «марксизм»... Марксология сводит в единую линию тенденции толкования Маркса немарксистами»⁷. Учитывая данное обстоятельство, «марксологию» можно определить как фальсификацию учения Маркса той частью буржуазных идеологов, которая заявляет о своей «полной» противоположности марксизму. Наше определение поможет избавиться от допускаемого иногда в марксистской литературе слишком широкого толкования понятия «ленинология», когда, например, ее представителями считают не только типично буржуазных идеологов,

но и некоторых представителей рабочего движения: К. Корша, Г. В. Плеханова и даже А. Деборина ⁸.

Из всего «многообразия идей», которыми руководствуются буржуазные советологи, социал-демократы и ревизионисты, противопоставляя Ленина Марксу, можно выделить **три** тесно связанных между собой идеологических конструкции. Одна из них — полное противопоставление ленинизма марксизму. Так, например, известный социал-демократ Р. Вольгенант утверждает, что Маркс, в отличие от Ленина, говорит о ситуации, в которой пролетариат осознает свои классовые интересы. Незначительное же меньшинство класса эксплуататоров, после революционизирования общественных отношений, без сопротивления примет диктатуру пролетариата. Поэтому сопоставлять и противопоставлять марксистские и ленинские взгляды бесполезно. Фальсифицировав таким образом взгляды Маркса, социал-демократ без особого труда «опровергает» марксизм. «Так как схема Маркса нигде не осуществлялась, — пишет он, — то марксизм является продуктом фантазии и вообще не может быть предметом дискуссии» ⁹. Подобный способ «аргументации» характерен не только для сторонников крайней позиции в противопоставлении ленинизма марксизму, но и для всех буржуазных идеологов и их союзников в рабочем движении в целом.

Ни Маркс, ни Ленин никогда не говорили о завоевании политической власти исключительно мирным способом. Отвечая в 1871 году на вопрос английского корреспондента о возможности мирного пути революции для Англии, Маркс высказал сомнения по поводу возможности такого хода революции, так как господствующие классы скорее всего подняли бы бунт в защиту рабства ¹⁰.

Ленин не исключал возможности мирного развития и победы революции, хотя такой исход для России не всегда представлялся ему реальным. Нисколько не отступая от марксизма, он писал уже в 1899 году: «Рабочий класс предпочел бы, конечно, **мирно** взять в свои руки власть..., но **отказываться** от революционного захвата власти было бы со стороны пролетариата, и с теоретической и с практической-политической точки зрения, **безрассудством** и означало бы лишь позорную уступку перед буржуазией и всеми имущими классами. Очень вероятно — даже наиболее вероятно — что буржуазия не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насильем. Тогда рабочему классу не останется другого пути для осуществления своей цели, кроме революции» ¹¹.

Наряду с идеологической конструкцией, утверждающей полную противоположность марксизма и ленинизма, муссируется также тезис об «относительном» противопоставлении, который на деле оказывается только «гибким» вариантом полного противопоставления. Эта концепция строится на выпячивании мнимых противоречий во взглядах самого Маркса. Так, например, Т. Мейер насчитывает пять категорий, якобы двусмысленно интерпретированных Марксом: понятие пролетариата, понятие идеологии, понятие науки, понятие государства и модель эмансипации в целом ¹². «Раздвоенный» Маркс противопоставляется затем не менее фальсифицированному Ленину. Буржуазные идеологи и современные социал-реформисты не оригинальны в этой попытке, так как еще Э. Бернштейн пытался подвести под эту концепцию методологическую базу, выделив «дуализм» во взглядах Маркса. С одной стороны, по мнению Э. Бернштейна, в марксистской теории содержится требование «эмансипации через хозяйственную организацию». С другой стороны, имеется бланкистское требование «эмансипации через политическую экспроприацию». Маркс якобы после Парижской Коммуны отошел от бланкизма в методе, став на путь мирного преобразования действительности, но при этом остался бланкистом в теории ¹³. Рагуя за единство теории и метода в марксизме, Бернштейн на деле совершил противоположное. Теория Маркса не существует в абстрактном виде, как ее пытался представить основатель ревизионизма, а развивается на основе обобщения многогранного опыта политической борьбы рабочего класса. Вместе с тем, метод преобразования действительности нуждается в теории. «Революция, — писал В. И. Ленин, — мудрая, трудная и сложная наука» ¹⁴. Это значит, что метод борьбы содержится в теории. Конечно, применение того или иного метода зависит от конкретных условий борьбы, однако истинная теория и есть обобщение конкретного опыта, которая выводит некоторые общие принципы революционной политики. В этом и состоит диалектическое

единство теории и метода, фальсифицированное Э. Бернштейном и его современными последователями.

Наконец, в буржуазной идеологии имеется также направление, которое объявляет ленинизм адекватным развитием марксизма¹⁵. Это верное, с марксистской точки зрения, положение оказывается только завуалированной формой концепции «деленинизации марксизма», поскольку «волюнтаризм» Ленина в теории остается основным признаком, отличающим ленинизм от марксизма. В. И. Ленину приписывается и разрыв между теорией и практикой. Несмотря на очевидное сближение этой идеологической конструкции с концепцией «относительного» противопоставления ленинизма марксизму, мы считаем необходимым выделить ее в самостоятельное направление, так как, **во-первых**, она свидетельствует о противоречивости буржуазных оценок марксизма-ленинизма, **во-вторых**, подчеркивает стремление антикоммунистов любым способом разделить единое интернациональное учение марксизм-ленинизм.

Фальсифицируя ленинизм и противопоставляя его марксизму, буржуазные идеологи вовсе не демонстрируют какую-либо приверженность учению Маркса. Напротив, посредством критики ленинизма они рассчитывают поставить под сомнение и марксизм.

Между марксизмом и ленинизмом существует органическая, неразрывная преемственность, отражающая объективное интернациональное единство мирового исторического процесса и глубокую взаимосвязь его различных этапов. «Мы,—говорил В. И. Ленин,—стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно идти, развивая дальше эту науку и разрабатывая ее во всех частностях»¹⁶. Правильность такого подхода к теории подтверждает не только прошлый исторический опыт, но и действительность наших дней.

¹ Пономарев Б. Н. Живое и действенное учение марксизма-ленинизма. (Ответ критикам).—М., 1979, с. 79.

² Bochenski J. M. Marxismus-Leninismus Wissenschaft oder Glaube.—München, 1974, S. 32.

³ Там же.

⁴ См.: Бауэрман Р., Гейер К., Юлиер Э. Ницета «марксологии».—М., 1976.

⁵ Белкина Г. Л. Философия марксизма и буржуазная «марксология».—М., 1972, с. 25.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 347.

⁷ Beuer W. R. Tendenzen bundesdeutscher Marx-Beschäftigung.—Köln, 1968, S. 32—34.

⁸ Ochocki K. Marksizm-leninizm a wspolczesna leninologia.—Współczesne doktryny antykomunistyczne w. świecie.—Warszawa, 1973.

⁹ Wohlgenannt R. Der demokratische Sozialismus.—Wien, 1978, S. 180—182.

¹⁰ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 637; см. также т. 23,

с. 264.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 264.

¹² См.: Meyer T. Bernsteins konstruktiver Sozialismus.—Bonn-Bad-Godesberg, 1977, S. 40.

¹³ См.: Bernstein E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgabe der Sozialdemokratie.—Bonn-Bad-Godesberg, 1973/75, S. 63—64.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 119.

¹⁵ См.: Schwan A., Schwan G. Sozialdemokratie und Marxismus.—Hamburg, 1974, S. 172.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 182.

М. В. ЖЕВНО

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Социалистическое соревнование, рожденное общественными отношениями социализма,—это самая распространенная форма инициативы и активности трудящихся в условиях освобожденного труда.

В современных условиях соревнование приобрело качественно новые особенности, которые оказывают существенное влияние на развитие творческой активности трудящихся.

Соревнование проявляется в тех или иных формах в различных соци-

ально-экономических условиях и присуще человеческому обществу на различных стадиях его развития. «Уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающие индивидуальную производительность отдельных лиц...»¹ Причина этого заключается в том, что человек по своей природе есть продукт общественных отношений.

К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что в основе отношений соревнования лежат объективные потребности и интересы людей или групп людей, кооперирующихся для совместной деятельности в той или иной сфере общественной жизни. Социально-классовая сущность соревнования, его масштабы и основные функции находятся в тесной связи с теми общественно-историческими условиями, в которых оно развивается.

В условиях капитализма соревнование проявляется в форме конкуренции за наибольшую прибыль, т. е. служит средством наживы для господствующего класса, непримиримой «войны всех против всех», отдельных капиталистов между собой, их различных объединений друг с другом.

С уничтожением капитализма исчезает и антагонистический характер соревнования, проявлявшийся в конкурентной борьбе. Однако уничтожение капитализма вовсе не означает уничтожения соревнования. В. И. Ленин убедительно доказал, что социалистическое соревнование заложено в самой природе социализма. Разоблачая нелепые утверждения буржуазных экономистов о том, что якобы «социалисты отрицают значение соревнования и не дают ему места в их системе», он указывал, что на самом деле «только социализм, уничтожая классы, и, следовательно, порабощение масс, впервые открывает дорогу для соревнования действительно в массовом масштабе»².

В. И. Ленин ставил социалистическое соревнование в один ряд с такими решающими факторами строительства социализма и коммунизма, как развитие материальной основы крупной индустрии, социалистическая организация общественного труда, всесторонний строгий учет и контроль, дальнейшее совершенствование научной организации и социалистической демократии, усиление материальной и моральной заинтересованности работников, повышение уровня образования и культуры масс. Особое внимание он уделял действительности и результативности соревнования, направленности усилий на решение ключевых проблем.

На современном этапе коммунистического строительства, когда партия комплексно решает производственно-экономические и социально-политические задачи, соревнование характеризуется целым рядом новых особенностей. Одной из важнейших особенностей соревнования в условиях развитого социализма является его **поистине всенародный характер**. В 1977 году в социалистическом соревновании участвовало 97,5 млн. человек, из них 57,8 млн. — в движении за коммунистическое отношение к труду³. Социалистическое соревнование и на предыдущих этапах своего развития отличалось массовостью, но всенародный характер оно приобрело именно в наши дни, когда значительно расширился социальный состав участников соревнования: в нем участвуют работники всех сфер народного хозяйства, все составляющие наше общество социальные группы, в том числе и молодежь.

Развитый социализм не только обуславливает расширение состава соревнующихся, развитие его вширь, но и вызывает к жизни процесс интенсификации самого соревнования, развития его вглубь. Последнее предопределено развертыванием научно-технической революции: соревнование призвано сыграть огромную роль в решении поставленной партией задачи органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства.

Следующая особенность соревнования периода развитого социализма охарактеризована в Постановлении ЦК КПСС по вопросам соревнования: «В условиях научно-технической революции социалистическое соревнование призвано сыграть **качественно новую роль в развитии народного хозяйства и воспитании трудящихся**»⁴ (выделено нами — М. Ж.). Главный его лозунг — «Повышать эффективность производства и качество работы во имя дальнейшего роста экономики и народного благосостояния».

В ходе реализации этого движения успешно решается стержневая проблема десятой пятилетки — повышение эффективности и качества работы. Поэтому сейчас для передового работника мало быть просто трудолюбивым и дисциплинированным. Ныне от передовика производства «требуется еще активный, живой интерес и забота об общем деле, стремление

к тому, чтобы это дело шло все лучше и в бригаде, и в цехе, и на предприятии в целом, ибо... на качество влияет буквально все: и отладка станка, и характеристика материалов, и достоверность чертежа, и четкая распорядительность в работе»⁵.

В соответствии с решениями XXV съезда КПСС комсомольцы и молодежь республики активно участвуют в социалистическом соревновании за выполнение народнохозяйственного плана. По инициативе Минского горкома комсомола на Минском тракторном и автомобильном заводах, производственно-техническом объединении «Интеграл», объединении вычислительной техники разработаны Комплексные системы управления качеством работы, которые включают в себя совокупность органически связанных между собой воспитательных, технических и организационных мер.

Особое место в походе за качеством занимают бригады отличного качества и конвейеры качества. Например, в Витебской области бригады отличного качества насчитывают 10 тыс. человек (300 бригад отличного качества). В условиях дальнейшего развития движения «Работать без отстающих» особую значимость приобретает соревнование смежников по принципу «рабочей эстафеты». 96 предприятий и объединений заключили договоры с коллективами смежных предприятий, в том числе и с находящимися за пределами области. Эта работа способствовала созданию конвейеров качества. Сегодня их нитями связаны специальные конструкторские бюро зубообрабатывающих, шлифовальных и заточных станков и витебские заводы имени XXII съезда КПСС, имени Кирова и Коминтерна, Новополоцкий нефтеперерабатывающий завод и Могилевское объединение «Химволокно» имени В. И. Ленина, Витебская швейная фабрика «Знамя индустриализации», Оршанский льнокомбинат, Витебская чулочно-трикотажная фабрика имени КИМ, Гродненский прядильно-ниточный комбинат и другие.

Конвейеры качества помогли предприятиям наладить деловые взаимоотношения, объединить свои усилия в этом важном деле. Они помогли поднять качество не только в бригадах, но и на предприятиях в целом. К примеру, успешное осуществление совместных мероприятий бригад Витебской чулочно-трикотажной фабрики и Гродненского прядильно-ниточного комбината дало возможность кимовцам работать с перевыполнением заданий по выпуску изделий со знаком качества.

Еще одна особенность социалистического соревнования в условиях развитого социализма состоит в качественном изменении содержания его основных функций, возникновении нового соотношения между ними. Как известно, экономическая функция является ведущей, определяющей в социалистическом соревновании. Сегодня экономическая функция соревнования несет значительно большую общественную нагрузку, чем ранее. Это обусловлено действием целого ряда факторов, среди которых нужно отметить следующие: более благоприятные возможности для практической реализации ленинских принципов организации соревнования, созданные под руководством КПСС. Соревнование теперь воздействует на экономику не избирательно, на решение отдельных хозяйственных задач, а комплексно, т. е. на целую их совокупность в единстве и взаимозависимости. Упор делается на качественные показатели производства. Соревнование опирается на новую техническую базу, порожденную научно-технической революцией и позволяющую экономить живой труд за счет замены малопродуктивного труда автоматизированным и механизированным.

Экономическая функция тесно связана с социальной, которая направлена на стирание существенных различий между рабочим классом и крестьянством, между работниками умственного труда и физического, на вовлечение соревнующихся в управление производством.

Обе эти функции связаны с третьей — воспитательной, направленной на формирование у соревнующихся коммунистического отношения к труду. Социалистическому соревнованию всегда были свойственны эти три функции, но на разных этапах его развития соотношение между ними, их удельный вес проявлялись по-разному. В качестве одной из существенных особенностей современного этапа социалистического соревнования можно отметить возрастание социальной и воспитательной функций. Увеличение в современных условиях воспитательного потенциала социалистического соревнования обусловлено, с одной стороны, спецификой и возрастанием масштабов современного производства, которое предъявляет повышенные требования не только к машинам, технике, но и прежде

всего к самим работникам, к уровню их сознательности и ответственности. С другой стороны, оно обусловлено возникновением новых эффективных форм соревнования, трудовых починов, обладающих высоким идейно-нравственным потенциалом. В качестве примера можно назвать движение «Пятилетке эффективности и качества — энтузиазм и творчество молодежи!» В Белорусской ССР в этом движении участвует свыше 1 млн. юношей и девушек. В ходе этого движения родились новые замечательные начинания, выдвинулись сотни и тысячи молодых новаторов, героев труда.

Рассмотренные выше особенности социалистического соревнования отвечают актуальнейшим задачам развития народного хозяйства нашей страны. Эти задачи, по словам Л. И. Брежнева, сводятся к «дальнейшему повышению благосостояния советских людей, улучшению условий их труда и быта, значительному прогрессу здравоохранения, образования, культуры — ко всему, что способствует формированию нового человека, всестороннему развитию личности, совершенствованию нового человека и социалистического образа жизни»⁶.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 337—338.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 190.

³ 60 победных лет. Цифры и факты. — М., 1978, с. 104.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях. М., 1972, т. 10, с. 492.

⁵ Брежнев Л. И. Речь на встрече с рабочими автозавода им. Лихачева 30 апреля 1976 года. — М., 1976, с. 6—7.

⁶ Материалы XXV съезда КПСС. — М., 1977, с. 40.

А. Г. ДОНСКИХ

НЕОБХОДИМОСТЬ И СУЩНОСТЬ КЛАССОВОГО ПОДХОДА К ЯВЛЕНИЯМ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Подлинно научное, объективное рассмотрение различных сторон современной действительности возможно лишь с позиции того класса, коренные интересы которого совпадают с объективным ходом исторического развития, т. е. рабочего класса.

По отношению к явлениям и процессам, имеющим место в антагонистическом обществе, необходимость применения принципа пролетарского классового подхода при их анализе и оценке очевидна и не вызывает возражений у исследователей-марксистов. Своеобразие в применении пролетарского классового подхода при анализе явлений современного капиталистического общества определяется наличием противоположных по своему социально-экономическому и политическому положению общественных классов и вытекающих отсюда противоположных коренных классовых интересов и классовой борьбы.

Необходимость пролетарского классового подхода вытекает из марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы, которая является краеугольным камнем марксизма-ленинизма. В. И. Ленин писал, что «главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества»¹. Это положение марксизма о всемирно-исторической роли рабочего класса подтверждается практикой строительства социалистического и коммунистического общества и успехами мирового революционного процесса. На всех этапах борьбы за торжество нового общественного строя рабочий класс является ведущей революционной силой. В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» сказано: «На опыте нашей страны была убедительно продемонстрирована истинность фундаментального ленинского положения о том, что только рабочий класс, ведомый Коммунистической партией, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле создания нового общественного строя»².

В результате полной и окончательной победы социализма в нашей стране государство диктатуры пролетариата переросло в общенародное государство, выражающее интересы и волю всего народа. Но социалистическое общенародное государство является классовым. Это значит, что

на нынешнем этапе развития социалистического государства сохраняются классы — рабочий класс и колхозное крестьянство и социальный слой — интеллигенция, а следовательно, и социально-классовые различия. Однако эти различия в социалистическом обществе не носят антагонистического характера.

На современном этапе коммунистического строительства руководящая роль рабочего класса во всех сферах общественной жизни не только сохраняется, но и возрастает. Рабочий класс — ведущая экономическая и социально-политическая сила социалистического общества. Рабочий класс связан главным образом с промышленностью. Бурное развитие ведущих отраслей промышленности в условиях научно-технической революции ведет к увеличению его численности. Удельный вес рабочего класса в социалистическом обществе вырос с 33,5% (1939 год) до 61,8% (1978 год)³. Абсолютная численность рабочего класса в 1977 году выросла до 74,5 млн. чел. по сравнению с 23,7 млн. в 1940 году⁴.

Рабочий класс также и ведущая общественно-политическая сила социалистического общества. Он поднял всех трудящихся на борьбу против эксплуататоров за построение социализма в нашей стране и во главе с КПСС осуществлял руководство этой борьбой.

Развитие нашего общества после XXIV съезда КПСС подтверждает сделанные им выводы о повышении руководящей роли рабочего класса, о росте его влияния во всех областях жизни «по мере того, как растут его общая культура, образованность, его политическая активность»⁵.

На этапе коммунистического строительства усиливается тенденция сближения основных классов и социальных групп. Процесс сближения классов и социальных групп происходит не за счет утраты рабочим классом своей ведущей роли в социалистическом обществе, а в результате изменения социальной природы крестьянства и интеллигенции, что обусловило их переход на позиции рабочего класса. Лучшие общественно-значимые, революционно-созидательные качества рабочего класса, его революционные и трудовые традиции, идеология и интересы воспринимаются как свои собственные всеми слоями социалистического общества. Как было отмечено на XXIV съезде КПСС, «сближение всех классов и социальных групп, воспитание моральных и политических качеств советского народа, укрепление его социального единства происходит у нас на основе марксистско-ленинской идеологии, выражающей социалистические интересы и коммунистические идеалы рабочего класса»⁶.

Итак, существование классов как основных компонентов социально-классовой структуры развитого социалистического общества при руководящей роли рабочего класса, сохраняющиеся еще классовые различия обуславливают необходимость анализа с позиций рабочего класса всех социальных проблем. До тех пор, пока существуют классы и классовые различия, пока не утвердится новое коммунистическое общество, будет существовать социальная основа классового подхода к анализу и оценке явлений общественной жизни, сохранит свое значение марксистско-ленинский методологический принцип этого подхода. Своеобразие его в условиях развитого социализма определяется существованием неантагонистических классов, отношения между которыми носят характер сотрудничества и взаимопомощи.

Необходимость классового подхода к явлениям общественной жизни на современном этапе развития социалистического общества обусловлена не только внутренними условиями, социально-классовой структурой социалистического общества, но и внешними. Внешний фактор сохранения классового подхода к явлениям общественной жизни связан с существованием на международной арене двух противоположных социальных систем — социализма и капитализма, отношения между которыми носят характер острой борьбы во всех сферах общественной жизни. Борьба за разрядку международной напряженности и утверждение идей мирного сосуществования в отношениях между государствами отнюдь не свидетельствуют о классовом мире.

Особенность современной борьбы двух противоположных социально-политических систем заключается в том, что центр тяжести переносится на борьбу идеологическую. «Идейное противоборство двух систем, — говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной»⁷.

Превращение мировой системы социализма в решающий фактор общественного развития, победы, которые одерживает мир социализма,

обострение общего кризиса капитализма ведут к расширению и усложнению идейного спора между социализмом и капитализмом. Цель буржуазного воздействия на сознание советских людей заключается в том, чтобы путем идеологических диверсий, идейного разложения создать условия для реставрации капитализма в странах социализма.

В современных условиях на международной арене противостоят друг другу две идеологии — идеология социалистическая и идеология буржуазная, отражающие противоположную духовную природу двух социальных систем, непримиримость интересов рабочего класса и буржуазии.

Борьба идей на международной арене, в основе которой лежат классовые интересы, носит классовый характер. Это обуславливает необходимость резкого усиления политической бдительности каждого советского человека, четкой классовой ориентации, умения с позиций интересов рабочего класса рассматривать и оценивать идеологические явления общественной жизни, последовательно проводить классовую линию и вести борьбу против любых форм «буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась»⁸.

В советской научной литературе получила признание точка зрения, согласно которой социалистический классовый подход к явлениям общественной жизни рассматривается как один из наиболее важных методологических принципов марксизма-ленинизма⁹. Это значит, что любое классовое явление, процесс общественной жизни должны рассматриваться и оцениваться сквозь призму интересов и объективных потребностей рабочего класса. Но так как в социалистическом обществе интересы рабочего класса — это интересы государства, народа, то можно сказать, что социалистический классовый подход есть подход с позиций общенародных государственных интересов, содержание и идейная направленность которых восприняты от рабочего класса как ведущей силы общественного развития. Основные положения теории марксизма-ленинизма о месте и роли рабочего класса на современном этапе общественного развития, о его коренных политических интересах, целях и задачах, являются идеологической основой социалистического классового подхода.

Следовательно, классовый подход к явлениям и процессам общественной жизни сохраняет свое значение и в условиях развитого социализма. Содержание этого принципа на этапе коммунистического строительства определяется той ролью, которую играет рабочий класс, самый передовой класс, в социалистическом общественном развитии.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 1.

² Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». — М., 1977, с. 5.

³ См.: Народное хозяйство СССР в 1977 г. — М., 1978, с. 9.

⁴ Там же, с. 377.

⁵ Материалы XXIV съезда КПСС. — М., 1971, с. 73.

⁶ Там же, с. 72.

⁷ Материалы XXV съезда КПСС. — М., 1976, с. 74.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 269.

⁹ См.: Шоба Н. А. Формирование классового подхода советской молодежи к явлениям общественной жизни. — М., 1978; Вайсман А. М. В. И. Ленин о классовом подходе к общественным явлениям. — В сб.: Идеи Ленина и некоторые теоретические вопросы современности. Научные труды Ташкентского университета имени В. И. Ленина, 1970, вып. 380.

А. Н. БИЛЫК

РОЛЬ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОЛЛЕКТИВА В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ ТРУДЯЩИХСЯ

ЦК КПСС в Постановлении «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» указал на необходимость «...воспитывать у всех советских людей чувство гордости за социалистическое Отечество, нерушимой братской дружбы народов СССР, уважение к национальному достоинству и национальной культуре, непримиримость к любым проявлениям национализма, способствовать дальнейшему укреплению единства и сплоченности великого советского народа»¹.

В условиях развитого социализма создаются возможности для ускорения формирования личности патриота-интернационалиста и научного

управления этим процессом. В комплексном решении этих задач все более возрастающую роль играют трудовые коллективы — основные ячейки нашего общества. В статье 8 новой Конституции СССР говорится: «...Трудовые коллективы... воспитывают своих членов в духе коммунистической нравственности, заботятся о повышении их политической сознательности...»² Именно здесь у трудящихся формируются новые черты и качества.

Одним из критериев эффективности интернационального воспитания в трудовом коллективе является степень осознанности трудящимися процесса интернационализации общественной жизни, выраженная в их отношении к различным проявлениям этого процесса (многонациональность производственных коллективов, усиление межнациональных экономических и культурных связей, расширение сферы интернационального социалистического соревнования и т. д.).

Ускорение темпов интернационализации связано со значительным ростом многонациональности состава населения всех республик, в том числе и Белорусской ССР, на территории которой в настоящее время проживают представители более 100 национальностей³. Соответственно растет многонациональность производственных коллективов. Например, на Брестском электроламповом заводе бок о бок трудятся представители 14 национальностей, Минском подшипниковом заводе — 20, Витебском станкостроительном заводе имени Коминтерна — 15.

В интернациональном воспитании все возрастающее значение приобретает правильное разъяснение быстро происходящего процесса смещения национального состава. Разъяснение того, что в ходе строительства материально-технической базы коммунизма многонациональность состава населения будет возрастать вследствие миграции населения, обмена трудовыми ресурсами между республиками, дальнейшего укрепления их экономических и хозяйственных связей и т. д.

Как влияет многонациональность коллектива на интернациональное воспитание? Попробуем проследить это на материалах социологических исследований, проведенных в 1978 году на ряде предприятий БССР. Были опрошены 12% рабочих Брестского электролампового завода, 10% — Витебского станкостроительного завода имени Коминтерна и рабочие трех бригад Минского подшипникового завода, соревнующихся с бригадами подшипникового завода «Зетор» (Брно, ЧССР).

Подавляющее большинство рабочих считают, что многонациональность их коллектива положительно влияет на:

	БЭЛЗ	ВСЗ	ГПЗ
выполнение производственных заданий	97,7	99,0	100%
общественную работу	96,8	95,6	100%
морально-психологический климат	90,4	87,1	97,2%
совместное проведение свободного времени	91,1	93,3	100%

Совместный труд в многонациональном коллективе является основой единения людей, источником формирования чувств коллективизма, товарищества и интернационализма, но они не складываются автоматически. Общественное мнение трудового коллектива оказывает эффективное регулирующее воздействие на поведение личности. Именно через него осуществляются такие функции, как предъявление к труженику системы требований общественности и постоянный контроль, оценка его поступков и поведения. Направляя и корректируя поведение людей в соответствии с требованиями окружающей социальной среды, оно способствует формированию у них определенных качеств⁴. Наиболее эффективное воздействие общественного мнения на членов коллективов достигается, как показывает практика, на рабочих собраниях.

Однотипная реакция общественного мнения на одни и те же социальные ситуации в течение долгого времени ведет к «кристаллизации» общественного мнения в виде традиций, обычаев, которые затем сами оказывают активное воздействие на формирование мнений людей⁵. Одним из важнейших направлений воспитательного воздействия коллектива, в том числе и в деле интернационального воспитания, является воспитание на героических традициях рабочего класса. Традиции — это не только история, это могучее средство воспитания. Интернациональная же по своей

природе и сущности идеологическая основа революционных, боевых и трудовых традиций рабочего класса определяет их глубоко интернационалистический характер. Поэтому первоочередной задачей воспитательной работы в производственном коллективе, и особенно с молодежью, является ее воспитание на традициях «...героического рабочего класса, чей труд лежит в основе могущества и процветания страны и чья идеология — марксизм-ленинизм — служит путеводной звездой нашего движения к вершинам социального прогресса»⁶.

Как же сами рабочие оценивают воспитательное значение героических традиций рабочего класса? 26,9% опрошенных рабочих БЭЛЗа считают, что они воспитывают людей разных национальностей в духе дружбы, товарищества и взаимопомощи; 22,1% рабочих ВСЗ указали, что традиции рабочего класса знакомят их с героической историей нашей многонациональной Родины, с примерами интернациональной солидарности в борьбе с ее врагами, за построение социалистического общества; 18,8% рабочих ГПЗ отметили, что героические традиции рабочего класса сближают людей разных национальностей.

Какие же из традиций рабочего класса наиболее развиты в изучаемых коллективах? Абсолютное большинство опрошенных рабочих указали на ленинские субботники и социалистическое соревнование. Большую роль в интернациональном воспитании в трудовых коллективах играют патриотические починны передовых коллективов страны. Патриотические починны повышают роль трудовых коллективов, личную ответственность каждого рабочего за выполнение общих трудовых заданий, за высокое качество своей работы, а «...высокая эффективность, высокое качество любой работы есть в конечном счете прямой показатель зрелости, идейной убежденности, нравственного благородства личности»⁷.

С каждым днем ширится, охватывая все новые и новые производственные коллективы, социалистическое соревнование трудящихся Белорусской ССР с трудящимися других республик нашей Родины. От соревнования республик до соревнования отдельных рабочих — таков диапазон этого поистине всемогущего и всеохватывающего социального явления, в котором еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин видел одно из важнейших средств строительства социализма и коммунизма.

Социалистическое соревнование является высшей формой дружественных связей рабочих разных национальностей. Сотрудничество народов СССР в сфере экономической жизни конкретно проявляется в деятельности отдельных производственных коллективов. Совместный труд людей разных национальностей, интернациональное социалистическое соревнование в сочетании с целенаправленной систематической работой партийных, профсоюзных и комсомольских организаций позволяют успешно решать главную задачу интернационального воспитания в производственном коллективе — формирование личности, у которой интернационалистические чувства и взгляды самым тесным образом сочетаются с интернационализмом на деле.

¹ Правда, 1979, 6 мая.

² Конституция (Основной Закон) СССР. — М., 1977, с. 8.

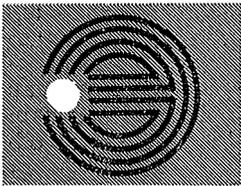
³ См.: 60 героических лет. — Минск, 1978, с. 13.

⁴ См.: Трудовой коллектив и воспитание человека. Материалы научно-практической конференции. — Курган, 1973, с. 23.

⁵ См.: К о р о б е й н и к о в В. С. Возрастание роли и значение общественного мнения в жизни социалистического общества. — М., 1979, с. 29.

⁶ Б р е ж н е в Л. И. Советские профсоюзы — влиятельная сила нашего общества. — М., 1977, с. 3.

⁷ М а ш е р о в П. М. XXV съезд и актуальные проблемы коммунистического воспитания молодежи. — М., 1976, с. 6.

Н. И. БАЗЫЛЕВ

В. И. ЛЕНИН И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В. И. Ленин внес огромный вклад в развитие экономической теории социализма. Известно, что общие теоретические положения экономической теории социализма были разработаны классиками марксизма-ленинизма еще в дооктябрьский период. Раскрытие противоречий капиталистического способа производства позволило К. Марксу и В. И. Ленину обосновать объективную неизбежность его замены новым, более прогрессивным общественным строем — социализмом. Ими была разработана теория социалистической революции, создано учение о переходном периоде, о двух фазах коммунистического способа производства, намечены тенденции в становлении закономерностей развития социалистических производственных отношений. Эти теоретические положения послужили в последующем посылками при формировании политической экономии социализма.

Что касается политической экономии социализма как науки, она не могла возникнуть прежде, чем возник объект ее исследования — социалистические производственные отношения. Необходим был практический опыт, обобщение которого позволило бы выявить законы развития коммунистического способа производства. Первые обобщения практики социалистического строительства были сделаны В. И. Лениным. Поэтому нисколько не умаляя заслуг в развитии экономической теории социализма К. Маркса и Ф. Энгельса, с полным основанием можно признать, что создателем политической экономии социализма явился В. И. Ленин.

К. Маркс отмечал, что «общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения»¹. Анализ изменений в производительных силах, исследование обобществления производства В. И. Ленин положил в основу изучения закономерностей развития социализма.

Посредством социалистического обобществления производства шел процесс становления общественной собственности на средства производства как экономической основы социализма. В ходе обобществления, указывал В. И. Ленин, «...многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства... общественная связь между производителями все более и более укрепляется, производители сплавиваются в одно целое»². В трактовке В. И. Ленина обобществление производства означало преодоление экономической обособленности и раздробленности производительных единиц, оно было связано с развитием общественной комбинации производства, его специализацией и кооперацией, ускорением научно-технического прогресса во всех звеньях народного хозяйства.

Обобществление производства и труда имеет место и в условиях капитализма, достигая наивысшего уровня при империализме. В. И. Ленин отмечал, что «крупное капиталистическое хозяйство, по самой уже технической природе своей, есть обобщественное хозяйство»³. Но процесс обобществления при капитализме ведет к резкому обострению основного

противоречия этого способа производства, когда «...форма производства становится в непримиримое противоречие с формой присвоения»⁴. В гигантском обобществлении производства состоит историческая заслуга капитализма перед социализмом. Ходом своего развития капитализм создает материальные предпосылки социализма. Взяв их в свои руки и придав им общественную форму функционирования, социалистическое государство создает условия для резкого повышения производительности общественного труда и роста эффективности производства.

Обобществление производства лежит в основе совершенствования отношений собственности. На этой базе развилась до современного уровня государственная форма собственности, на этой основе осуществлено преобразование сельскохозяйственного производства. «Победу социализма над капитализмом, упрочение социализма, — писал В. И. Ленин, — можно считать обеспеченными лишь тогда, когда пролетарская государственная власть, окончательно подавив всякое сопротивление эксплуататоров и обеспечив себе совершенную устойчивость и полное подчинение, реорганизует всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего хозяйства основанной) технической базы. Только это даст возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отсталой и распыленной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда...»⁵ Еще К. Маркс указывал, что мелкая земельная собственность исключает развитие общественных производительных сил, общественных форм труда, общественную концентрацию производства и прогрессивное применение науки⁶.

Даже в условиях победы социалистической революции, при национализации земли и передаче ее в пользование крестьянства, при повседневной помощи и поддержке государства мелкотоварное производство не в состоянии удовлетворить общественные потребности в продовольственных товарах. Обобществление производства поэтому выступало стержневой задачей в осуществлении ленинского кооперативного плана. Кооперирование крестьянства, коллективизация сельскохозяйственного производства, реорганизация МТС и продажа техники колхозам, экономическая реформа и агропромышленное кооперирование — вот те эпохальные вехи на пути обобществления сельскохозяйственного производства и развития колхозно-кооперативной собственности, которые осуществлены государством за годы советской власти.

Обобществление промышленного и сельскохозяйственного производства легло в основу развития и постепенного сближения двух форм общественной собственности на средства производства. Огромную роль в этом процессе играет государственная собственность, обеспечивающая сельскохозяйственные предприятия необходимыми средствами производства, осуществляющая подготовку кадров и систему мер по усилению материального стимулирования труда. Отражением реального процесса сближения двух форм социалистической собственности является развитие агропромышленного кооперирования, возникновение межколхозной и государственно-межколхозной собственности, как промежуточных форм общественной собственности.

Развитие форм общественной собственности на средства производства — это глубокий экономический процесс, характеризующий собой, с одной стороны, развитие производительных сил, с другой стороны — развитие производственных отношений. В результате социалистической национализации, индустриализации и коллективизации сельскохозяйственного производства были созданы материально-производственные факторы социалистического обобществления производства. В последующей деятельности Коммунистической партии и советского государства они получили дальнейшее развитие. «Обобществление производства при социализме предполагает вовлечение трудящихся во все сферы социальной деятельности, совершенствование системы образования, отдыха, физического развития, повышение профессиональной мобильности населения на основе широкого общего и специального образования, обусловленной общественной необходимостью перемены труда»⁷.

Социальные факторы социалистического обобществления производства начинают складываться после победы социалистической революции. В их основе лежат такие мероприятия советского государства, как устранение эксплуатации человека человеком, ликвидация национального гнета и

установление отношений братства, сотрудничества и взаимопомощи между народами, всеобщность и обязательность труда, свобода вероисповедания, устранение культурного невежества и социальной деградации в обществе. Как государственный деятель В. И. Ленин принимал самое непосредственное участие в формировании социальных факторов социалистического обобществления производства. Они позволили сформировать социалистический тип производственных отношений, качественно отличный от производственных отношений капиталистического способа производства.

Социалистически обобществленное производство требует сознательного общественного контроля над ним. В самом преддверии Октябрьской революции В. И. Ленин вплотную ставит вопрос о планировании социалистической экономики. «Пролетариат, — писал он, — сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. под контролем рабочих организаций за выработку «плана», за проверку его, за отыскание средств сэкономить труд централизацией, за изыскание мер и способов самого простого, дешевого, удобного и универсального контроля»⁸.

После победы социалистической революции В. И. Ленин еще и еще раз обращает внимание трудящихся, государственных органов управления на необходимость планомерной организации общественного производства. Только социализм может по научному подойти к организации производства и распределения продуктов, осуществить их в интересах трудящихся, ибо сами рабочие заинтересованы в такой организации производства, а «организационных талантов среди рабочих и крестьян — наверное больше, чем воображает и представляет себе буржуазия»⁹. Он призывает во что бы то ни стало «разбить старый, нелепый, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так называемые «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов»¹⁰.

Обосновывая необходимость планомерного развития социалистической экономики, В. И. Ленин указывал, что нельзя вести хозяйство, не имея плана, рассчитанного на длительный период, что неотложной задачей социалистической революции является «...превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом...»¹¹.

Ленинская теория планирования — это творческая, преобразующая идея прогрессивной организации общественного производства. Она выдержала проверку временем, доказав огромные экономические и политические преимущества социализма, и завоевала широкое признание не только в нашей стране, но и за ее пределами. В. И. Ленин дал научное решение коренных проблем планирования и управления социалистической экономикой. От начального регулирования производства в форме рабочего контроля до выработки единого народнохозяйственного плана — так развивалось социалистическое планирование.

Идеи В. И. Ленина о принципах и методах социалистического планирования находят полное подтверждение в мероприятиях Коммунистической партии и советского государства. Они положены в основу недавно принятого постановления ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов» и постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Они воплощают в себе намеченные XXV съездом КПСС меры по дальнейшему совершенствованию планирования и управления экономикой.

Планомерность как форма движения социалистических производственных отношений охватывает все сферы общественной жизни. Поскольку при социализме сохраняется товарная форма производства, В. И. Ленин большое значение придавал планомерной организации обмена «продуктов крупных социалистических фабрик на продукты крестьянского хозяйства через продовольственные органы государственной власти, принадлежащей рабочему классу, через кооперацию рабочих и крестьян»¹².

Призывая овладеть методами социалистического хозяйствования, средствами воздействия на социалистическую экономику через систему товарного обращения, В. И. Ленин указывал, что социалистическое строи-

тельство «может и должно проявить себя в любой форме, и новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые, — не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма»¹³. В обобществлении производства В. И. Ленин видел основу для ограничения поля деятельности товарно-денежных отношений. Процесс обобществления производства, отмечал он, приведет к замене «капиталистического производства товаров социалистической организацией производства продуктов за счет всего общества, для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех его членов»¹⁴. Социализм не отменяет товарное производство, его уничтожает крупное обобщественное производство, на котором базируются социалистические производственные отношения.

Взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на товарное производство сходились в главном, что товарная форма выражения последнего на определенном этапе обобществления производства отомрет. Расходились их взгляды во второстепенном: К. Маркс присовокупляя достижение подобного уровня обобществления к исторической границе обеспечения полной победы социализма и поэтому делал вывод об отмирании товарного производства на фазе социализма. В. И. Ленин, на основе анализа капитализма эпохи империализма, обобщения практики социалистического строительства сформулировал новые закономерности победы социалистической революции и социалистических производственных отношений, которые предопределили необходимость сохранения товарного производства не только на этапе полного, но и развитого социализма. Величайшей заслугой В. И. Ленина явилось то, что на фоне колоссального расцвета капиталистического товарного производства он обнаружил его ограниченность, выявил причину гибели, определил границы отмирания.

На основе теоретической разработки проблем социалистического обобществления производства, развития отношений собственности, анализа планомерности и товарного производства В. И. Ленин разработал основополагающие принципы социалистического хозяйствования, сохраняющие свое значение и в наши дни. Им был обоснован хозрасчетный метод ведения экономики, принцип демократического централизма, сочетания экономики и политики, принцип предпочтения общественных интересов личным, разработана теория материального стимулирования труда и соотношения материальных и моральных стимулов, обоснована теория социалистического управления. Это придает теоретическую и практическую значимость наследию гениального вождя международного пролетариата и организатора первого в мире социалистического государства.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 133.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 177.

³ Там же, т. 34, с. 172.

⁴ Там же, т. 1, с. 178.

⁵ Там же, т. 41, с. 179.

⁶ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 372.

⁷ Жданов Ю. Обобществление производства — объективный закон общественного развития. — Коммунист, 1978, № 1, с. 55.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 320.

⁹ Там же, т. 36, с. 144.

¹⁰ Там же, т. 35, с. 198.

¹¹ Там же, т. 36, с. 7.

¹² Там же, т. 43, с. 149.

¹³ Там же, т. 41, с. 89.

¹⁴ Там же, т. 6, с. 204.

В. В. МИГАС

ОСОБЕННОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА В ФРГ 70-х ГОДОВ

В современных условиях инвестиционной сфере присущ ряд особенностей, которые накладывают свой отпечаток на дальнейшее развитие капиталистической экономики и направление ее структурных сдвигов.

Советские экономисты и экономисты-марксисты других стран неоднократно отмечали длительную вялость и заторможенность инвестиционной деятельности в развитых капиталистических странах после выхода из

кризиса 1974—1975 годов. Что касается ФРГ, то для этой страны подобная динамика инвестиционной деятельности была характерна и до циклического экономического кризиса. В течение 5 лет (1971—1975) здесь наблюдалось непрерывное падение темпов реальных промышленных инвестиций. Даже в 1973 году, когда в промышленно развитых капиталистических странах наблюдался подъем производства и все валовые капиталовложения выросли в среднем на 7,8% (в том числе в Англии—на 5,5, Франции—6,7, Италии—9,9, США—7,1, Японии—на 15,9), в ФРГ они увеличились всего на 1%¹.

И в послекризисные годы, несмотря на то, что темпы роста валовых капиталовложений были в ФРГ выше, чем в других странах Западной Европы, по сравнению с США и Японией они показали «затухающую» динамику. В 1976 году они составляли 5,0 и 3,0% в 1977-м (против 8,6 и 12,6 у США и 4,5 и 6,4% у Японии)². Правда, капиталовложения в ФРГ увеличивались в основном за счет производственных инвестиций, в то время как у США—за счет жилищного строительства.

Сдерживание объема валовых инвестиций при обозначившемся приоритете производственных вложений, а также увеличение масштабов безработицы, перешагнувшей в 1975 году миллионный рубеж, отразило тенденцию развития ФРГ по пути капиталистической «рационализации без новых капиталовложений». Действительно, в 1970 году модернизацию и замену устаревшего оборудования как ведущие мотивы инвестирования назвали 45% опрошенных компаний, в 1975 году—78, а в 1978—уже 83%³. Можно предположить сохранение модернизационной направленности инвестиций и в ближайшем будущем, поскольку за годы кризиса и затянувшейся депрессии в основном капитале ФРГ накопилась значительная масса морально устаревших и физически изношенных производственных фондов. По данным Западноевропейского Института экономических исследований, почти половина основного капитала ФРГ в настоящее время старше 10 лет, в то время как в 1960 году эта доля составляла еще одну треть⁴.

Одним из факторов, сдерживающих размер и темпы роста новых вложений в основной капитал, традиционно считается недостаточное накопление денежных средств в руках частномонополистического сектора. По расчетам экономиста из ГДР Х. Таммера, 100 крупнейших акционерных обществ ФРГ реализовали в 1976—1977 годах значительно больше чистой прибыли, чем в 1975 году. Однако валовые инвестиции в основной капитал выросли в 1976 году относительно 1975 лишь на 3,4%, а в 1977 году—даже абсолютно упали⁵. Дело, следовательно, не в недостатке финансовых ресурсов, а в изменившихся внутренних и внешних условиях воспроизводства основного капитала в 70-е годы. Новые внутренние условия для воспроизводства основного капитала в ФРГ есть результат прежде всего ее собственного послевоенного развития, приведшего к огромному перенакоплению капитала.

Инвестиционный бум 60-х годов, развернувшийся во взаимосвязи с НТР, привел к росту технического строения капитала, а на этой основе и его органического строения. Так, органический состав капитала акционерных обществ ФРГ в начале 60-х годов составил 24 : 1, а в 1977—почти 33 : 1⁶.

Рост органического состава капитала, а также другие факторы (замедление оборота в связи с возрастанием доли основного капитала в общем объеме капитала монополий, увеличение затрат на постоянный капитал в связи с необходимостью строительства сооружений по охране окружающей среды и приспособления к изменившимся условиям обеспечения сырьевыми и энергоресурсами) ускорили падение нормы прибыли. В 1976 году, по сравнению с 1961, норма прибыли производственных отраслей экономики ФРГ уменьшилась с 45 до 42%. Ни в один из годов конъюнктурного подъема (1964, 1969, 1973) она не достигала уровня 1961 года, а в кризисный 1975 была ниже уровня кризисного 1967 года. Ту же динамику показывает и норма прибыли по акционерным обществам ФРГ⁷.

На базе падающей нормы прибыли развивается перенакопление капитала, которое означает, что ряд капиталов при данной степени эксплуатации труда не может функционировать как капитал, так как установившаяся норма прибыли слишком низка для этого и не компенсируется массой прибыли. «...Понижение нормы прибыли,—отмечает К. Маркс,—замедляет образование новых самостоятельных капиталов и таким обра-

вом представляется обстоятельством, угрожающим развитию капиталистического процесса производства»⁸.

Внутренне присущим капитализму средством, сдерживающим пониженные нормы прибыли, выступает обесценение наличного капитала в большем или меньшем объеме в период кризиса. Вместе с тем «в развитом движении капитала имеются моменты, задерживающие это движение иным образом, чем посредством кризисов; так, например: постоянное обесценение части существующего капитала; превращение значительной части капитала в такой основной капитал, который не является агентом прямого производства; непроизводительная трата значительной части капитала и т. д.»⁹

В современных условиях формами выражения этих моментов становятся: хроническая недогрузка производственных мощностей, развитие государством инфраструктуры, военные расходы и возникающее на их основе военное потребление как постоянно действующее средство систематического уничтожения части созданного общественного продукта и пр. С помощью этих форм монополистическая буржуазия и государство стремятся как можно дольше растянуть неизбежный при перенакоплении капитала процесс его обесценения, чтобы уменьшить остроту проблем, связанных с краткосрочным и массовым обесценением капитала. Но, с другой стороны, такое стремление неизбежно ведет к тому, что даже циклический кризис перепроизводства не может установить временного равновесия между нормой прибыли, ее массой и структурой накапливаемого капитала. В связи с этим послекризисное развитие ФРГ, как впрочем и других империалистических стран, характеризуется умеренным ростом экономики и инвестиций, с ярко выраженными признаками депрессии.

Следует отметить также, что механизм воздействия циклического кризиса на воспроизводство основного капитала был нарушен инфляцией. Рост цен на элементы основного капитала не способствовал усилению инвестиционной активности, поскольку замедлял процесс морального износа капитала. Кроме того, он вызвал обесценение амортизационного фонда, что также не способствовало инвестированию.

В 70-е годы изменились не только внутренние, но и внешние условия воспроизводства основного капитала. Изменение внешних условий выражается, во-первых, в сдвигах международного разделения труда, связанных с возрастающей ролью государств, которые еще недавно были колониями или полуколониями. Большинство из них при нынешнем соотношении мировых классовых сил «вполне могут противостоять империалистическому диктату, добиться справедливых, то есть равноправных экономических отношений»¹⁰.

Во-вторых, изменение внешних условий находит свое выражение в меняющемся соотношении цен на готовую продукцию и минеральное энергетическое сырье. В 1977 году индекс цен, рассчитанный согласно принятой в ООН методологии в долларах (1970—100), составил на горючее топливо номинально 675%, а относительно индекса цен на готовые товары—338, в том числе на нефть—соответственно 748 и 374%¹¹. Более быстрый рост цен на минеральное энергетическое сырье по сравнению с промышленными товарами обусловил их новый уровень, что явилось одним из факторов, приведших к огромному дефициту платежного баланса большинства капиталистических стран. В свою очередь, это ограничивает экспортную экспансию, особенно Западной Германии, которая в последнее время реализует примерно 24% своей промышленной продукции на внешнем рынке¹². К тому же, если учесть, что инвестиционные товары играют в товарном экспорте ФРГ решающую роль, то становится понятной большая зависимость страны не только от внешнеторгового положения своих партнеров, но и от состояния их экономики, прежде всего, накопления капитала как источника экономического роста. Далее, удорожание топлива и сырья поставило Западную Германию, как и другие капиталистические страны, перед необходимостью серьезной перестройки своей экономической структуры. В долгосрочной перспективе такая перестройка таит в себе большие резервы для увеличения капиталовложений, но в более краткосрочном плане усиливает неуверенность предпринимателей, вынуждает их воздерживаться от крупных инвестиций, прежде всего, в расширение производства.

В-третьих, изменение внешних условий проявляется в новых соотношениях валютных курсов. Они приближаются к реальным паритетам покупательной силы. Для ФРГ это означает повышение курса марки. Если с

1950 по 1972 год курс марки увеличился примерно на 32% относительно средневзвешенного курса других капиталистических валют, то с 1972 по 1977 год относительно валют 16 развитых капиталистических стран — уже на 43, а относительно доллара США — даже на 51%¹³. Повышение курса марки выявило серьезные недостатки в структуре западногерманской экономики и особенно промышленности. Многочисленные отрасли, выпускающие технически несложные, но, как правило, трудо-, энерго- и материалоемкие виды продукции, которые раньше вследствие заниженного курса марки утвердились на мировом капиталистическом рынке, становятся все менее приспособленными к изменившимся условиям. И хотя западногерманские экспортеры еще сохраняют свои позиции на мировом рынке, достигается это ценой значительного уменьшения прибылей. Поэтому в экспортных отраслях наиболее велики потери рабочих мест и четко прослеживается характерная для всей западногерманской промышленности довольно парадоксальная ситуация: растущее производство при стагнирующих капиталовложениях. Западногерманские фирмы экспортируют, но не инвестируют в должной мере, как это было после кризиса 1966—1967 годов.

Повышение курса марки заметно улучшило позиции иностранных экспортеров как на рынке потребительских товаров, так, что особенно важно, и на рынке оборудования. Например, если в 1966 году доля иностранных машин в реализации оборудования на внутреннем рынке ФРГ составляла 18%, то к 1977 году она увеличилась до 30%¹⁴. «А это означает, что даже значительный рост капиталовложений в стране не может оказать прежнего стимулирующего воздействия на развитие ее собственных «инвестиционных» отраслей, так как гораздо большая, чем раньше, часть спроса на оборудование будет удовлетворяться за счет импорта»¹⁵.

Ухудшение условий товарного экспорта из ФРГ в связи с нормализацией валютных курсов в немалой степени обуславливает организацию ряда производств за границей, что, в свою очередь, не может не отражаться на масштабах инвестиционной деятельности внутри страны. Вывоз капитала — не новое для ФРГ явление, но характерно, во-первых, то, что если раньше приток капитала в страну превышал его вывоз, то в 70-е годы наблюдается иная картина. В 1952—1969 годах экспорт капитала составлял 17,6 млрд. марок, импорт — 18,9 млрд., а в 1970—1977 годах соответственно — 34,5 и 30,4 млрд. марок¹⁶. Во-вторых, доля прямых заграничных капиталовложений ФРГ относительно капиталовложений внутри страны постоянно увеличивается. Так, в 1966—1968 годах она составляла 2,5%, 1969—1971 годах — 3,4, 1972—1974 — 4,2 и в 1975—1977 годах — 4,6%¹⁷. Большая часть вывезенного из ФРГ капитала в 1976—1977 годах приходилась на долю США, чему во многом способствовало значительное падение курса доллара по отношению к марке. В связи с этим возникает новая сфера соперничества двух стран.

Изменение характера научно-технической революции привело к нивелировке технического уровня промышленности в США, Японии и странах Западной Европы. На этой основе нивелируется и их конкурентоспособность, что еще более ожесточает конкурентную борьбу на мировом капиталистическом рынке. В связи с этим, с одной стороны, повышается риск ошибочных инвестиций, что вынуждает концерны к предварительному калькулированию роста мощностей и возможностей сбыта. С другой — в целях сохранения конкурентоспособности инвестиции направляются преимущественно на рационализацию и модернизацию производства.

На современной стадии научно-технического прогресса в странах капитала ведутся поиски перспективных технологических новшеств, реализация которых могла бы дать мощный импульс подъему инвестирования. Сравнительно недавно таким импульсом считали бурный рост атомной энергетики и рост природоохранных затрат. Но сложности решения многих экологических проблем, социальные конфликты, связанные со строительством атомных электростанций, отсутствие четких государственных планов развития энергетики замедлили развертывание атомной и экологической программ.

Сырьевой, энергетический, экологический кризисы 70-х годов вновь подчеркнули важность этих проблем, научное решение которых могло оказать стимулирующее влияние на инвестиционную деятельность компаний. Однако научный подход к этим проблемам не был обеспечен, что, как полагает профессор Института экономики при Болгарской Академии

наук Х. Фундулис, явилось важной причиной возникновения современного инвестиционного кризиса как структурного кризиса¹⁸. И в ФРГ не отсутствие денежного капитала, а совсем иные причины сдерживали размер новых вложений в основной капитал.

Государственные же мероприятия по оживлению инвестиционной деятельности были направлены преимущественно на обеспечение прибыли монополиям. Закономерен и результат такой политики. Во-первых, растущие прибыли направлялись не на расширение производства, а на рационализацию рабочих мест. Во-вторых, «денежные впрыскивания», не обусловленные действительной потребностью в денежных средствах для накопления капитала, усиливали инфляционные процессы, усугубляли кризис государственных финансов. В итоге, как вынужден был признать Совет экспертов ФРГ, стимулирующее действие подобной инвестиционной политики может быстро затухнуть, не успев развязать в рыночном механизме тот процесс «самоусиления», который, по мнению правительства, только и может вывести экономику из неудовлетворительного состояния¹⁹. «Рационализация без новых капиталовложений» ведет, кроме того, и к вымыванию из производства ставшей «излишней» рабочей силы. Это вызывает новое обострение социально-экономических противоречий капитализма. «Рабочему приходится бороться не только за физические средства к жизни, но и за получение работы, т. е. за возможность осуществления своей деятельности, за средства к этому осуществлению...»²⁰

Таким образом, инвестиционная пауза, являющаяся характерной чертой экономической ситуации основных капиталистических стран, определяет неустойчивость перспектив роста в 70-е годы по сравнению с 50—60-ми годами и необходимость коренной перестройки экономической структуры в направлении развития наукоемких и технически передовых производств материало- и энергосберегающего типов. Такая перестройка неизбежно сопровождается углублением противоречий капиталистического воспроизводства.

Рост безработицы и инфляции в фазах оживления и подъема, капиталистическая «рационализация без новых капиталовложений» все более сокращают возможности социального маневрирования буржуазного государства и подготавливают почву для новых классовых битв. Трудящиеся в этих условиях начинают осознавать неизбежность и необходимость борьбы не только за повышение заработной платы, но и за радикальное улучшение условий труда и жизни.

¹ См.: Мировая экономика и международные отношения (в дальнейшем МЭ и МО), 1975, № 4, с. 27.

² См.: МЭ и МО, 1978, № 5, с. 97.

³ Рассчитано по: IPW Berichte, 1978, Н. 5, S. 43.

⁴ См.: Wirtschaftswoche, 1978, Н. 22, S. 34.

⁵ См.: IPW Berichte, 1978, Н. 12, S. 3—6.

⁶ См.: Там же, Н. 6, S. 18—19; Н. 8, S. 15.

⁷ См.: Там же, S. 19, 22.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 265.

⁹ Там же, т. 46, ч. II, с. 264.

¹⁰ Материалы XXV съезда КПСС.—М., 1976, с. 13.

¹¹ См.: IPW Berichte, 1978, Н. 10, S. 14.

¹² См.: Wirtschaft und Statistik, 1977, Н. 3, S. 170.

¹³ См.: Monatsberichte der Deutschen Bundesbank, 1978, Н. 6, S. 178.

¹⁴ См.: МЭ и МО, 1978, № 5, с. 99.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: IPW Berichte, 1978, Н. 10, S. 74.

¹⁷ См.: Monatsberichte der Deutschen Bundesbank, 1978, Н. 10, S. 34.

¹⁸ См.: IPW Berichte, 1978, Н. 10, S. 4.

¹⁹ См.: МЭ и МО, 1978, № 5, с. 100.

²⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 49.

В. А. КУЛАЖЕНКО

**ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО СРЕДСТВ ТРУДА —
ИСХОДНЫЙ МОМЕНТ ОБОБЩЕНИЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ**

Развивающийся народнохозяйственный аграрно-промышленный комп-

лекс (АПК) обуславливает повышение уровня обобществления сельскохозяйственного производства. Исходным моментом его является развитие производительных сил в сельском хозяйстве прежде всего за счет внедрения в производство новых орудий труда, созданных на основе достижений научно-технического прогресса.

Специализация, концентрация и кооперация сельскохозяйственного производства вторичны, производны от уровня развития производительных сил, внутри которых наиболее динамичным звеном являются орудия труда (основные производственные фонды). «Экономические эпохи различаются тем, как производится, какими средствами»¹, — писал К. Маркс. Именно рост производственных фондов за счет мощной передовой техники, обеспечивающей повышение энерговооруженности труда, обусловил углубление разделения труда на уровне отдельных предприятий.

На начальных этапах развития колхозов и совхозов специализация производства осуществлялась в рамках крупных зон. Состояние производительных сил не позволяло специализировать производство отдельных колхозов и совхозов. Они были многоотраслевыми хозяйствами. Ручная техника и отсталая технология производства были преградой на пути концентрации и специализации производства. Работники совхозов и колхозов при конно-ручном производстве были тесно технологически связаны с простыми орудиями труда, постоянно дополняя их функции своим физическим трудом. Поэтому производительная сила труда в сельском хозяйстве ограничивалась физиологическими данными работника.

При переходе к машинному производству в сельском хозяйстве работник остается включенным в непосредственное производство, т. е. в процесс воздействия орудий на предмет труда, но технологическая связь его с орудиями труда ослабевает. К. Маркс писал по этому поводу: «Труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик... Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним»². Возможности производства в большей степени теперь определяются технологическими данными машин и агрегатов и в гораздо меньшей степени физиологическими данными работника. Это открывает путь для неограниченного роста производства, его концентрации и специализации. В свою очередь специализация вызывает к жизни обобществление. В. И. Ленин подчеркивал, что «прогресс техники должен повести за собой специализацию различных частей производства, обобществление их...»³

Основные производственные фонды как наиболее динамичная составная часть производственных сил в сельском хозяйстве на 85% состоят теперь из орудий труда промышленного производства. А это значит, что дальнейшая концентрация и специализация сельскохозяйственного производства определяется темпами производства средств производства. Развитие рабочей силы как главной производительной силы согласно закону ее соответствия уровню и структуре средств производства, как правило, несколько отстает от развития орудий труда. В создании новых средств труда она участвует лишь относительно. Место и время создания новых орудий труда не совпадают с производственным процессом данного вида продукции. Работники колхозов и совхозов только совершенствуют орудия труда, например, через рационализацию. Создаются и производятся средства сельскохозяйственного труда за пределами сельского хозяйства, в первой сфере агропромышленного комплекса.

Специализация и концентрация сельскохозяйственного производства как производные уровни развития производительных сил и их динамичной части — орудий труда — есть в свою очередь предпосылка обобществления сельскохозяйственного производства, под которым В. И. Ленин понимал налаживание чрезвычайно тонкой и сложной системы новых общественных связей⁴.

Следовательно, обобществление производства в условиях социализма есть непрерывный процесс усиления экономических, производственных и технологических связей между специализирующимися производствами, обеспечивающий планомерное развитие всего народного хозяйства и рост производительности общественного труда.

Непрерывный характер обобществления производства (в том числе и сельскохозяйственного) вытекает из безграничных возможностей развития производительных сил. С переходом к автоматизации сельскохозяйственного производства, когда исчезнет технологическая зависимость работников

от процесса производства и будут созданы условия их полного господства над процессом производства, возникнут качественно новые экономические предпосылки концентрации и специализации производства, а, стало быть, появятся новые формы его обобществления.

По поводу обобществления производства в экономической литературе написано немало. Но в отношении сущности и форм обобществления высказываются различные мнения. Отдельные авторы сводят обобществление в основном к развитию форм собственности⁵ и ограничивают период обобществления определенными временными рамками. Так, М. В. Колганов пишет, что «в отношении государственной социалистической собственности не стоит вопрос о повышении уровня обобществления. В ней принцип обобществления выражен предельно полно»⁶.

Из этого следует, что обобществление может происходить только в сфере колхозно-кооперативной собственности и что оно по своей сущности сводится к переходу к более высшей форме собственности (в условиях социализма — общенародной).

Такая трактовка обобществления не только ошибочна, но и свидетельствует о смещении понятий, находящихся в различных плоскостях экономических отношений. Обобществление действительно обуславливает развитие собственности, но непосредственно отношением собственности не является. Ведь собственность — это базисная категория, а обобществление — категория, отражающая прежде всего развитие производительных сил от индивидуальной (или коллективной) формы к общественной. Отношения собственности отвечают на вопросы, кто хозяин производства, как соединяется рабочая сила со средствами производства, в чьих интересах ведется производство и как будет распределен и использован конечный продукт. Отношения же обобществления отвечают на вопросы, как ведется производство, кто поставляет сырой материал и орудия труда, в какой технологической последовательности совершается производство конечной формы продукта и кого можно считать его производителем. Ошибочность взглядов Колганова М. В. относительно непричастности государственной собственности к процессу обобществления доказывается самой действительностью. В настоящее время в стране насчитывается свыше 2,3 тыс. производственных и научно-производственных объединений⁷. Их образование и функционирование есть не что иное, как то, что «многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства»⁸, в основе которого лежит развитие производительных сил, технический прогресс. Следует согласиться с точкой зрения тех экономистов, которые считают, что с победой социализма историческая функция процесса обобществления не исчерпывается и что «она вообще не может быть исчерпана, как неисчерпаемы возможности развития производительных сил и совершенствования производственных отношений»⁹.

Предмет нашего исследования требует выяснения тождественности и нетождественности отношений обобществления производства и обобществления труда, тем более, что ряд экономистов не выделяет особо понятия «обобществление производства», а говорит о нем как об обобществлении производства и труда. Обобществление производства более широкая категория, чем обобществление труда. Обобществление труда выражает лишь ту часть обобществления производства, которая связана с созданием новой стоимости и образованием потребительской стоимости. В обобществлении производства исключительно важную роль играют орудия труда, их функционирование. Усиление или ослабление этого процесса может регулироваться увеличением или сокращением вовлечения в производство новых видов средств труда. Не подлежит сомнению, что высокий динамизм обобществления сельскохозяйственного производства после мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС связан с тем, что в течение восьмой, девятой и двух лет десятой пятилетки капиталовложения государства и колхозов в сельское хозяйство достигли более 250 млрд. рублей, что составляет свыше 70% капитальных вложений, направленных в эту отрасль за все годы Советской власти¹⁰.

Процесс обобществления сельскохозяйственного производства, осуществляемый в рамках АПК, выступает в конкретных формах и по своему уровню подразделяется на стадии. Важнейшими формами его являются межхозяйственная кооперация и аграрно-промышленная интеграция, а стадиями — производственно-экономическая и производственно-технологическая.

Обобществление сельскохозяйственного производства в АПК выражается в том, что в создании продуктов питания и предметов потребления при-

нимают участие не только сельскохозяйственные, но и несельскохозяйственные отрасли. Правда, «затратный подход» к определению границ АПК подвергается критике с той позиции, что по широте вовлекаемых в его орбиту отраслей он приближается ко всему народному хозяйству и его границы якобы исчезают. Действительно, в производстве продукции сельского хозяйства и доведения ее до конечной формы потребления участвуют десятки отраслей. Но лишь немногие из них либо работают только на сельское хозяйство, либо тесно связаны с ним.

И вообще, замкнутых комплексов нет. По мере развития общественных производительных сил они все сильнее взаимопроникают друг в друга, что отражает усиление процесса обобществления отраслей производства.

Обобществление производства есть экономическая категория способа производства, относящаяся как к производительным силам, так и производственным отношениям. Специализация и концентрация, объективно отражая уровень развития общественных производительных сил, реально фиксируют обобществление производства, а экономические и организационные формы его «наиболее непосредственно и адекватно отражают состояние процесса обобществления производства и дают самый богатый материал для познания тех изменений производственных отношений, которые происходят на основе развития производственных связей как компоненты обобществления производства»¹¹. Это полностью относится к межхозяйственной кооперации сельскохозяйственных предприятий как форме обобществления самого сельского хозяйства. Межхозяйственная кооперация отражает усиление обобществления самого сельскохозяйственного производства, так как кооперативными связями, например, в рамках производственных объединений, охватываются предприятия, базирующиеся как на общенародной собственности (совхозы), так и на колхозно-кооперативной (колхозы). Производственные и экономические связи между ними являются постоянно совершенствующейся формой развития производительных сил. Совершенствуются отношения распределения, обмена и потребления прежде всего между самими предприятиями. Они становятся все более и более однотипными, а это и есть не что иное, как сближение, а затем и слияние колхозно-кооперативной и общенародной формы собственности. Обобществление производства влияет на совершенствование отношений собственности через форму развития производительных сил.

Более совершенной формой развивающегося процесса обобществления выступает аграрно-промышленная интеграция, органическое соединение сельскохозяйственного и промышленного производства. Здесь обобществление выходит за рамки сельского хозяйства и охватывает сельское хозяйство и третью сферу АПК. Аграрно-промышленная интеграция, соединение сельскохозяйственного производства с промышленным открывает новые перспективы ускорения научно-технического прогресса, порождает благоприятные предпосылки высшей формы кооперации и наиболее эффективного разделения общественного труда и его концентрации, ведет к коренным социальным изменениям в деревне.

Обобществление сельскохозяйственного производства, осуществляется под воздействием развития производительных сил всего АПК. Межхозяйственная кооперация и аграрно-промышленная интеграция были бы невозможны без индустриализации аграрного производства на основе научно-технического прогресса. Индустриализация сопровождается созданием крупных аграрно-промышленных предприятий, животноводческих комплексов и других производственных объектов, завершением механизации производства и переходом к автоматизации, социально-экономическими преобразованиями деревни. Все это требует поставок огромного количества промышленных средств труда для сельского хозяйства. Следовательно, индустриализация выступает связующим звеном (через межхозяйственную кооперацию и аграрно-промышленную интеграцию) межотраслевого обобществления производства.

На основе конкретных форм обобществления производства могут проявляться и проявляются на практике отношения не одинакового уровня зрелости. Поэтому правомерно выделение отдельных стадий обобществления внутри форм. Так, в межхозяйственной кооперации преобладают производственно-экономические связи. Предприятия являются самостоятельными и поддерживают экономические связи через обмен и куплю-продажу. Колхозы и совхозы продают свою продукцию государству, затем ее перерабатывают предприятия легкой и пищевой промышленности. Эти связи являются производственно-экономическими. Налаживание производственно-экономиче-

ских связей между сельским хозяйством и промышленностью объективно отражает обобществление производства. Но здесь нет еще аграрно-промышленного синтеза. Последний существует там, где на смену производственно-экономическим связям приходит производственно-технологическая, как более совершенная или развитая ступень обобществления. Аграрно-промышленные предприятия или объединения осуществляют производство по единой технологической схеме: от производства сельскохозяйственного сырья до переработки его и сбыта конечной продукции.

Обобществление сельскохозяйственного производства в рамках АПК тесно связано с созданием материально-технической базы в социалистическом сельском хозяйстве на этапе развитого социализма. Дальнейшее развитие обобществления, в основе которого лежит все более широкое применение современных промышленных средств труда, сопровождается всесторонней индустриализацией и интенсификацией производства, снижением затрат живого, а также живого и овеществленного труда вместе взятых, на единицу производимой продукции. Качественно преобразованная материальная основа производства обуславливает дальнейшее углубление его специализации, рост концентрации и централизации, а на этой основе возникновение таких новых организационных форм, как производственные, аграрно-промышленные и научно-производственные объединения.

Развитие производительных сил в сельском хозяйстве и повышение уровня его обобществления коренным образом изменяют социальный облик советской деревни. Они обуславливают повышение профессионального и культурно-технического уровня тружеников села, рост их доходов и повышение жизненного уровня. Происходит быстрое преодоление существенных социально-экономических различий между городом и деревней.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191.

² Там же, т. 46, ч. II, с. 213.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 96.

⁴ См.: Там же, т. 23, с. 45; т. 36, с. 171; т. 34, с. 17.

⁵ См.: Коммунист, 1978, № 11, с. 40.

⁶ Колганов М. В. Собственность в период перехода к коммунизму.— М., 1963, с. 65.

⁷ См.: СССР в цифрах в 1975 г. Краткий стат. сборник.— М., 1976, с. 79.

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 177.

⁹ Скипетров П. А. Обобществление труда и социалистическая собственность.— М., 1968, с. 14.

¹⁰ См.: Коммунист, 1978, № 11, с. 31.

¹¹ Пахомов Ю. Н. Производственные отношения развитого социализма.— Киев, 1976, с. 267.

И. А. ЮХО

В. И. ЛЕНИН—ОСНОВОПОЛОЖНИК СОВЕТСКОЙ ПРАВОВОЙ НАУКИ

Советские люди постоянно проявляют огромный интерес к жизни, революционной деятельности и научному наследству В. И. Ленина. Учиться у Ленина, усваивать его великое теоретическое наследство, метод познания общественных процессов—важнейшее условие овладения марксистско-ленинской теорией.

В. И. Ленин был не только гениальным теоретиком революционной борьбы трудящихся, основателем и руководителем первого в мире социалистического государства, но и основоположником советского законодательства и всей советской правовой науки. Его талант теоретика, стратега пролетарской революции и руководителя государства начал складываться еще в студенческие годы, когда он готовился к революционной борьбе, изучал правовые науки и юридическую практику. Он начал заниматься правом в Казанском университете в 1887 году, а затем продолжал в Самаре и Петербурге. Готовясь к революционной борьбе, Владимир Ильич поставил перед собой задачу: глубоко изучить правовые науки и политическую экономию¹.

На протяжении всей жизни Ленин сохранял глубочайший интерес к праву и правовой науке. Он использовал знания ее в интересах революционной борьбы пролетариата и, по мере возможностей, оказывал юридическую помощь трудящимся. Даже находясь в Сибирской ссылке, в селе Шушенском, он помогал крестьянам отстаивать их интересы. В политическом отчете ЦК партии XI съезду Ленин говорил: «Когда я был в Сибири в ссылке, мне приходилось быть адвокатом. Был адвокатом подпольным...»²

Юридические знания и правоведческий талант В. И. Ленина оказались особенно полезными для народа и советского государства после Великой Октябрьской социалистической революции. В это время он составлял, редактировал и поправлял проекты декретов, деклараций, постановлений, Конституции РСФСР и других законодательных актов советского государства, организовывал и направлял работу органов государственного управления и суда.

Всю юридическую деятельность В. И. Ленина можно, хотя и несколько условно, подразделить на три периода. **Первый** (1887—1893)—фундаментальное изучение юридических наук и разносторонняя адвокатская практика в Самаре и Петербурге, овладение теорией и практикой марксизма. **Второй** (1894—1917)—использование юридических знаний в подготовке теоретических работ и революционной борьбе. **Третий** (1917—1924)—создание основ теории и практики социалистического права и руководство организацией и деятельностью советского государственного аппарата.

В последней четверти XIX и начале XX века русская юридическая наука получила признание у правоведов мира. Большой известностью пользовались «Лекции по общей теории права», «История философии права», «Русское государственное право» Н. М. Коркунова; «Русские юридические древности» В. И. Сергиевича; «Русское уголовное право»

Н. С. Таганцева; «Курс уголовного судопроизводства»; «Защита в уголовном процессе как служение общественное» И. Я. Фойницкого; «Источники права и суд в древней России» Н. Л. Дювернуа; «История политических учений» Б. Н. Чичерина и труды других русских правоведов. Нам точно не известны все книги по правовым наукам, которые изучал В. И. Ленин, но можно полагать, что труды перечисленных нами ученых ему были хорошо известны, так как испытательная комиссия Петербургского университета, в состав которой входили декан юридического факультета В. И. Сергеевич и профессора Н. Л. Дювернуа, Ф. Мартенс и И. Я. Фойницкий, по всем предметам проэкзаменовав В. И. Ульянова, поставила ему высший балл. В дипломе, выданном 14 января 1892 года говорилось: «...Владимир Ульянов, в заседании Юридической испытательной комиссии 15 ноября 1891 года, удостоен диплома первой степени, со всеми правами и преимуществами»³. По получении диплома Владимир Ильич записался помощником к присяжному поверенному А. Н. Хардину, одному из лучших адвокатов города Самары. 5 марта 1892 года он впервые занимает место за адвокатским столиком и ведет свою первую защиту. С марта 1891 по август 1893 года Владимир Ильич выступил в Самарском суде в качестве адвоката по 18 судебным делам: 3 гражданским и 15 уголовным. По всем из них он добивался успеха и оказывал помощь своим подзащитным. В совершенстве зная право России, он мастерски умел использовать все промахи царской полиции и следственных органов, обладал непревзойденным даром убеждать людей в своей правоте.

Совершенствованием своих правовых знаний Владимир Ильич занимался и в Петербурге, куда переехал в августе 1893 года и где он ближе познакомился со знаменитыми русскими адвокатами и учеными-юристами. В Петербурге Владимир Ильич одновременно с революционной занимался и научной деятельностью. В 1894 году он пишет свое первое крупное произведение «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в котором идейно разгромил народников и дал образец научной методологии классового и конкретно-исторического подхода к анализу общественных явлений и источников. В своих последующих трудах он обосновал наличие различных политических форм эксплуататорских государств, раскрыл особенности перехода от капитализма к социализму и доказал возможность победы социализма в одной, отдельно взятой стране.

В. И. Ленин развил марксистское учение о государстве и праве, показав их классовую сущность, вскрыл пороки буржуазного права, направленного на защиту интересов буржуазии. Ему принадлежит огромная заслуга в становлении и развитии советской правовой науки. Советское право, созданное при непосредственном участии В. И. Ленина, на диалектико-материалистической основе, с первых дней своего существования стало правом высшего типа, отражающим интересы подавляющего большинства народа. Декреты Советской власти, написанные лично В. И. Лениным или при его участии, являлись могучим средством организации и мобилизации трудящихся в борьбе за укрепление Советской власти. «Простому рабочему и крестьянину, — указывал В. И. Ленин, — мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах»⁴. Огромную роль в привлечении трудящихся на сторону Советской власти сыграли декреты, принятые II Всероссийским съездом Советов о мире и о земле, которые были написаны В. И. Лениным. В декрете о мире были закреплены основные принципы миролюбивой внешней политики советского государства. Декрет о земле положил начало проведению аграрных преобразований в деревне. Законодательно основы советского национально-государственного строя были закреплены в «Декларации прав народов России», «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в первой Конституции РСФСР и других нормативных актах, в подготовке которых принимал участие В. И. Ленин.

В многотомном издании «Декреты Советской власти» опубликовано огромное количество декретов, постановлений, обращений, резолюций, инструкций, дополнений и поправок к нормативным актам, которые были написаны непосредственно В. И. Лениным. Эти нормативные акты составили тот фундамент, на котором выросло стройное здание всей системы советского законодательства и на котором базируется наша правовая наука.

Ленинские государственно-правовые идеи живут и развиваются в новых условиях развитого социалистического общества. Л. И. Брежнев в докладе на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 года «О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик» говорил: «Работая над проектом, мы прочно стояли на почве преемственности. В нем сохранены и развиты намеченные еще В. И. Лениным характерные черты конституции социалистического типа»⁵. Принятие новой Конституции СССР и конституций союзных республик еще более укрепило советское государство и право, создало предпосылки быстрого развития советской правовой науки, базирующейся на бессмертных идеях В. И. Ленина.

Разработанные В. И. Лениным основные положения о Советах как форме диктатуры пролетариата и социалистической демократии, о социалистической федерации и решении национального вопроса, о Коммунистической партии как руководящей и направляющей силе советского общества, о демократическом централизме, публичном характере социалистического права, социалистической законности и многие другие составляют основу нашей правовой науки. Все развитие советской правовой науки неразрывно связано с бессмертными идеями В. И. Ленина, теорией и практикой Коммунистической партии Советского Союза.

¹ Ленин В. И. Биография. Изд. 3.—М., 1967, с. 10.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 102.

³ Шалагинов В. Защита поручена Ульянову.—Новосибирск, 1970, с. 27..

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 111.

⁵ Брежнев Л. И. О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик.—Коммунист Белоруссии, № 6, 1977, с. 34.

В. Н. ГОДУНОВ

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПЛАНОВ ПРИКРЕПЛЕНИЯ НА ПОСТАВКУ ПРОДУКЦИИ ПО ПРЯМЫМ ДЛИТЕЛЬНЫМ ХОЗЯЙСТВЕННЫМ СВЯЗЯМ

Из Положения о поставках продукции (п. 6) вытекает, что планы прикрепления составляют одно из оснований договора поставки продукции. Это и будет служить нашей отправной точкой. Необходимо выделить следующие взаимосвязанные признаки плана прикрепления как планового основания договора поставки.

Во-первых, план прикрепления является индивидуальным плановым актом, изданным компетентным органом, а именно органом материально-технического снабжения. При помощи индивидуальных актов осуществляется регламентация общественных отношений. Они носят «строго поднормативный характер»¹. Такие акты, как пишет О. С. Иоффе, «целиком исчерпываются индивидуальными, строго персонифицированными заданиями и потому являются не правовыми нормами, а юридическими фактами (актами)»². Они порождают конкретные права и обязанности для указанных в них адресатов.

Во-вторых, план прикрепления представляет собой плановый акт распределения продукции, направленный на выполнение плана материально-технического снабжения. План материально-технического снабжения является неотъемлемой частью государственного плана развития народного хозяйства. Он состоит из двух частей—материальных балансов и планов распределения. Материальные балансы содержат данные об объемах и источниках образования ресурсов (производство, импорт и т. д.), а также основные направления их распределения (производственно-эксплуатационные нужды, капитальное строительство и т. д.). Планы распределения имеют иное назначение, чем материальные балансы. Они составляются по каждому виду продукции, включенной в номенклатуру плана материально-технического снабжения, с указанием фондодержателей (министерства, ведомства, союзные республики и т. д.) и объемов выделяемой им продукции.

Естественно, в таком виде план материально-технического снабжения не может быть реализован, поскольку в нем не определены непосредственные исполнители. Поэтому, как справедливо отмечает П. П. Карпов, «работа над планом снабжения не заканчивается после его утверждения, а, по существу, только начинается»³. Задания плана материально-техни-

ческого снабжения доводятся до конкретных адресатов с помощью плановых актов (в том числе планов прикрепления), которые О. С. Иоффе назвал актами непосредственного планирования⁴.

В-третьих, план прикрепления выступает как плановый акт, посредством которого потребители прикрепляются к поставщикам. Прикрепление к поставщикам является одним из важнейших моментов в конкретизации плана материально-технического снабжения, в организации хозяйственных и договорных связей. После расчета оптимального варианта хозяйственных связей прикрепление потребителей к поставщикам оформляется путем выдачи органами материально-технического снабжения соответствующих плановых актов, в которых определяются субъекты будущих договорных отношений и другие необходимые данные. К таким актам относятся и планы прикрепления.

Однако приведенные нами признаки плана прикрепления как основания договора поставки касаются в равной мере и других плановых оснований: нарядов (заменяющих их документов) и планов поставок отдельных видов продукции. Поэтому необходимо выявить специфику плана прикрепления по сравнению с этими плановыми основаниями, например, нарядами как наиболее типичными и исследованными. Выявление наряду с общими признаками специфических признаков как раз и даст возможность раскрыть правовую природу планов прикрепления на поставку продукции по прямым длительным хозяйственным связям. Анализ действующего законодательства позволяет провести различие между планами прикрепления и нарядами по следующим направлениям.

По порядку разработки. Наряды выдаются органами материально-технического снабжения практически без участия предприятий-потребителей и предприятий-поставщиков. Лишь потребители могут оказывать воздействие на содержание нарядов через специфицирование выделенных им фондов. Влиять на выбор поставщиков они не в состоянии.

Для планов прикрепления постановлением Госнаба СССР от 15 июля 1971 года № 21 «О порядке прикрепления на прямые длительные хозяйственные связи по поставкам продукции предприятий-потребителей к предприятиям-поставщикам»⁵ установлен особый порядок разработки. Предприятия-потребители направляют в территориальные органы материально-технического снабжения (предприятия Белорусской ССР — в спецснабсты Госнаба ВССР), а также в министерства и ведомства по подчиненности предложения о прикреплении их к предприятиям-поставщикам с указанием возможных объемов поставки и поставщиков. Территориальные органы материально-технического снабжения рассматривают совместно с предприятиями их предложения и представляют сводные предложения в соответствующие союзглавснабсты. Союзглавснабсты с участием заинтересованных министерств и ведомств (поставщиков и потребителей) анализируют поступившие предложения и оформляют планы прикрепления конкретных предприятий-потребителей к предприятиям-поставщикам (при централизованной системе прикрепления), либо планы прикрепления районов потребления к предприятиям-поставщикам (при децентрализованной системе прикрепления). В последнем случае территориальные органы материально-технического снабжения устанавливают планы прикрепления конкретных предприятий-потребителей своего района к предприятиям-поставщикам и сообщают об этом соответствующим союзглавснабстам. Значит, в отличие от порядка выдачи нарядов, при разработке планов прикрепления должна обеспечиваться более высокая степень координации на различных уровнях организации хозяйственных связей.

По содержанию и степени предопределения условий заключаемых договоров. Наряды обычно определяют все существенные условия поставки. В них указывается количество, групповой ассортимент, сроки и другие более детальные данные, необходимые для осуществления поставки (п. 10 Положения о поставках продукции). Высокая степень детализации наряда обуславливает такой способ заключения договора поставки как принятие наряда к исполнению.

Положение о поставках продукции специально не регламентирует содержание планов прикрепления. Из п. II Положения следует, что в планах прикрепления устанавливаются либо только субъекты будущего договора, либо (в случае необходимости) еще и объемы поставок.

Постановление Совета Министров СССР от 28 апреля 1969 года № 309 «О мерах по дальнейшему улучшению материально-технического

снабжения народного хозяйства»⁶ конкретизировало определение содержания планов прикрепления. Оно признало необходимым, чтобы в условиях прямых длительных хозяйственных связей устанавливались только объемы поставок продукции. Но при этом право выбора группового или развернутого ассортимента подлежащей поставке продукции оставлялось за органами материально-технического снабжения.

Аналогичная норма была закреплена в уже упоминавшемся постановлении Госснаба СССР от 15 июля 1971 года. И лишь постановление Госснаба СССР от 21 сентября 1973 года № 50 «О мерах по дальнейшему развитию прямых длительных хозяйственных связей по поставкам продукции»⁷ в частичное изменение постановления от 15 июля 1971 года № 21 четко установило (п. 3), что объемы поставок продукции в планах прикрепления на прямые длительные связи устанавливаются в групповом ассортименте. Все остальные условия поставок, в том числе развернутый ассортимент, внутриквартальные сроки, специальные требования к качеству продукции и др., определяются самими сторонами в долгосрочных договорах и в согласуемых в рамках этих договоров заказах. Различие в содержании нарядов и планов прикрепления обуславливает различную степень их воздействия на условия заключаемых договоров. По сравнению с нарядами планы прикрепления предопределяют эти условия лишь в самой общей форме.

По длительности. Наряды, как правило, выдаются на год. Возможна также выдача полугодовых, квартальных и разовых нарядов.

Планы прикрепления имеют более длительный характер. Положение о поставках продукции (п. 7) предусматривает, что планы прикрепления потребителей к поставщикам устанавливаются на длительный период в пределах срока, на который утвержден перспективный план развития народного хозяйства, либо на иной период поставки. В данной норме нет полной ясности. Ее анализ позволяет нам сказать, что у планов прикрепления может и отсутствовать признак длительности. В соответствии же с постановлением Госснаба СССР от 21 сентября 1973 года № 50 (п. 3) показатели плана прикрепления определяются на пятилетку. Как видим, наблюдается некоторая противоречивость и несогласованность правовых норм.

На наш взгляд, максимальный предел длительности планов прикрепления должен соответствовать сроку, на который утвержден перспективный план развития народного хозяйства. Во-первых, в планах прикрепления невозможно определить объемы поставок сверх этого срока, поскольку нет еще перспективного плана производства. Во-вторых, сведение времени действия планов прикрепления к сроку перспективного плана облегчает планирование поставок продукции по прямым длительным связям и вносит больше единообразия и упорядоченности в их организацию.

Вместе с тем, мы не считаем, что планы прикрепления должны выдаваться непременно на пять лет. Такое правило в значительной мере ограничило бы возможности развития прямых длительных связей, так как за рамками последних оказалась бы масса хозяйственных связей, установленных на сроки менее пяти лет. Поэтому оправданно выдавать планы прикрепления и на срок менее пяти лет. Их длительность в пределах перспективного плана должна, по нашему мнению, определяться в каждом конкретном случае, исходя из экономической целесообразности. Но при любых обстоятельствах планы прикрепления не могут быть менее двух лет, ибо тогда теряется признак длительности прямых связей, а заодно и другие их преимущества. Выдача годовых планов прикрепления нецелесообразна.

Следовательно, в законодательстве необходимо зафиксировать, что планы прикрепления устанавливаются на длительный период в пределах срока, на который утвержден перспективный план развития народного хозяйства, но не менее чем на два года.

В настоящее время хозяйственная практика идет по пути разработки планов прикрепления на срок действия пятилетнего плана развития народного хозяйства. В соответствии с приказом Госснаба СССР от 19 августа 1975 года № 128 «О работе органов Госснаба СССР по заключению хозяйственных договоров и мерах по ее улучшению» были установлены планы прикрепления на 1976—1980 годы. Наряду с этим имеет место разработка планов прикрепления на меньший срок при оформлении дополнительных предложений о переводе на прямые длительные хозяйственные связи. Так, план прикрепления Союзглавхима

от 30 ноября 1977 года устанавливает прямые длительные связи между Могилевским лифтостроительным заводом и Мытищинским производственным объединением строительных пластмасс на 1978—1980 годы.

Необходимо также отметить, что иногда некоторые союзглавснаббыты и спецснаббыты Госснаба БССР (например, Белэлектроснаббыт, Белмашснаббыт) в нарушение законодательства вместо длительных планов прикрепления выдают годовые наряды и разнарядки.

По соотношению с планами производства и распределения продукции. Наряды выдаются в соответствии с утвержденными годовыми планами производства и распределения продукции. Лишь в немногих случаях, определяемых Госснабом СССР, они могут быть выданы на основе проектов планов производства и распределения с уточнением их после утверждения этих планов.

Специфика же планов прикрепления состоит в том, что их показатели определяются, исходя из годовых производственных заданий, предусмотренных перспективными планами развития народного хозяйства и при необходимости уточняются после утверждения годовых планов производства и распределения продукции. Отсюда в целях обеспечения непрерывности снабжения предприятиям-потребителям и предприятиям-поставщикам предоставляется право согласовывать объемы и ассортимент поставляемой продукции на очередной год до утверждения планов производства и распределения, руководствуясь при этом показателями, установленными планом прикрепления.

¹ См.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве.—М., 1966, с. 155—156, 159.

² Иоффе О. С. План и договор в социалистическом хозяйстве.—М., 1971, с. 66.

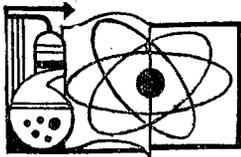
³ Карпов П. П. Распределение средств производства в новых условиях хозяйствования.—М., 1972, с. 134.

⁴ См.: Иоффе О. С. Указ. работа, с. 53—54.

⁵ См.: Сборник нормативных актов по материально-техническому снабжению, ч. 2.—М., 1976, с. 127—129.

⁶ СП СССР, 1969, № 12, с. 66.

⁷ См.: Сборник нормативных актов по материально-техническому снабжению, ч. 2.—М., 1976, с. 130.

Навуковае жыцце

«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» В. И. ЛЕНИНА — ГЕНИАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО МАРКСИЗМА

Дальнейшее развитие общества, развитие и углубление современной научно-технической революции, обострение идеологической борьбы между социализмом и капитализмом неуклонно повышают интерес и внимание к теоретическому и методологическому значению главного философского произведения В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Интересный и содержательный разговор шел об этом на республиканской научно-теоретической конференции, посвященной 70-летию первого издания книги «Материализм и эмпириокритицизм». Конференция проходила в Белгосуниверситете им. В. И. Ленина 15—16 октября 1979 года. Ее участники обсуждали наиболее важные и актуальные философские проблемы: сущность и характер научных революций и развитие современного естествознания, ленинская теория отражения и ее возрастающее методологическое значение для науки, исторического материализма, современной борьбы против идеализма, агностицизма и метафизики.

Открыл конференцию проректор по научной работе университета И. П. Зятков. Он отметил исключительно большое значение произведения В. И. Ленина для разработки важнейших философских проблем наших дней, наступательной борьбы против буржуазной идеологии и философии, для формирования научного мировоззрения.

На пленарном заседании были заслушаны доклады докторов философских наук, профессоров В. С. Степина, А. С. Клевчени, Ю. А. Харина и кандидата философских наук, доцента Е. В. Петушковой.

В докладе В. С. Степина «Ленинская концепция научных революций и современное естествознание» проанализированы пути и средства перестройки научного знания в периоды научных революций. Особое внимание докладчик уделил эвристическим функциям философских идей и принципов, целенаправляющим научный поиск в периоды коренной ломки понятий и представлений науки, с позиций ленинской концепции дал развернутую критику позитивистских теорий развития научного знания.

А. С. Клевченя в докладе «Разработка проблем формальной и диалектической логики в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» подчеркнул положительное значение книги в раскрытии взаимосвязи формальной и диалектической логики.

«Методологические принципы теории отражения и современная наука» — так озаглавила свой доклад Е. В. Петушкова. Большое внимание она уделила анализу методологических функций принципа детерминизма и причинности.

Большой интерес вызвал доклад Ю. А. Харина «Методологическое значение ленинской критики эмпириокритицизма в разработке теории социальной диалектики». Важнейшие категории материалистической диалектики (необходимость, причинность, отрицание, противоречие и другие) приобретают в социальной действительности определенное своеобразие. Изучение этого своеобразия и составляет предмет социальной диалектики, для глубокой разработки которой произведение В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» имеет непреходящее теоретическое и методологическое значение.

На секции «Теория познания диалектического материализма» рассматривался вклад В. И. Ленина в разработку марксистской гносеологии, значимость его идей для разработки ее современных проблем.

На этой секции были обсуждены выступления и по таким важным проблемам, как ленинский анализ роли общенаучных методов в познании, сущность ленинской критики кантианства, идеи В. И. Ленина о противоположности сознания и материи, развитие В. И. Лениным принципа причинности, В. И. Ленин о развитии понятий в процессе научных революций.

Значение ленинских идей для развития современного естествознания обсуждалось на секции философских вопросов естествознания.

На одной из секций рассматривалось значение книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» для развития актуальных проблем исторического материализма.

Известно, что В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» подверг всесторонней критике реакционную буржуазную идеалистическую философию и философский ревизионизм. Ленинские принципы критики, сочетающие в себе страстную партийность, наступательность и глубокую научность, особенно актуальны в наши дни, когда идет острое идейное противоборство между социализмом и капитализмом.

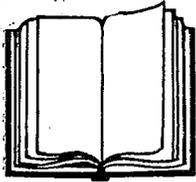
Империалистическая пропаганда, — отмечается в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», — с которой теперь открыто взаимодействует пропаганда пекинских шовинистов и агрессоров, непрерывно ведет яростное наступление на умы советских людей, стремится с помощью самых изощренных методов и современных технических средств отравить их сознание клеветой на советскую действительность, очернить социализм, приукрасить империализм, его грабительскую, бесчеловечную политику и практику¹.

О важном значении ленинских идей для критики современной буржуазной философии, разоблачения ее реакционной сущности и классового характера говорил в своем сообщении Г. В. Грушевой. Он выделил ряд основных ленинских принципов, которые особенно актуальны в наши дни в борьбе против буржуазной философии и ревизионизма. Тесно примыкает к этому сообщению выступление Т. М. Алпеевой, посвященное анализу различных аспектов ленинского принципа партийности, выяснению его места и значения в современной идеологической борьбе. «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет назад» — этот вывод В. И. Ленина актуален и в настоящее время, когда различные буржуазные философские школы и школки особенно любят маскироваться под нейтралитет, прикрывают классовые цели беспартийностью.

В каждом из выступлений, тематика которых так или иначе была связана с борьбой В. И. Ленина против буржуазной философии и философского ревизионизма, раскрывалось идейное богатство произведения «Материализм и эмпириокритицизм», отмечалось его непреходящее значение. Республиканская научно-теоретическая конференция выявила глубокий интерес преподавателей марксистско-ленинской философии к изучению гениального ленинского труда, возросший идейно-теоретический уровень докладов и сообщений, их тесную связь с современностью.

Ю. А. Гусев, П. С. Карако

¹ См.: О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года. — М., 1979, с. 4.

Л. А. Дмитрук. Социальная активность производственного коллектива: истоки, формы, тенденции.— Минск, «Беларусь», 1977, 159 с.

Сущность и специфика социальной активности производственного коллектива в нашей научной литературе освещены еще недостаточно. Работа Л. А. Дмитрук — заметный вклад в исследование этой проблемы. Социальную активность производственного коллектива автор определяет как «инициативную, целенаправленную и согласованную деятельность всех его структурных элементов и групп в наиболее рациональном выполнении государственных заданий, повышении эффективности производства, все более полном удовлетворении растущих потребностей человека» (с. 8).

Критерий социальной активности коллектива рассматривается в книге как сложный комплекс показателей, отражающих общественную значимость и результаты деятельности, способы и методы достижения целей, поставленных обществом перед коллективом.

Социологические исследования показывают, что практически на всех предприятиях имеются значительные резервы повышения инициативы рабочих. Существенные резервы связаны с профессиональной ориентацией и адаптацией молодежи. В настоящее время пока еще только 25% молодежи, входящей на производство, владеет какой-либо специальностью (с. 43).

Анализируя основные формы проявления инициативы инженеров, автор, на наш взгляд, правильно связывает эту проблему с многофункциональным характером их деятельности. Важнейшей функцией инженерно-технических работников на производстве, следовательно, и формой проявления их активности, является идейно-политическое воспитание трудящихся. Другой формой социальной активности ИТР является инженерное обеспечение и содей-

ствие техническому творчеству рабочих. В социологической литературе, посвященной инженерам, этим вопросам уделяется меньше внимания, чем вопросам производственно-технической, экономической и организаторской деятельности, и исследование Л. А. Дмитрук в некоторой мере выполняет этот пробел.

Нельзя не согласиться с автором в том, что дальнейший рост активности коллективов предполагает углубление экономической реформы, доведение ее до каждого рабочего места. Это связано с повсеместным внедрением бригадного хозрасчета с коллективной оплатой за конечные результаты труда. Вместе с тем, на наш взгляд, дискуссионным является утверждение автора, что повышению «социальной активности способствует сдельно-премиальная оплата труда» (с. 87).

Социологические исследования, проведенные в разных регионах страны, в том числе и исследования, выполненные автором работы, убедительно доказывают большое влияние на социальную активность социально-психологического климата и социалистического соревнования. Причем это влияние имеет положительную модальность в том случае, если в коллективе создан благоприятный климат и соревнование организовано на научных принципах, и наоборот — неблагоприятный климат, формализм в организации соревнования тормозят и гасят проявление социальной активности.

Думается, что работа Л. А. Дмитрук является существенным вкладом в изучение важной и актуальной проблемы. Работа, безусловно, будет полезной как научным работникам, так и руководителям и организаторам производства.

С. А. Шавель

В. И. Староверов. **Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма.**— М., «Наука», 1978, 326 с.

Новая книга известного советского социолога, доктора философских наук, заведующего сектором Института социологических исследований АН СССР В. И. Староверова примечательна тем, что это многоплановое монографическое исследование одной из актуальнейших научных проблем общественного развития.

Специалистам известны работы Ю. В. Арутюняна, Г. С. Ентелиса, В. И. Куликова, П. И. Симуша, посвященные исследованиям социальной структуры села. Книга В. И. Староверова, несомненно, новый шаг в разработке сложной темы. У нее свои исследовательские задачи, свой круг вопросов, свой подход к анализу общественных явлений, другими словами, свой творческий профиль. Особенность этой работы проявляется и в том, что конкретные социологические исследования удачно сочетаются с освещением исходных общетеоретических понятий темы. Вполне вписывается в план работы и краткий очерк развития в СССР научной мысли о социальной структуре советского общества.

Автор аргументированно изложил свою позицию по таким вопросам, как социальная структура и ее элементы, критерии классового и внутриклассового деления, город и село как социологические категории, сельская местность и сельское поселение, диалектика классовой дифференциации и интеграции. Полемицируя с другими исследователями, В. И. Староверов решительно отвергает упрощения в освещении развития социальной структуры, в трактовке процесса сближения города и деревни.

Несомненна заслуга автора книги и в том, что на основе анализа обширного статистического материала он дает развернутую картину классовой и социально-демографической структуры современного села, определяет тенденции и специфику ее развития в отдельных республиках и регионах. Много внимания уделяется исследованию специфических условий Нечерноземной зоны РСФСР.

Динамика развития деревни и социальной структуры ее населения рассматриваются в неразрывной связи с глубинными, магистральными процессами общественного прогресса в условиях развитого социализма—сближения города и деревни, преодоления существенных различий между умственным и физическим трудом.

Не все, однако, автору монографии удалось в одинаковой мере. В дальнейшей, более углубленной разработке, по нашему мнению, нуждается вопрос о сельском поселении. Необходимо более четкое разграничение понятия «село», как части социально-

экономической структуры общества с особенностями ее развития, и понятия «село», как поселения, элемента расселенческой структуры. Это будет предпосылкой для разработки научно обоснованной классификации сельских населенных мест, нацеленной на решение насущных вопросов социально-экономического переустройства деревни.

На наш взгляд, слишком категоричен автор в оценке современного подсобного хозяйства колхозников, усматривая в нем «последний остаток традиционного мелкого крестьянского производства» (с. 8), «остаточное от досоциалистических формаций явление трудовой частной собственности» (с. 120). Ведь изменился сельский житель, его духовный облик, ценностные ориентации. Претерпели существенную эволюцию сами функции подсобного хозяйства. Государство и колхозы, как записано в новой Конституции СССР, «оказывают содействие гражданам в ведении подсобного хозяйства» (ст. 13). Чрезмерно оптимистичен и прогноз того, что «производство сельскохозяйственной продукции за 10—15 лет возрастет в несколько раз» (с. 319).

В небольшой рецензии чрезвычайно трудно осветить все особенности книги В. И. Староверова. В целом это содержательное, обстоятельно написанное исследование. Оно будет интересно широкому кругу читателей. Много полезного извлекут из книги преподаватели общественных наук, студенты. Приходится лишь сожалеть, что книга издана крайне малым тиражом.

В. А. Круталевич

В. А. Федосик. **Таинства без тайн. Возникновение и социальная сущность первых христианских таинств.** Науч. ред. Ф. М. Нечай.— Минск, «Наука и техника», 1979, 152 с.

Для написания книги автор широко использовал разнообразные источники и литературу на русском и иностранных языках. Особенно важным представляется его внимательный анализ новых находок в Иудейской пустыне и Хенобоскионе (Египет). Большим достоинством книги является ее полемическая направленность против буржуазных и багословских «концепций» возникновения христианских таинств крещения и причащения.

В. А. Федосик уделяет должное внимание выяснению истоков символического крещения и причащения. Он справедливо отмечает, что христианство постепенно включало в свой культ элементы из обрядности других религий. Вместе с тем автор с полным основанием подчеркивает, что приверженцы христианства перерабатывали эти элементы в соответствии со своим верованием.

Выясняя характерные черты обря-

дов крещения и причащения, В. А. Федосик анализирует данные источников о коллективных христианских трапезах с I до середины II века. Он приходит к обоснованному выводу о том, что трапезка хлеба и вина на трапезах как плоти и крови Иисуса Христа существовала в христианстве до появления евангельских рассказов о тайной вечере.

Большое внимание уделяет автор проблеме формирования и сущности христианских представлений о «благодати». Он полагает, что без исследования этой проблемы невозможно проследить процесс возникновения христианских таинств. Следует отметить, что до В. А. Федосика никто из советских историков серьезно не изучал характер представлений ранних христиан о «благодати».

В рецензируемой книге выясняются характерные особенности христианских обрядности во второй половине II и начале III века. Автор прослеживает процесс создания христианского культа, выясняет условия возникновения первых таинств. Он убедительно показывает, что развитие обрядов крещения и причащения шло по пути их усложнения и обрешения новыми культурными действиями. В. А. Федосик с полным основанием отмечает тенденцию увеличения роли представителей клира в жизни христианских общин. Данное обстоятельство он объясняет изменением социального состава христиан, утратой христианскими общинами своей демократической организации, созданием церковного аппарата. Объявление в конце II века обрядов крещения и причащения таинствами автор считает выражением ориентации христианской организации на существование с миром классового угнетения. Весьма правдоподобным является его предположение о том, что общие ритуальные трапезы и обряд (таинство) причащения с середины II века существовали отдельно друг от друга.

В книге подвергается анализу содержание христианских таинств крещения и причащения в IV—V веках. В это время большое внимание уделялось и разработке догмата о «первородном грехе». Интересными представляются суждения В. А. Федосика относительно происхождения и развития христианских литургий. В заключительной части книги автор приходит к выводу о том, что в IV—V веках учение о таинствах приобрело в основном тот вид, который оно имеет и в настоящее время.

Книга В. А. Федосика содержит богатый и интересный фактический материал, который проанализирован и обобщен на основе марксистско-ленинской методологии. Она вносит весомый вклад в разработку проблемы возникновения и социальной сущности первых христианских таинств.

Г. М. Лившиц

А. С. Клевченя. **Очерки по истории марксистско-ленинской философской мысли в Польше.**—Минск, Изд-во БГУ, 1978, 200 с.

Исследование истории марксистско-ленинской философии стран социалистического содружества способствует более глубокому раскрытию для современности богатства теоретического наследия Маркса, Энгельса, Ленина, опыта идеологической борьбы братских коммунистических и рабочих партий за чистоту и творческое развитие марксизма-ленинизма, дает обширный материал для разоблачения антикоммунизма, ревизионизма, догматизма и сектанства в рабочем движении.

Рецензируемая монография вносит известный вклад в решение этих задач и в значительной мере ликвидирует существующий пробел в изучении истории марксистско-ленинской философии Польши. В работе по существу впервые в отечественной и зарубежной историко-философской литературе дается целостное рассмотрение возникновения и развития марксистско-ленинской философии в Польше, начиная с 70-х годов прошлого века до начала второй мировой войны.

Исследование выгодно отличает большой социально-исторический фон, глубокий анализ утверждения капиталистических отношений, национальных особенностей роста рабочего движения, что накладывало определенный отпечаток на формы и методы работы польских марксистов по пропаганде и распространению диалектико-материалистических идей. Несомненной удачей автора является показ становления и развития марксизма в Польше в неразрывной связи с аналогичным процессом в других странах: Германии, Франции, Англии и особенно России. Именно в России получили образование, приобщились к революционным идеям представители первого и последующих поколений польских марксистов. Характерной особенностью книги является изложение рассматриваемых проблем в тесной взаимосвязи с борьбой против многочисленных идейных противников марксистско-ленинской теории.

В распространении и развитии марксизма-ленинизма в Польше правомерно выделено три периода, неразрывно связанных между собой. Каждый последующий период базируется на предыдущем и отличается от последнего основательностью и глубиной решаемых проблем. Этот объективный факт положен в основание структуры рассматриваемой работы, в названии глав, что придает ей особую логическую стройность и последовательность.

Первое поколение польских марксистов (глава «Разработка революционной теории польскими марксистами первого поколения») основное внимание концентрирует на анализе явле-

ний социальной действительности. Применяя основополагающие положения К. Маркса и Ф. Энгельса, оно рассматривает закономерности общественного развития, обосновывает объективный характер классовой борьбы и революции, в острой полемике с консервативными идеологами пытается найти решение национального вопроса. Однако польские марксисты первого поколения (Л. Варыньский, К. Длусский, Б. Бялоблочки, С. Крусицкий и др.) не смогли в полной мере раскрыть диалектику общественного развития, особенно диалектику социального и национального. Сказалось известное влияние варшавского позитивизма, других мелкобуржуазных идеологических форм. Но под влиянием роста рабочего движения, произведений основоположников научного мировоззрения (и это основательно показано автором) польские революционеры в значительной мере преодолевают ошибки и ограниченность, более глубоко усваивают марксизм, раскрывают партийность, целостность, интернациональный характер диалектико-материалистического учения.

Дальнейшую разработку и исследование марксистской мысли в Польше осуществляют идеологи и теоретики СДКПиЛ и ППС-левицы Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, А. Варский, Ф. Дзержинский, М. Кошутская, С. Рудянский. Этому посвящена вторая глава рецензируемой работы. Ее анализ свидетельствует о значительном расширении проблематики в теоретической деятельности вышеуказанных идеологов. Наряду с рассмотрением социальных проблем, что было характерно для первого поколения польских марксистов последней трети XIX века, они разрабатывают также вопросы философского материализма, материалистической теории познания, марксистской диалектики. Существенное место в их деятельности занимает критика философских основ оппортунизма Бернштейна, буржуазно-националистических и идеалистических взглядов правого крыла ППС, реформистов и ревизионистов.

В работе подчеркивается, что деятельность второго поколения польских марксистов развертывалась в период творческого развития В. И. Лениным революционного учения, основательно показывается, как пристально следил В. И. Ленин за ходом идеологической борьбы в Польше, критиковал ошибки польских революционеров, особенно по аграрному и национальному вопросам, что имело существенное значение для более глубокого усвоения ими марксистско-ленинских воззрений. В монографии отмечается также и тот факт, что ленинизм усваивался польским рабочим движением и его теоретиками с большими трудностями, обусловленными сложностью социально-экономических, политических, национальных и идеологических условий.

И как результат — непонимание ленинского лозунга о праве наций на самоопределение, узость в решении аграрного вопроса и др.

В последней главе книги раскрывается теоретическая и практическая деятельность Ю. Лещинского, Е. Рынга, Ю. Бруна — теоретиков коммунистической партии Польши, которые вносят существенно важные элементы в распространение и развитие марксизма-ленинизма. Их формы и методы пропаганды более разнообразны, они пристально рассматривают проблемы диалектического и исторического материализма, научного коммунизма, ведут интенсивную борьбу за утверждение ленинского этапа в развитии философии, широко распространяют ленинские произведения, особенно по национальному вопросу. Опираясь на высказывания В. И. Ленина, идеологи коммунистической партии Польши дают глубокий анализ империалистической стадии капитализма, бескомпромиссно критикуют правый и левый оппортунизм, раскрывают его социальные и гносеологические корни.

В итоге исследования автор приходит к обоснованному выводу, что деятельность польских марксистов в рассмотренный период заложила прочную основу последующей успешной борьбы за социальное и национальное освобождение в годы гитлеровской оккупации, за народно-демократическую и социалистическую революцию, установление народной власти и утверждение под руководством ПОРП социалистического общества.

А. Г. Клецков

Ф. Т. Константинов, А. М. Кореньков. Дружба, испытанная временем. М., «Международные отношения», 1978, 203 с.

В тринадцативековой истории болгарского государства немало замечательных страниц повествует о дружбе болгарского и русского народов. Ее истоки не только в их кровном родстве, близости языка и культуры. Заложена в совместной борьбе против иноземных поработителей, эта дружба наполнилась новым содержанием со вступлением Болгарии на путь строительства социализма. Этому великому завоеванию двух народов и посвящена книга, написанная выпускником Белорусского государственного университета, ныне известным ученым, доктором философских наук, заслуженным деятелем науки Ф. Т. Константиновым в соавторстве с А. М. Кореньковым.

Авторы описывают наиболее яркие события из истории родства и тесных связей болгар и русских. Первый военно-политический союз

между ними сложились в 966 году, когда византийские войска вторглись в болгарские земли. На помощь братскому народу пришел 60-тысячный отряд киевского князя Святослава. Тесные взаимосвязи развивались и крепили в последующие века. В книге показано особое место в судьбах болгарского народа русско-турецкой войны, завершившейся совместной победой русских гренадеров и болгарских ополченцев и освобождением Болгарии от османского ига в марте 1978 года.

Интересно и содержательно рассказано о том, как приумножали лучшие традиции взаимоотношений двух народов в годы борьбы с капитализмом болгарский рабочий класс и его коммунистическая партия, как развивались их связи с русским революционным движением, а после победы Великого Октября в России — с первым в мире государством трудящихся. В одной из глав книги освещается совместная борьба народов против гитлеризма, великий подвиг воннов Советской Армии, освободивших Болгарию и облегчивших своим стремительным наступлением победу народной революции.

Богатый исторический и фактический материал, экскурс в историю взаимосвязей двух народов позволяет читателям глубже понять и осмыслить новые черты в их отношениях на современном этапе, когда в СССР создается материально-техническая база коммунизма, в Болгарии строится развитое социалистическое общество. В книге рассказывается о многостороннем сотрудничестве двух стран во всех сферах общественной жизни — в области политики, экономики, идеологии, культуры. В сотрудничестве с Болгарией все активнее участвуют союзные республики, в том числе и Белорусская ССР.

Опираясь на братскую дружбу с советским народом, болгарские трудящиеся за 25 лет движения по социалистическому пути достигли поистине выдающихся успехов в развитии экономики, науки, культуры.

Все содержание книги разоблачает бесплодные потуги буржуазных фальсификаторов извратить, представить в ложном свете новый тип взаимоотношений между народами социалистического содружества.

Д. Б. Мельцер, М. П. Квочкин

Нашы юбіляры

ФЕДОР МАКАРЬЕВИЧ НЕЧАЙ (к 75-летию со дня рождения)

Исполнилось 75 лет со дня рождения и 54 года научно-педагогической и общественной деятельности доктора исторических наук, профессора БГУ имени В. И. Ленина Федора Макарьевича Нечая. Родился он в селе Держичи Лоевского района Гомельской области в семье крестьянина. Несколько лет работал сельским учителем. После службы в Красной Армии поступил в Ростовский пединститут, который окончил в 1937 году и тогда же был зачислен в аспирантуру МГУ имени Ломоносова. В 1940 году Ф. М. Нечай под руководством видного историка, специалиста по античности, А. В. Мишулина защитил кандидатскую диссертацию «Союзническая война в источниках».

С 1940 по 1945 год Ф. М. Нечай работал доцентом, деканом исторического факультета, заместителем директора Чувашского пединститута, а в 1945 году перешел в БГУ имени В. И. Ленина. Здесь Федор Макарьевич был деканом исторического факультета, а с 1961 по 1978 год заведовал кафедрой истории древнего мира и средних веков. В 1965 году он защитил докторскую диссертацию.

Высококвалифицированный педагог высшей школы Ф. М. Нечай внес значительный вклад в подготовку кадров для нашей республики, его ученики-аспиранты успешно защитили кандидатские диссертации.

Плодотворна его научно-исследовательская деятельность. В монографиях «Рим и италики», «Образование римского государства» и многочисленных статьях им исследованы недостаточно разработанные или спорные проблемы современного антиковедения. В сферу научных интересов Ф. М. Нечая входит и гомеровская Греция.

За большую научно-педагогическую и общественную деятельность Ф. М. Нечай награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд. В ознаменование столетия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда», тремя Почетными грамотами, Грамотой Верховного Совета БССР.

Пожелаем Ф. М. Нечая крепкого здоровья и новых успехов в научной педагогической и общественной работе.

М. С. Корзун

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Климович В. С., Романовский И. Ф.</i> Программа революционной стратегии и тактики (к 60-летию выхода в свет книги В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»)	3
<i>Сикорский В. М.</i> Некоторые методологические проблемы исследования в исторических науках	7
<i>Жилинский Н. М.</i> Партийное руководство движением за коммунистическое отношение к труду в сельском хозяйстве Белоруссии (1966—1970)	11
<i>Мурашко М. Н.</i> Деятельность КПБ по организации производства товаров народного потребления (1966—1970)	14
<i>Климовский Д. С.</i> Основоположники марксизма-ленинизма о монгольских завоеваниях в средневековой Европе	17

ФІЛАСОФІЯ

<i>Бабосов Е. М., Елсуков А. Н.</i> Ленинизм — творческое развитие марксистской диалектики	21
<i>Гусев Ю. А.</i> В. И. Ленин о социальном творчестве трудящихся	25
<i>Дудко Е. А.</i> Роль абстракции в процессах дифференциации и интеграции математического знания	29
<i>Берков В. Ф.</i> Задачи проблемы в структуре научной деятельности	32
<i>Драговец Г. В., Пигулевский В. О.</i> Проблема интерпретации и взаимодействия произведений художественной литературы и кино	36
<i>Гурко Е. Н.</i> О подходах к анализу соотношения эмпирического и теоретического уровней в социологическом познании	39

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

<i>Кунцевич К. Н.</i> Противопоставление Ленина Марксу — одно из главных направлений фальсификации ленинизма	43
<i>Жевно М. В.</i> Современный этап социалистического соревнования и его особенности	46
<i>Донских А. Г.</i> Необходимость и сущность классового подхода к явлениям общественной жизни в условиях развитого социализма	49
<i>Билык А. П.</i> Роль производственного коллектива в интернациональном воспитании трудящихся	51

ЭКАНОМІКА

<i>Базылев Н. И.</i> В. И. Ленин и актуальные проблемы политической экономии	54
<i>Мигас В. В.</i> Особенности инвестиционного процесса в ФРГ 70-х годов	57
<i>Кулаженко В. А.</i> Промышленное производство средств труда — исходный момент обобществления сельскохозяйственного производства в агропромышленном комплексе	60

ПРАВА

<i>Юхо И. А.</i> В. И. Ленин — основоположник советской правовой науки	65
<i>Годунов В. Н.</i> Правовая природа планов прикрепления на поставку продукции по прямым длительным хозяйственным связям	67

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЕ

- «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина — гениальное произведение творческого марксизма 71

РЭЦЭНЗІІ

- Шавель С. А. Л. А. Дмитрук.* Социальная активность производственного коллектива: истоки, формы, тенденции 73
Круталевич В. А. В. И. Староверов. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма 74
Лившиц Г. М. В. А. Федосик. Таинства без тайн. Возникновение и социальная сущность первых христианских таинств 74
Клецков А. Г. А. С. Клевченя. Очерки по истории марксистско-ленинской философской мысли в Польше 75
Мельцер Д. Б., Квочкин М. П. Ф. Т. Константинов, А. М. Кореньков. Дружба, испытанная временем 77

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

- Федор Макарьевич Нечай. (К 75-летию со дня рождения) 78